**ТИХОНОВА АННА ЮРЬЕВНА
ГОЛОТИН АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ**

**КУЛЬТУРА СИМБИРСКОЙ (УЛЬЯНОВСКОЙ) ГУБЕРНИИ
В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ, ПРОЦЕССЫ, ПРОБЛЕМЫ**

Ульяновск – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 1 СОЦИОКУЛЬТУНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИМБИРСКОЙ (УЛЬЯНОВСКОЙ) ГУБЕРНИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	23
1.1 Историография и источники исследуемой проблемы.....	23
1.2 Характеристика культуры губернии.....	41
1.3 Государственная политика в сфере культуры региона.....	62
1.4 Этнокультурные процессы в губернии.....	79
1.5 Региональные аспекты взаимодействия церкви и советской власти....	95
 2 ОСОБЕННОСТИ ВИДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ.....	109
2.1 Культурно-просветительская работа в губернии.....	109
2.2 Развитие праздничной культуры.....	134
2.3 Театр и кино в регионе.....	151
2.4 Спортивное движение в крае.....	165
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	187
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	214

ВВЕДЕНИЕ

Культура каждого субъекта государства уникальна в своем историческом развитии и в конкретных проявлениях на каждом этапе становления. Неповторимость культурных традиций формируется под влиянием социальных, экономических, но в первую очередь политических условий.

20-е годы XX века являются первым десятилетием становления новой для России советской власти. Это противоречивый и сложный для научного исследования этап развития страны и ее культуры. С одной стороны, это период ломки культурных стереотипов, нравственных принципов, отказа от религии как духовной основы общества, время голода и войны, а с другой – это годы преобразований в экономической и социокультурной сфере, ликвидации неграмотности, расширения форм просветительской работы, творческих инициатив, активизации общественной жизни, начала процесса воспитания личности нового типа – советского человека.

Актуальность изучения особенностей развития культуры страны на примере ее отдельных регионов в 20-е годы XX века подтверждается несколькими положениями. Во-первых, необходимость комплексного исследования культуры отдельных субъектов государства для воссоздания целостной картины развития культуры страны в кризисный период ее истории. Во-вторых, важность освещения опыта культурного строительства в советский период с позиций современной науки для исключения идеологической направленности исследований. В-третьих, назрела потребность в переосмыслении выявленных проблем модернизации культуры и опыта их решения в регионе в 20-е годы XX века, что может быть использовано современными государственными и общественными организациями при определении стратегии развития территории. В-четвертых, необходимость введения в научный оборот новых конкретных фактов, событий, статистических данных, внесения существенных дополнений в историю отдельных направлений культуры губернии, что

позволяет выявить неточности и рассмотреть процессы развития культуры региона с вновь выявленных позиций.

Симбирская (с 1924 г. - Ульяновская) губерния – типичный полиэтнический субъект государства, в развитии культуры которого нашли отражение общероссийские тенденции, преломившиеся в собственно региональных условиях. Культура Симбирской (Ульяновской) губернии 20-х гг. XX в. развивалась в сложной реальности того десятилетия – переходном состоянии общества, движущегося к советской социальности. Видоизменение социокультурного пространства человека осложнялось осуществлением утопических идей большевиками в культурной политике края. Именно на региональном уровне в период трансформаций со всей сложностью проявляются социокультурные изменения и свойственные им противоречия. В этой ситуации сформировались особенности культурного облика территории, которые характеризовались нестабильностью социально-культурного положения граждан, трансформацией национальной культуры коренных народов Поволжья, идеологическим контролем над работой культурно-просветительских учреждений.

Симбирская (Ульяновская) губерния (область) как административная единица государства на протяжении истории своего существования неоднократно меняла свои территориальные границы и административные составляющие. Образованная в 1796 г., губерния в 20-е годы XX века включала Алатырский, Ардатовский, Карсунский, Сенгилеевский, Симбирский, Сызранский уезды, которые мы и относим к Симбирско-Ульяновскому Поволжью. В 1928 г. Ульяновская губерния в качестве округа вошла в состав Средневолжского края. Ульяновская область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 г. за счет районов и городов Куйбышевской и Пензенской областей.¹ Исчерпывающее исследование культуры территории во многом затрудняется в связи с разнообразием понятий, характеризующих отдельные субъекты государства.

¹ Подробное описание территориальных рамок исследования представлено в первой главе.

Для определения локального поля изучения развития культуры территории нами используются понятия «край», «провинция», «регион», «Симбирско-Ульяновское Поволжье», которые определяют примерные общие границы изучаемого субъекта государства. Не ставя перед собой задачу культурологического анализа понятий «губерния», «край», «провинция», «регион», мы определяем их как тождественные и считаем возможным их использование применительно к характеристике территории Симбирской (Ульяновской) губернии.

Все обозначенное и обусловило необходимость исследования истории, процессов и проблем развития культуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 20-е годы XX века.

Исследование носит междисциплинарный характер, что вызвало необходимость привлечения достаточно широкого круга научных трудов, освещающих особенности развития культуры. Общетеоретической основой диссертации послужили работы А.И. Арнольдова, Г.В. Драча, Л.А. Булавка, Б.С. Ерасова, А.С. Кармина, Э.В. Соколова, Э.А. Шулеповой и др., в которых обсуждаются проблемы, связанные с идейно-теоретическими основами культурной политики российского государства. В трудах представителей прикладной культурологии и истории культуры (Е.В. Александрова, М.А. Ариарский, Е.А. Игишева, М.А. Кинсбургская, И.Д. Митин, В.Б. Петухов, Э.А. Шулепова, И.Г. Яковенко и др.) отражены общие черты реализации культурного строительства России большевиками.

В рамках указанной темы всегда существовала диспропорция между исследованием различных ее проблем. Сказывались последствия традиции, в соответствии с которой исследователи отдавали предпочтение политической проблематике культурного строительства регионов России.

Обобщающий анализ отечественной историографии первых лет становления советской власти в государстве дан в работах Г.А. Бордюгова, В.И. Голдина, С.Ф. Найды, В.П. Наумова, А.И. Ушакова, В.Ю. Чуракова, Л.И. Шермана и др. В них показано, что основная часть научной литературы

была посвящена рассмотрению деятельности большевиков и положению рабочих и крестьян и т.д. Исследование деятельности органов местного управления почти не проводилось.

Вопросы социокультурного развития отдельных регионов являются в настоящее время предметом исследований (как в России, так и за рубежом) во многих областях знаний, в том числе в таких междисциплинарных науках, как культурология, регионоведение. Создается теоретическая база изучения региональной культуры. В своих работах отечественные ученые (Н.И. Воронина, Н.М. Инюшкин, Е.И. Кузнецова, И.А. Купцова, К.М. Курленя, В.И. Первушкин, Н.В. Розенберг, Л.Г. Скульмовская, С.П. Щевалев и др.) указывают на необходимость всестороннего исследования локальных культур Российской Федерации. Одновременно местные краеведы (Н.В. Кольцова, А.Г. Пашкин, В.А. Сукайло и др.) собрали и продолжают собирать сведения о культурных процессах Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Особенности социокультурной характеристики регионов советского государства представлены работами П.Ф. Алешкина, Д.Г. Константиновой, А.Я. Лившини и др. Влияние проводимой правительством политики на изменение быта человека рассматривают П.Ф. Алешкин, Ю.Ю. Аншакова, С.В. Завьялова и др. Кроме этого, И.А. Гатауллиной, Ф. В. Дытынко, А.Э. Скоропадом и др. исследованы социальное настроение граждан, морально-нравственные изменения в России, влияние процессов экономики государства на культурную жизнь людей и другие аспекты социокультурного развития общества в первые годы становления советской власти.

Вопросами анализа политики государства в сфере культуры занимаются О.В. Баева, М.А. Борчина, Л.Е. Добрейцина и др. На примере макрорегионов страны они выявляют отличительные особенности развития провинций, входящих в их состав. Исследователи также изучают процессы становления советского бюрократического аппарата и определяют влияние

его деятельности на формирование культурного облика граждан (С.В. Гончарова, Е.А. Костикова, Т.Ю. Красовицкая и др.).

Этнокультурные процессы развития населения многонациональной России представлены в исследованиях Р.Т. Латыповой, Н.А. Матвеевой, А.А. Шалыгина и др. В работах М.Г. Агапова, Р.Т. Латыповой, И.Н. Мавлюдова и др. анализу подвержено формирование отдельных национальных микрорегионов государства, в научных трудах Н.А. Матвеевой, М.В. Суриной, А.А. Шалыгина и др. – развитие историко-культурного наследия конкретных коренных народов страны.

Вопросы взаимоотношения церкви и советской власти освещены в работах С.П. Донцева, Ю.Н. Макарова, П.В. Понарина и др. Также ученые исследуют данную проблему с позиции философии (М.Н. Гутлин, С.В. Соловьева и др.), истории (О.Е. Казьмина, И.В. Тулепбаев и др.), социологии (Д.В. Покатов, Н.А. Романович и др.), политологии (Е.Г. Аванесова, Б.В. Вовченко и др.) и культурологии (С.Б. Бахмутов, П.А. Сапронов и др.), анализируют взаимоотношение церкви и правительства страны как в кризисные исторические периоды развития государства, так и на примере конкретных российских регионов. В основном предметом исследования выступают отношения между правительством и Русской Православной Церковью России (В.В. Бурег, И.А. Капылов, М.В. Одерова и др.). Однако имеются научные труды, в которых изучению подвергается развитие Протестантских общин и Католической церкви в России, в частности, их деятельность на территории Поволжья (О.А. Лиценбергер, Я. Бойченко и др.).

Большое значение для исследования советской культуры имеют научные работы, содержащие сведения о развитии культурно-просветительских учреждений государства. В трудах Т.В. Демидовой, З.К. Лошаковской, И.В. Ураевой раскрыта массово-просветительская работа в стране на примере библиотек, изб-читален, клубов, красных уголков, союзов и др., а также освещены разные аспекты деятельности этих

организаций. Например, Т.В. Демидовой, Л.Ю. Полянской и др. выяснено, что функционирование изб-читален и библиотек помогало изменить восприятие рядового гражданина результатов проводимой политики государства. А.А. Дик, Л.В. Туманова и др. рассмотрели особенности формирования библиотечного дела в сельской местности, а З.К. Лошаковская, М.Г. Нечаев и др. провели комплексный анализ деятельности указанных заведений. Вопросам формирования клубной деятельности в России в 20-е гг. XX в. посвящены научные труды таких ученых, как Г.Ш. Исмагилова, С.А. Уразова, С.А. Чупрынников и др., в которых исследователи изучают как влияние государственных организаций на клубную жизнь края, так и роль клубов в развитии села.

Историю становления и развития праздничной культуры советской России исследуют такие ученые, как М.Д. Алексеевский, С.Н. Шаповалов и др. Представители отечественной науки (С.Ф. Дзанаева, С.Н. Шаповалов и др.) проводили как горизонтальное, так и вертикальное изучение видоизменений методов и форм проведения празднеств в государстве. В их работах анализируются особенности организации праздников в различных регионах страны.

В разные исторические периоды развития России многие сферы театрального дела и кино изучены в работах Т.В. Гавриловой, В.Г. Пушкарёва, В.А. Хохлова и др., исследующих художественную деятельность ведущих театральных сцен советского государства и развитие народного творчества крестьян. Также в работах Н.В. Ростовской, Е.В. Сотниковой и др. содержится анализ процессов видоизменения региональной драматургии.

Многие из зарубежных и отечественных историков и культурологов (Б.Р. Голощапов, Ю.Т. Ревякин, М. О'Махоуни и др.) занимаются изучением развития физической культуры советского государства. Они выявляют не только особенности формирования советского спорта, его влияние на жизнь

населения, но и специфические черты методики проведения занятий по физкультуре в учебных заведениях.

Для проведения исследования истории развития культуры Симбирской (Ульяновской) губернии в диссертации анализировались научные труды местных ученых. Д.В. Макаров, А.Ю. Тихонова и др. определили особенности социокультурного развития выбранного региона. Регулирование процессов по изменению художественной жизни местного населения освещается в публикациях М.А. Бравиной, М.К. Декановой, Е.Л. Силантьевой, О.В. Тузовой и др. Вопросами изучения особенностей строительства культуры нацменьшинств интересуются А.И. Кобзев, Р.А. Мухаммедов и др. Сведения о влиянии правящей партии на видоизменение социально-культурных отношений жителей края собраны в работах В.Н. Кузнецова, И.А. Чуканова, Л.А. Шайпака и др. Факт воздействия общественных организаций на построение «идеологического сознания» граждан доказывается А.В. Алешиной, Н.В. Липатовой, Д.С. Точеным и др.

Проведенный анализ изученности темы свидетельствует о следующем: несмотря на наличие фундаментальных исследований, посвященных вопросам развития культуры в разные периоды и на разном фактологическом материале, комплексное изучение культуры Симбирско-Ульяновского Поволжья в 20-е гг. XX в. до настоящего времени не проводилось. Существующий в современной научной литературе недостаток может быть компенсирован анализом архивных источников, имеющих статистических данных.

Данный исследовательский труд основывается на анализе делопроизводственной документации советского правительства и местных органов власти в 1920-е гг., правовых законодательных актов, регулирующих формирование культурных процессов в государстве и на периферии. Основу работы составляет исследование малоизученных архивных дел Ульяновского государственного архива (фонды Исполнительного комитета Ульяновского

губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Р-200, Ульяновского губернского отдела народного образования Р-190 и Отдела народного образования исполкома Ульяновского городского Совета народных депутатов Р-521), публикаций местной советской печати 1921-1930 гг. Обращение к указанным источникам позволило показать историю развития региональной культуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1920-е гг. доказательно и объективно.

1 СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИМБИРСКОЙ (УЛЬЯНОВСКОЙ) ГУБЕРНИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

1.1 Историография и источники исследуемой проблемы

Проблема социокультурного развития России в 1920-е гг. всегда интересовала представителей отечественной историографии. Первые работы по указанной теме стали появляться уже в 1930-е гг. Так в 1938 г. Н.Н. Белькович попытался изучить итоги культурного строительства в РСФСР [32], но из-за объективных и субъективных факторов, которые повлияли на ликвидацию свободы действия ученого, он не смог в своем труде произвести глубокую аналитическую обработку статистических данных.

Данную тему советские исследователи рассматривали с разных сторон:

- деятельность государственных и партийных руководителей в области культурного строительства (С.А. Галин, В.В. Горбунов, Т.Ф. Грабарь, И.С. Смирнов и др.),
- влияние общественных и государственных учреждений на формирование культурного облика общества (Г.Г. Карпов, М.П. Ким, А.И. Кривенький, Т.А. Ремизова и др.),
- деятельность культурных учреждений (К.И. Абрамов, К.П. Абрасенко, В.С. Аксенов, Н.Н. Белькович и др.) и другие проблемы.

Однако, несмотря на наличие научных работ, посвященных отдельным вопросам социальной и культурной жизни России в 1920-е гг., советскими учеными не были полностью изучены, например, такие проблемы, как история социокультурной трансформации общества, диалог крестьянской и пролетарской культур, развитие национального творчества коренных народов и другие актуальные темы.

В постсоветский период из-за кризисных ситуаций развития государства актуальность изучения истории культуры России возросла. Исследователями (Н.Н. Билим, Ю.В. Войрановская, П.И. Лопатин, М.А. Шакирзянов, Р.Р. Юсупов и др.) изучаются следующие вопросы, относящиеся к теме культуры советского государства в период 20-х гг. XX в.: изменение социокультурной ситуации, проведение государственной политики в области культуры, этнокультурные процессы, трансформация пролетарской и крестьянской культуры, региональные аспекты взаимодействия церкви и правительства, культурно-просветительская работа учреждений, развитие праздничной культуры, театральное и кино-творчество деятелей искусства, спортивное движение и другие.

Изучение данной темы повлияло на открытие в стране с 1990-х гг. научных исследовательских институтов: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете и других.

Сотрудниками научно-исследовательских центров и учеными освещались разные стороны культурной жизни населения России в первой половине XX в.:

- изменение фольклорных жанров народного творчества (К.А. Богданов, А.Г. Бурнаев, Л.Н. Скаковская, А.Ю. Сорокина и др.),
- формирование отраслевых форм культуры (Л.П. Баюра, Н.Ю. Паудель, О.А. Ракова, А.В. Шаров и др.),
- регулирование правительством культурных процессов в социуме (Т.Ю. Красовицкая, И.М. Сенектутова, А.Ю. Тихонова и др.),
- методы и способы организации просветительской работы в сельской местности (И.А. Кубанцова, И.А. Чуканов, С.С. Шелаева и др.),
- видоизменение социокультурного положения жителей провинциальных поселений (Н.Н. Познякова, Е.В. Полутина, Т.В. Сарычева и др.).

Представители научного сообщества при поддержке этих и других институтов провели изучение развития культуры России XIX – XX вв. на примере отдельно взятого микро- или макро- региона или поселения. Например, как Е.В. Александрова – Российская Федерация и её субъекты, И.Ю. Асабин – республика Мордовия, О.В. Баева – Донской край, Л.А. Богатырева – республика Дагестан, М.А. Борчина – Вятская губерния, М.А. Бравина – г. Симбирск, Н.Л. Васильев – с. Рузаевка, И.П. Госткин – Саранский уезд, Л.Е. Добрейцина – г. Нижний Тагил, Е.А. Игишева – Урал, Е.Г. Иманакова – Восточное Забайкалье, Т.И. Кильдюшкина – Мордовский край, О.Л. Корольков – Приенисейский край, У.Б. Очиров – Калмыкия, М.А. Поливина – Северный Кавказ, Е.Л. Силантьева – г. Симбирск, И.Н. Фельдт – г. Архангельск, Д.К. Чимитова – республика Бурятия и др. Большое внимание уделялось трансформации провинциальной культуры государства в первые годы становления советской власти.

Проведение регионального исследования истории культуры государства повлияло на развитие отечественного краеведения. В 1990 г. в стране стал действовать Союз Краеведов России. При его поддержке ульяновские краеведы при сотрудничестве с администрацией музеев выпускают просветительскую периодику, например, журналы «Мономах» «Краеведческие записки», «Симбирский научный вестник» и другие.

Рассмотрим историографию и источники советской культуры в 1920-е гг. Ученые исследуют социокультурное развитие государства в этот период с экономической, социологической, исторической, культурной и других позиций.

Более детально у исследователей изучен процесс создания благоприятной социальной среды для общества, где граждане могут свободно удовлетворять свои духовные потребности (В.В. Павлова, Е.Ю. Прокофьева и др.), особенно молодежь (Н.Н. Билим, А.Э. Скоропад и др.). Д.Г. Константинова [105] установила, что в результате создания нового социокультурного пространства социума произошли демографические и

морально-нравственные изменения в России, которые являлись не всегда положительны для населения. Данный факт подтверждается в дневниках И.А. Бунина и М. Горького. Многие негативные изменения, произошедшие в жизни граждан в тот период, были изучены учеными, как Ю.В. Войрановской, Н.Б. Лебиной и другими. Авторы указывают, что взамен поисков путей наладить общественные отношения происходила политизация этих изменений (пороков людей). Они через скрытые формы насильственно стирались в культуре социума. Поэтому в дальнейшем правительство, видя их отрицательное влияние на развитие государства, стало постепенно изменять программы проводимой политики.

Ученые Ульяновской области рассматривают провинциальные социокультурные изменения Симбирской (Ульяновской) губернии в 1920-е гг. в первую очередь с позиции экономики и социологии. Они подчеркивают, что политическая нестабильность в регионе разрушала ценностные культурные и экономические установки в обществе.

По мнению Л.А. Шайпака [228], этому способствовала неготовность большевиков изначально решить ключевые вопросы в крае, которые волновали людей. Поэтому возникали насильственные выступления граждан, например, крестьян. В результате чего правительство пошло на репрессивные меры, которые негативно отразились на духовном здоровье социума (В.А. Коротков, Н.В. Липатова, А.Ю. Тихонова и др.). В дальнейшем предпринятые новые попытки государственными деятелями не смогли обеспечить полноценное функционирование всех сфер жизнедеятельности общества (И.А. Гатаулина, И.А. Чуканов, Д.С. Точеный и др.), из-за чего продолжал существовать «неудовлетворительный уровень качества жизни людей в 1920-е гг.» [58, с. 6].

В процессе формирования промышленности государства предполагалось, что города перейдут на качественно иной социокультурный уровень развития, где большое внимание будет отводиться духовным нуждам граждан (Дж. Боффа, С.В. Гончарова, Ю.Л. Косенкова, П.И. Лопатин,

Н.А. Милютин, М.А. Охитович, Л.М. Сабсович и др.). Правительство предполагало, что новый советский или модернизированный город сформирует наилучшие условия жизни советского народа – его труд, отдых и быт [90, с. 4]. Однако, по мнению Ю.Л. Косенковой, получился «некий фантом идеального города будущего...» [110, с. 5]. Данная ситуация, с точки зрения В.С. Тяжельниковой [213], возникла из-за того, что городская культура находилась на стадии формирования и была представлена эпизодически. В обществе доминировала традиционная крестьянская культура. Поэтому власть развивала городскую культуру через культурно-просветительскую деятельность учреждений, которая осложнялась из-за роста внутренней миграции населения, так как государству не всегда получалось настроить новый диалог культур (В.С. Библер, Ю.В. Войнаровская, Н.Л. Новикова, А.Ю. Тихонова, И.В. Чванов и др.). Частичное изменение культурного облика г. Симбирск (г. Ульяновск) изучено в работах М.А. Бравиной, Е.Л. Силантьевой и у других. М.А. Бравина указывает, что на начальном этапе развития социалистического образа жизни горожан использовались «традиционные для общества формы досуговых и праздничных практик» [43, с. 13]. Несовместимость идеологических установок традиционной и пролетарской культур повлияло на возникновение психологического дискомфорта, пассивности, безответности у жителей малых городов Среднего Поволжья, которые стали причинами диавитантных проявлений в городской культуре [51, с. 11]. Следовательно, городская культура Симбирской (Ульяновской) губернии является примером синтеза новой пролетарской и традиционной патриархальной культуры советского государства в 1920-е гг.

Как выше указано, в быте граждан преобладала крестьянская культура, которая входит в научный интерес многих ученых (А.Ю. Безнадежных, Е.Н. Кананерова, Л.Ю. Комплеева, А.В. Лесных, Т.А. Мельникова, О.А. Сухова и др.). Е.Н. Кананерова в своей работе проанализировала изменение советской аграрной историографии [94].

Историк указывает, что первые труды стали появляться уже в 1930-е гг., авторы которых испытывали на себе влияние советской идеологии. По мнению исследователя, только в 1960-е гг. начали выходить относительно деполитизированные научные публикации, в которых изучена эпизодичная жизнь крестьянина. Однако они базируются на недостаточной делопроизводственной документации. Только в 1980-е гг., когда многие документы были лишены грифа секретности, советские ученые смогли подготовить работы, в которых комплексно изучена общая история крестьянства России XX в.

В 1990-е гг. стали появляться научные труды, которые раскрывают особенности трансформации деревни в регионах государства. Например, А.В. Лесных изучил влияние государственных учреждений на формирование крестьянства и его отношение к советской власти [124]. А.Ю. Безнадежных [30], Л.Ю. Комплеева [104] выявили основные экономические, социальные и духовные трудности в обществе, которые препятствовали благоприятному развитию сельского хозяйства; О.А. Сухова – гендерные изменения в сельской местности [203]. Т.А. Мельникова определила основные задачи ВКП (б) и советского правительства в аграрной сфере [136].

Местные ученые (Р.З. Абитов, М.В. Власов, Н.А. Дунаева, С.Б. Котляров и др.) выявили особенности развития крестьянской культуры Симбирской (Ульяновской) губернии в период нестабильных политических изменений в государстве. В их работах акцент изучения сделан на социально-политических преобразованиях в жизни сельчанина. По мнению Р.З. Абитова, в 1920-е гг. «деревня превратилась в объект реализации всевозможного партийного влияния» [1, с. 13]. Данное обстоятельство повлияло на существование в молодежной среде населения двух противоположных лагерей. Представители первого легко поддавались нововведениям, участвовали в работе просветительских организаций, а второго были склонны к антиобщественному деянию (хулиганству, пьянству и т.п.). А.А. Дик [76, с. 14]. Таким образом, культурная составляющая

часть трансформации сельского социума указанного региона находилась на начальном этапе развития.

Среднее Поволжье как исторически сложившийся многоэтничный регион зачастую очень часто являлся объектом изучения в научных трудах, на примере которого ученые исследовали особенности проведения национальной политики в стране. Они установили, что одна из задач национальной политики большевиков в 1920-х гг. – произвести видоизменение этнокультурного пространства советских регионов, что позволило трансформировать провинциальную культуру по социалистическим критериям. Данную тему на примере Среднего Поволжья с разных позиций частично изучили такие ученые, как И.А. Анохина – процесс образования среди нерусских народов, Ф.В. Дытынко – национально-государственное строительство, И.А. Зеткина – становление и развитие народного просветительства в Поволжье, Ю.Н. Коротин – просвещение коренных народов на примере мордовской народности, И.Н. Мавлюдов – татарская деревня, Е.В. Панкратова – национальные школы, М.А. Шакирзянов – национальная интеллигенция в республике Татарстан, Р.Р. Юсупов – социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей в республике Мордовия и др. Опираясь на ось времени, сотрудники научных центров смогли доказать процесс передачи между поколениями через генетическую память людей историю этнокультурного развития родного края. Анализ методов и способов этнокультурного строительства регионов в указанное десятилетие [См.: 6, 119, 135, 185, 200, 202, 234] позволил изучить диалог национальных культур, который все более актуален в междисциплинарных исследованиях. Данный вопрос на примере Симбирской (Ульяновской) губернии рассматривали М.Б. Аверин, А.И. Кобзев, Р.В. Шайдулин и др.

Ученые отмечают, что проведение национальной политики большевиками по социалистическим принципам позволило им сохранить солидарность и взаимопонимание между коренными народами, в основе

которых лежит взаимное сотрудничество этносов «ради сохранения и защиты каждого из них» [204, с. 200]. Следовательно, отечественные культурологи (О.Г. Беломоева, Н.И. Воронина, А.Б. Танасейчук и др.) указывают, что государственным деятелям приходилось учитывать неповторимость культурно-исторического процесса развития национальных меньшинств. Данный факт вынудил советское правительство для достижения положительных результатов от национально-культурной политики учитывать идентичность каждой нации, то есть «представление людей о себе и своем месте в окружающем мире» [207, с. 18]. Активно в этом процессе участвовала сама интеллигенция. У неё возник «интерес к своим корням», который проявлялся «в самых разных формах...» [53, с. 12]. Это позволило современным исследователям выявить особенности формирования национального творчества, религиозного культа и других отраслей культуры этнических меньшинств.

Вопросы взаимодействия церкви и государства в России актуальны, они всегда интересовали исследователей. В конце XX - начале XXI вв. данная тема получила новое развитие в трудах таких ученых, как Л.В. Абрамова, О.А. Лиценбергер, Ю.Н. Макаров, А.А. Слезин, А.Г. Поляков, А.А. Федотов и др. О.А. Лиценбергер поясняет, что «интерес к данной теме сегодня, когда выявляется актуализация взаимоотношений церкви и государства, вполне закономерен и объясним возрождением духовного потенциала страны» [127, с. 3].

Анализ диссертационных работ последних лет позволил выявить, что обозначенная проблема важна для представителей разных наук. В целом можно выделить следующие приоритетные направления изучения указанной проблемы. Ряд авторов рассмотрели взаимодействие церкви и власти с философских, политических и социологических принципов (Е.Г. Аванесова, Б.В. Вовченко, С.П. Донцев, В.В. Заярный, Н.В. Козлова, А.В. Третьяков, Н.В. Цыганенко и др.). Особенности взаимоотношений церкви и правительства России в разные исторические периоды от древности до

нынешних дней изучали такие исследователи, как А.И. Алексеев, Г.В. Арсеньева, Р.М. Ахмедов, О.Ю. Васильева, О.Е. Казьмина, С. Палат, И.В. Тулепбаев, Л.В. Тюрина, А.А. Федотов, Е.Л. Шапошников. Например, Государство и Восточная христианская церковь в странах ближнего и дальнего зарубежья были предметом изучения у В.В. Бурега, И.А. Капылова, М.В. Одеровой, Е.В. Пантелеевой, Ф.В. Суханова.

Существенное количество работ посвящалось исследованию взаимодействия власти и религиозных объединений в российских регионах. В качестве подтверждения можно привести труды А.Н. Аленова – по Тамбовской губернии, Н.А. Басовой – по Карелии, С.Б. Бахмутова – по республике Мордовия, И.А. Гиоевой – по Северной Осетии, М.А. Дроздовой – по Северо-Западной России, Б.А. Ершова – по Воронежской губернии, Ю.А. Катунина – по территории Крыма, Н.А. Киреевой – по Уфимской губернии, Е.В. Крепициной – по Кузбассу, О.А. Курбатова – по Дальнему Востоку, Н.Б. Ламанской – по Красноярскому краю, М.Р. Маняхиной – по Сибири, Р.В. Мезенцева – по Алтаю, О.Б. Молодова – по Европейскому Северу России, Г.М. Платонова – по Саратовской губернии, П.В. Понарина – по Тульской губернии, протоиерея Беляева – по Симбирской (Ульяновской) губернии, Н.В. Сердюковой – по Северному Кавказу, И.С. Цыремпиловой – по Байкальскому региону и др. Ученые большое внимание уделяли изучению влияния духовных региональных лидеров на жизнедеятельность человека, например, С.Б. Бахмутов [27]. Деятельность Русской Православной Церкви в Симбирско-Ульяновском Поволжье исследовал протоиерей Беляев [160]. Он выявил региональные особенности развития Симбирской (Ульяновской) епархии и архитектуры храмов региона РПЦ. Культуру верующих Русской Старообрядческой Православной Церкви в указанном крае рассмотрел А.А. Виноградов [48].

Как видно из вышеуказанных примеров, ученые в качестве объекта анализа выбирают территории как значительные по размерам, так и конкретные субъекты государства. И чаще поднятая тема анализируется

авторами в рамках первых десятилетий советской власти. Это не случайно, ведь именно в данный исторический период отношения церкви и советской власти основывались на новой правовой основе и носили достаточно интенсивный характер.

В то же время следует констатировать, что в большинстве своем диссертационные исследования указанной тематики устремлены на изучение взаимодействия государства и русской православной церкви. Количество работ о роли Евангелическо-лютеранской церкви в общественной и политической жизни страны существенно меньше (Ю.В. Зудов, З. Тышкевич, С.Б. Филатов, Г.Ф. Соловьева, Е.Е. Князева и др.).

Выше было указано, что в научный круг интересов ученых входит исследование истории развития культурно-просветительской работы в России в 1920-е гг. Более детально эту тему изучили Т.В. Демидова, А.А. Дик, Г.Ш. Исмаилова, З.К. Лошаковская, М.Г. Нечаев, Л.Ю. Полянская, М.В. Пряженникова, И.В. Рочева, Р.В. Рыбаков, И.А. Самолыга, Л.В. Туманова, И.В. Ураева, С.А. Уразова, С.А. Чупрынников, Н.О. Щупленков и др. Было выяснено, что культурно-просветительская работа в конкретных регионах государства не являлась предметом исследования. Однако представители науки рассматривали такие вопросы:

- роль печати в патриотическом воспитании граждан (Т.В. Демидова, Г.В. Михеева, Н.О. Щупленков и др.),
- роль общественных организаций в развитии духовной жизни населения (Р.В. Рыбаков, Л.В. Туманова, С.А. Уразова, С.А. Чупрынников и др.),
- воздействие деятельности культурных учреждений на изменение сознания человека (А.А. Дик, Л.Ю. Полянская, И.А. Самолыга и др.),
- исторических процесс формирования просветительских учреждений в границах макрорегионов (А.В. Алешина, Г.Ш. Исмаилова,

З.К. Лошаковская, М.Г. Нечаев, М.В. Пряжникова, И.В. Рочева, И.В. Ураева и др.).

Частично Симбирская (Ульяновская) губерния была освещена в диссертации А.В. Алешиной. Она установила, что главная проблема в развитии просветительской работы в провинции, – это недостаточная подготовленность персонала культурно-просветительских учреждений в исполнении своих обязанностей. «Состояние кадров клубных работников отличалось текучестью, низким образовательным и подготовительным уровнем» [13, с. 15]. Однако произведенное ею исследование недостаточно основывается на изучении архивных документов Ульяновской области. По указанной причине в труде не полностью анализированы предпосылки развития культурно-просветительских учреждений в регионе.

Историю становления и проведения торжеств в советской России исследовали такие ученые как М.Д. Алексеевский, В.А. Головашин, М.К. Декановна, С.Ф. Дзанаева, Е.В. Душечкина, О.В. Калачева, З.Ш. Мавлютова, А.И. Ракитянская, А.А. Слезин, С.Н. Шаповалов, М.Г. Шульман и др. В их работах рассмотрено развитие отдельных отраслей праздничной культуры (О.В. Калачева, А.И. Ракитянская, М.Г. Шульман и др.). Существуют и региональные исследования формирования данного вида культуры (С.Ф. Дзанаева, А.А. Рогач, С.Н. Шаповалов и др.). А.А. Рогач анализировал процессы формирования досуговой деятельности в Среднем Поволжье. По его мнению, «военный быт, ужесточение нравов, идеологическое давление власти, с одной стороны, упрощали и нивелировали культурную жизнь горожан, а с другой - создавали массовость этой сферы. Наряду с прежними видами досуга (театр, музыкальные вечера, прогулки) в повседневной жизни городских обитателей появились новые (митинги, демонстрации)» [169, с.12]. Частично трансформация праздничной культуры изучена в научном труде М.К. Декановой. Она установила, что «сложные обстоятельства жизни региона» в 1920-е гг. «способствовали формированию здесь таких отличительных черт праздничности, как сохранение многих

элементов традиционной и религиозной праздничной культуры, отставание в процессе "осовечивания" "старых" и замедленное распространение структур и форм "новых" праздников» [70, с. 12]. Однако в её работе не исследованы источники Государственного архива Ульяновской области.

В разные исторические периоды развития России многие сферы театрального и кинодела изучали следующие ученые: А.Г. Бурнаев, Т.В. Гаврилова, М.А. Денисова, В.Г. Пушкарев, Н.В. Ростова, Т.С. Савичева, М.Ю. Семенов, Е.В. Сотникова, О.В. Тузова, В.А. Хохлов и др. А.Г. Бурнаев исследовал формирование модели танцев в художественной работе; Т.В. Гаврилова – театральное творчество в Пензенском крае; М.А. Денисова – повседневную жизнь населения типичного советского провинциального города; А.Н. Еремеева – художественную жизнь Юга России; В.Г. Пушкарев – историю развития фольклорного театра; Н.В. Ростова – особенности отечественной режиссуры в театре и кинематографе; Т.С. Савичева – роль Московского Художественного театра в общественной и культурной жизни России; М.Ю. Семенов – проблему исторического изучения городской культуры; Е.В. Сотникова – музыкальное и театральное образование и просвещение в Сибири; В.А. Хохлов – заграничные туры московских театров. Таким образом, объектом изучения в научных работах является, во-первых, культурно-исторический процесс развития конкретных советских театральных учреждений, во-вторых, влияние творчества актеров на формирование сознания граждан и, в-третьих, деятельность кино- и театральных центров в крупных регионах страны.

Трансформация театральной и кинодеятельности учреждений в Симбирской (Ульяновской) губернии в первой половине XX в. рассмотрена в трудах Т.Ю. Кочepasовой, О.В. Тузовой и др. Объектом исследования научного труда Ольги Владимировны Тузовой является влияние музыкального творчества на формирование патриотического сознания граждан [211]. Татьяна Юрьевна Кочepasова определила проблемы, затрудняющие развитие художественной работы учреждений – плохое

техническое оснащение и необдуманный переход на самофинансирование. «Дороговизна кинопроката, ..., дефицит кинооборудования и его низкие технические возможности приводили к закрытию кинотеатров» [113, с. 16]. Однако в данных исследованиях не изучены все особенности изменения драматургии и киноискусства в указанном регионе.

Многие из зарубежных и отечественных историков занимались изучением построения физической культуры советского государства. Английские ученые Майк О'Махоуни и Джеймс Риордан посвятили многие научные работы развитию российского спортивного движения в XX в. Книга О'Махоуни содержит не только анализ формирования советской спортивной жизни, но и достаточно наглядно доносит симпатию автора к культуре России [222].

В новейшей науке спортивное движение рассматривается с различных позиций:

- влияние деятельности спортсменов на изменения жизни общества (Ю.В. Ворожко, Б.Р. Голощапов, Ю.Т. Ревякин, Т.В. Сарычева, А.Б. Суник и др.);
- комплексное региональное изучение истории развития физической культуры (А.В. Агеев, А.Л. Дерябина, А.С. Трофимова, О.М. Цуканова, А.Г. Ширшиков и др.).

Развитие спортивного движения в Симбирской (Ульяновской) области исследовано в рамках Среднего Поволжья (Н.В. Афанасьева, В.А. Лекарева, Н.А. Шарошкин и др.). В.А. Лекарева установила, что для укрепления социальной стабильности региона изменялись цели «физкультурного движения в зависимости от задач внутренней политики страны» [123, с. 11], то есть спорт являлся для большевиков важной составляющей частью социокультурного строительства края.

Ученые подчеркивают важность изучения влияния личности на развитие советской культуры. Некоторые из них изучают деятельность

государственных лидеров и их окружений, другие же – деятельность научных сообществ и их представителей.

По мнению Ю.А. Щетинова, решение о создании новых форм общественной жизни исходило от И.В. Сталина и его окружения [166]. Н.В. Наумов предполагает о необходимости изучения изменения сознания людей в 1920-е гг., так как «сосредоточение в руках Сталина "необъятной власти" ... произошло в рамках политической системы, основу которой составили Советы – органы подлинного народоправства, созданные широчайшими массами трудящихся в ходе социальной революции» [141, с. 114–116]. О важности преодоления проблемы идеологизации в изучении истории и культуры советской России, о научном анализе взаимоотношений интеллигенции и властных институтов государства говорят и зарубежные историки и культурологи [47].

По мнению С.М. Демидова, большой вклад в развитие истории, культуры и этнографии советского государства в 1920-е гг. внес Г.И. Карпов [71]. Он являлся государственным и общественным деятелем страны, кроме этого, активно занимался наукой. Георгий Иванович проводил научно-практические исследования и научно-полевые работы в стране. Как государственный деятель он занимался улучшением социокультурной среды граждан, а как общественник – налаживал издание и распространение просветительской периодики. Хотя г-н Карпов и внес в развитие общества большой вклад, но его научные изыскания всегда издавались в небольшом тираже, что затрудняло новым молодым ученым изучить достижения этого ученого. Только в 1990-х гг. стали появляться монографии, посвященные ему.

Развитие истории и культуры советской России на себе испытывало отрицательное влияние идеологии большевиков, что непосредственно влияло на трансформацию гуманитарного знания в 1920-е гг. Основными деятелями, которые выступали за изменение истории и культуры государства, были М.Н. Покровский, С.А. Пионтковский и другие. Они считали, что

необходимо упростить культуру и историю страны, тем самым дать возможность их изучить человеку. Одновременно с этим в сознание граждан внедрялось искаженное значение исторических событий, что позволило правительству манипулировать общественным мнением людей [12]. Таким образом, некоторая часть интеллигенции советского государства деструктивно участвовала в формировании культурной жизни социума.

Ученые П.В. Алексеев, Т.В. Гаврилова, В.Е. Дегтярев, А.В. Квакин, В.И. Пищулин и др. акцентировали свое внимание на проблеме взаимоотношений представителей интеллигенции и власти. Исследователи указывают, что пока не была создана новая социалистическая интеллигенция, большевики вынуждены были взаимодействовать со старой. При этом подавлялась оппозиционная точка зрения, например, у представителей искусства. Сложившаяся ситуация потребовала создать новую систему управления художественной деятельностью культработников, что отразилось на культурной жизни общества, повышая лояльность народных масс правительству. Частично эта тема на примере Симбирской (Ульяновской) губернии была изучена Т.В. Глухой. Исследователь считает, что представители региональной власти в 20-е гг. XX в. «демонстрировали энтузиазм и заинтересованность в деле культурного строительства с одной стороны и безграмотное отношение к продуктам творчества с другой» [61, с. 12], то есть местные исполкомы не имели четкого представления о результатах проведения культурной политики.

Источниками диссертационного исследования являются:

- анализ делопроизводственной документации советского правительства и местных органов власти в 1920-е гг. позволил выявить итоги изменения материальной и духовной культуры Симбирской (Ульяновской) губернии;
- рассмотрение правовых законодательных актов советского правительства определило особенности социокультурного развития

государства и регулирования процессов в области культуры выбранного края;

- исследование публикаций местной советской печати (например, газет «Пролетарский путь» и «Ульяновский вестник») дало возможность изучить проблемы культурного строительства провинции и процесс их преодоления;
- изучение статистических данных местных органов управления свидетельствует о динамике изменения количественных показателей в развитии культуры губернии;
- изучение хрестоматий по истории культуры советского государства (А.Ф. Киселев, Ю.С. Рябцев, О.И. Чистяков и др.) позволило изучить различные стороны русской и советской культуры первой половины XX в.;
- использование историко-сравнительного метода в процессе изучения научных работ, раскрывающих трансформацию культуры страны и её регионов в 1920-е гг., позволило выявить особенности культурного развития Симбирской (Ульяновской) губернии;
- исследование малоизученных архивных дел Ульяновского государственного архива (фонды Исполнительного комитета Ульяновского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Р-200, Ульяновского губернского отдела народного образования Р-190 и Отдела народного образования исполкома Ульяновского городского Совета народных депутатов Р-521). В некоторых делах фонда Р-200 обнаружена проблема отсутствия хронологического принципа распределения документов, кроме этого многие дела пострадали от пожара 1934 г. Анализ архивных сведений позволил установить региональные особенности Симбирской (Ульяновской) губернии.

Обращение к указанным источникам позволило комплексно исследовать формирование региональной культуры Симбирско-Ульяновского Поволжья в 1920-е гг. доказательно и объективно.

Итак, нами установлено, что первые работы, освещающие культуру России в 1920-е гг., стали появляться в конце следующего десятилетия. Это вызвано желанием советского правительства показать обществу, какие положительные изменения произошли в духовном ареале человека. Поэтому объектом изучения в научных трудах – деятельность государственных и партийных руководителей в области культурного строительства, влияние общественных и государственных учреждений на формирование культурного облика общества, деятельность культурных учреждений и др. Однако исследовательские работы того периода не являются объективными по причине подчинения науки идеологическим концепциям советского государства (особенно в 1930-е гг.); недоступности многих архивных документов из-за грифа их секретности для ученого и др.

Современная историография внесла заметный вклад в изучение проблем формирования советской культуры в 20-е гг. XX в. В её рамках исследованы механизмы государственного и общественно-политического воздействия на изменение духовных ценностей человека, изучены развитие провинциальной социокультурной среды общества, этнокультурные процессы и взаимодействие церкви и власти, а также выявлены особенности видовой деятельности культурно-просветительских учреждений. Существуют исследования формирования отдельных сфер культуры микро- и макрорегионов России. В этих работах с разных позиций рассматривается духовная жизнь провинции. Однако недостаточность комплексных изысканий по истории становления культуры отдельных территорий в хронологической последовательности нарушает их целостное культурологическое рассмотрение.

Вместе с тем имеются и недостаточно изученные вопросы социокультурного строительства России. В частности, не полностью раскрыты воздействие репрессивных и запретных мер правительства на развитие отраслевых направлений культуры; трансформация сознания местной интеллигенции и влияние её на духовный ареал социума;

регулирование государством культурных процессов в обществе и др. Недостаточная разработка отдельных проблем провинциальной культуры регионов России затрудняет создание фундаментальных обобщающих трудов.

Так, на примере Симбирской (Ульяновской) губернии в первые годы становления советской власти ученые изучают различные составляющие части социокультурного развития региона. В их научный интерес входит исследование влияния социально-политических и экономических факторов на формирование культуры края. В меньшей степени рассмотрена проблема изменения видовой деятельности в культурных процессах провинции. Анализ работ краеведов показал, что слабо разработанной темой является воздействие межличностных отношений на развитие культурной жизни общества.

Основными информационными источниками диссертации являются малоизученные архивные документы, что дало возможность преодолеть идеологическую направленность изучения культуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1920-е гг. Кроме этого, анализируя статистические данные, исследователь установил промежуточный итог проведения культурной политики большевиков в регионе. Изучение публикаций региональной прессы показало изменение идеологической составляющей части в организации программ в области культуры на протяжении десятилетия. Исследование историографии советской культуры 20-х гг. XX в. способствовало выявлению особенностей развития культурного облика провинции. Таким образом, использование вышеперечисленных источников позволило автору диссертационной работы определить многообразие культурных процессов Симбирско-Ульяновского Поволжья.

1.2 Характеристика культуры губернии

Для рассмотрения характеристики культурной жизни жителей Симбирско-Ульяновского Поволжья необходимо уточнить содержания понятий, относящихся к характеристике губернии. В научных работах для определения субъектов государства используются различные термины: регион, край, провинция. Данный терминологический аппарат был объективно раскрыт в диссертационных работах Н.М. Инюшкина, И.А. Купцовой, Л.Г. Скульмовской, А.Ю. Тихоновой и др. В диссертационной работе нами не ставится задача рассматривать понятия «регион», «губерния», «край», «провинция». Мы определяем их как тождественными и считаем возможным их использование применительно к характеристике территории Симбирской (Ульяновской) губернии. Она была образована в 1796 г., с 1924 г. получила название Ульяновская губерния. В 1928 г. губерния как административно-территориальная единица была упразднена. Она вошла в состав Средневолжской области на правах округа.

До 1920 г. в Симбирскую губернию входили следующие уезды: Алатырский, Ардатовский, Буинский, Карсунский, Курмышский, Сенгилеевский, Симбирский, Сызранский. Город Сызрань занимал по политической и экономической значимости второе место после Симбирска. С вышеуказанного года начались территориальные изменения губернии. Курмышский уезд был поделен между Чувашской автономной областью и Нижегородской губернией, а Буинский отошел к Татарской автономной области. В 1924 г. был упразднен Сенгилеевский уезд, а в 1925 г. Алатырский уезд вошел в состав Чувашской АССР².

Численность граждан, проживавших на территории Симбирско-Ульяновского Поволжья, на протяжении более чем за тридцать лет (с 1897 г. по 1930 г.) сильно изменилась. Так, в 1897 г. в губернии проживало 1.527.848

² Данные получены из документов Симбирского (Ульяновского) статистического бюро, которые хранятся в краеведческом отделе Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ульянова

чел. [262, с. 3], в 1920 г. – 2.098.000 чел. [283, с. 2], а в 1926 г. – 1.390.220 чел. [284, с. 247]. Такая динамика изменения численности населения, во-первых, возникла из-за административно-территориального преобразования региона. В 1926 г., по сравнению с 1920 г., от губернии отделились три уезда, кроме этого, дополнительно несколько волостей (Болховская волость и др.), сел (с. Ратово и др.) и деревень (д. Малиновый куст и др.) [255, с. 124-125]. Во-вторых, количество жителей в регионе значительно снизилось из-за неблагоприятной социокультурной ситуации в крае (размах эпидемий, миграция, последствия голода, войн и др.). Примером является разница в численности населения между мужчинами (66200 чел.) и женщинами (97331 чел.) в возрасте от 20 до 29 лет на 1923 г. [254, с. 110-115].

Об изменениях социокультурной ситуации Симбирской (Ульяновской) губернии свидетельствуют данные по программе ликвидации безграмотности региона в 1920-е гг., которые характеризуют степень участия граждан в развитии творческой деятельности учреждений в регионе. Частично указанная программа стала в руках государственных деятелей мощным орудием пропаганды социалистической идеологии среди населения. Об этом свидетельствует тот факт, что в социологических исследованиях 1920 г., 1923 г. и 1926 г. не учитывалось сословное происхождение опрошенных лиц.

Таблица №1

Процент грамотных людей от общего числа населения Симбирской (Ульяновской) губернии³

	1897 г.	1920 г.	1927 г.
Мужчины	27,5%	37.1%	53,8%
Женщины	8,1%	17.8%	26.2%

³ Составлено автором по источникам Симбирского (Ульяновского) статистического бюро, которые хранятся в краеведческом отделе Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ульянова

Таблица №2

Процент грамотных людей от общего национального состава
населения Симбирской (Ульяновской) губернии⁴

Этнос	1897 г.		1920 г.		1923 г.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Русские	29,6%	6,6%	41,8%	20,1%	40,4%	20,2%
Татары	15,2%	6,6%	22,3%	13,4%	22,9%	13,7%
Мордва	17,7%	2,2%	23,8%	5%	22,1%	38,2%
Чуваши	15,6%	1,3%	25%	6,4%	32,9%	6,4%

Результаты регионального исследования, характеризующие проведение просветительской работы учреждениями региона, отражены на быте женского населения мордвы. У женщин этого этноса резко повысилась грамотность, что свидетельствует о плодотворной деятельности национальных школ. Также на это повлиял дисбаланс соотношения численности женщин (163 183 чел.) и мужчин (24 743 чел.) [254, с. 122] этого народа. Вероятно, не каждая девушка имела возможность создать семью, и этот же факт ограждал её от патриархального влияния мужа, в то же время она могла спокойно принимать участие в культурно-просветительской деятельности учреждений.

В 1920-е гг. изменения произошли и в культурно-просветительской деятельности учреждений в Симбирской (Ульяновской) губернии. Центрами, где происходила просветительская работа до Октябрьской революции, являлись библиотеки, религиозные организации, учебные заведения и др. Например, в Симбирской губернии на 1906 г. культовые организации действовали в 1324 зданиях [261, с. 14-15], при многих из них существовали воскресные школы для детей. После 1917 г. в Симбирско-Ульяновском

⁴ Составлено автором по источникам Симбирского (Ульяновского) статистического бюро, которые хранятся в краеведческом отделе Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ульянова

Поволжье шло постепенное сокращение действующих религиозных центров, так, в конце 1920-х гг. в Симбирске (Ульяновске) Русская Православная церковь официально имела один действующий храм.

Правительство было заинтересовано в развитии социализма через культурно-просветительскую деятельность учреждений, в этом процессе непосредственно участвовало 6118 коммунистов (1928 г.) [263, с. 32]. Это позволило увеличить количество учебных учреждений до 674 единиц (1928 г.) [263, с. 54-55], средне профессиональных образовательных заведений – до 32 единиц (1928 г.) [263, с. 54-55], просветительских организаций (клубы, библиотеки, избы-читальни) до 312 единиц (1928 г.) [263, с. 54-55] и т.д.

Социокультурная обстановка в регионах России в начале 20-х гг. XX в. соответствовала общегосударственной, но каждая провинция имела собственные отличительные особенности. Примером является Симбирская (Ульяновская) губерния, на её социокультурное положение в самом начале десятилетия повлияли следующие факторы: во-первых, последствия военных действий, во-вторых, – деятельность продотрядов. В результате этого в сельской местности региона нарушалось взаимодействие между кулаками и бедняками. Так как выбранный край являлся аграрным, то проблема противоречий в селе отражалась на укладе жизни целого регионального социума. На это указывает В.А. Саблин, он подчеркивает значимую роль «крестьянского двора, которую он играет в социально-экономическом развитии России» [176, с. 3]. Появившиеся трудности осложняли проведение мероприятий в области культуры. Вследствие этого, значение происходящих культурных процессов в государстве граждане не всегда понимали. Данный факт доказан в научных трудах следующих ученых: Ш.Т. Гизатулина, А.Я. Лившина, С.С. Плюцинского, В.А. Саблина и др. В дальнейшем уже недопонимание между крестьянами и советской властью усугубляло неблагоприятную социокультурную ситуацию внутри страны [134, с. 62].

Документы свидетельствуют, что сложившаяся нестабильная социальная обстановка из-за проведения «военного коммунизма» в

провинциях России в начале 20-х гг. XX в. осложняла развитие страны. Не все проходившие на этом фоне социально-культурные изменения в государстве находили поддержку у населения. По указанной причине люди заявили о своем несогласии проводимой политики правительством в разных формах. В основном распространение получило гражданское неподчинение властям. Иногда оно переходило в вооруженный конфликт. Перечислим некоторые формы неподчинения граждан органам советской власти в Европейской части России: Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг., в Среднем Поволжье – «Чапанная война» 1919 г. [14] (Симбирская губерния, Карсунский уезд), бунт «Черный орел» 1920 г., мятеж Сапожкова 1920 г. [18], в Верхнем Поволжье – народное возмущение в Поветлужье 1918 г. [83]. Так, только в Тульской губернии произошло 22 протестных вооруженных выступлений крестьян против изъятия запасов зерна в 1918 г. [246]. После преодоления протеста жителей сельской местности члены Совета Народных Комитета под давлением РКП (б) приняли решение начать контролировать развитие духовного мира человека.

Изменение правовой основы, методов и способов проведения культурной политики правительством отражалось на социокультурной ситуации государства и его регионов. Разрушение вековых устоев быта рабочих и крестьян привело к дестабилизации общественной обстановки в регионах, так как, по мнению О. Figes, английского историка, «в одночасье все институты власти рухнули – церковь, правовая система, авторитет офицеров в армии и на флоте, уважение старших фигур...» [252, р. 436]. Вследствие этого, например, в Симбирской (Ульяновской) губернии нарушился правопорядок. Жители не чувствовали себя в безопасности. Появившаяся проблема беспокоила местную власть, это доказывают архивные документы. Примером является служебная записка от губернского исполкома к правоохранительным органам, где указывалась «настоятельная» просьба улучшить безопасность граждан [279, л. 34].

Другая существующая в то время проблема – повсеместное распространение хулиганства в крае, которая дестабилизировала также обстановку в обществе. Хулиганские выходки происходили из-за слабого культурного уровня населения, особенно молодежи. На это указывал работник губернского исполкома, отвечающий за молодежную работу: «... одна из причин хулиганства и пьянства – низкий культурный уровень рабоче-крестьянских масс...» [301, л. 77]. Борьба с деструктивным поведением граждан продолжалась на протяжении всего исторического промежутка с переменным успехом. Поэтому со временем разрабатывались всё новые меры по улучшению социокультурной ситуации региона.

Данная работа являлась многоплановой по разрушению фундамента этого нигилистического явления в обществе. В этом процессе активно участвовала сама молодежь. Развивались красные уголки и избы-читальни, которые начинали отвечать интересам населения региона. Их персонал проводил открытые чтения агитационного материала. Жители получили возможность знакомиться с художественной литературой в просветительских организациях. В селах культработники устраивали показ советского кино [301, л. 77-77 об]. То есть должностные лица активно развивали бытовые условия граждан по принципам государственной идеологии. Данная деятельность местных органов управления способствовала снижению количества хулиганских поступков в крае.

По причине улучшения социально-культурных условий проживания детей в стране советское правительство реализовывало ряд программ, активное участие в которых принимало само общество. Одна из главных проблем того десятилетия – беспризорность. Для решения этой проблемы СНК организовал следующее мероприятие – «Неделя Ребенка» [276, л. 11].

Данное мероприятие являлось всеобщим. Устанавливались приблизительные сроки его проведения в стране с 7 по 14 ноября 1920 г. В регионах допускалось изменение данного графика на основании

подготовленности к событию местной администрации, в Симбирске – это срок с 21 по 28 ноября 1920 г., в уездах губернии и еще позже [276, л. 6].

Отвечали за реализацию этой целевой программы должностные лица из исполнительных комитетов, которые работали «только с детскими учреждениями» в период подготовки к ней [276, л. 6]. Например, они следили за оказанием помощи ребятам и проведением массовой пропаганды социалистических идей в детских заведениях. Поэтому для должностных лиц создавалась инструкция «недели ребенка», в которой регламентировались их обязанности. В указанном руководстве обозначалась главная цель мероприятия – «привлечение широких слоев трудящихся масс к делу всемирной помощи детям, школам и другим детским учреждениям продовольствием и предметами первой необходимости, а также агитация и пропаганда идей социализма, социалистического воспитания и охраны здоровья детей» [276, л. 13], то есть, создавалась основа для социализации молодого поколения граждан.

В процессе организации мероприятий проводилась просветительская работа культурными центрами, например, через публикации статей в газетах и прочитывания лекций во время антрактов на концертах и киносеансах. Устраивались массовые зрелища, в частности, митинги. Сама же исполнительная власть Симбирской (Ульяновской) губернии взаимодействовала со всеми общественными учреждениями, в том числе и с партийными ячейками РКП (б). В течение «недели ребенка» органы местного управления произвели полный мониторинг детских учреждений для выяснения существующих в них проблем и медицинский осмотр детей. При содействии жителей должностные лица организовывали ремонт помещений этих заведений. Губисполком строго контролировал процесс распределения предметов первой необходимости и продуктов питания по детским организациям, «прочие предметы, полученные в результате Недели Ребенка, хранятся на складах, а не используемые после мероприятия не подлежат местному расходованию, а остаются на складах до указа из Москвы о

распределении их» [276, л. 13 об], то есть устанавливался строгий контроль над этим действием.

Важной составляющей частью в проведении подобной государственной программы являлось идеологическое воспитание детворы. Лекция «Революция – для детей, дети – революции» была прочитана на открытых детских собраниях. В ней подчеркивалось значение октябрьских событий 1917 г. для общества. Государственные лидеры считали итог их для социума – ребенок в будущем станет свободной и творческой личностью. Однако из-за политического противостояния в стране страдало местное население, в особенности, дети, так как они слабо защищены от внешних негативных факторов. Поэтому каждый гражданин оказывал посильную помощь им, тем самым способствуя строительству «светлого мира» [278, л. 15].

Ответственные должностные лица осуществляли непосредственный контроль над процессом подготовки «недели ребенка». В середине ноября в результате командировки ими были проверены подготовительные работы в Ардатовском (сейчас Ардатовский район республики Мордовии), Алатырском (сейчас Алатырский район республики Чувашии) и Карсунском уездах. В первом уезде в процессе реализации этого мероприятия постепенно налаживался порядок внутреннего устройства детских заведений, который к тому времени еще не был согласован. Было установлено образцовое учреждение, на которое должны равняться все остальные в крае – «детский дом Ардатовского уезда выглядит как трудовая коммуна с общей единой трудовой школой» [282, л. 1-2]. В этот период в уезде отремонтировали школы 1-ой и 2-ой ступеней за счет государства и пожертвований родителей учеников, ведь дети желали посещать их.

Во время обследования же Алатырского уезда представители региональной власти заметили разрушенный большой дворянский особняк, который являлся бывшей школой. Местный совхоз разбирал его под предлогом негодности здания на «дрова». Это все происходило перед

мероприятием с призывом, «Крестьяне стройте школы». Уездный исполком из-за халатного исполнения своих обязанностей под давлением ревизирующих лиц 20 ноября 1920 г. заново собрал новую комиссию по организации «недели ребенка» из профессиональных работников. Поэтому произошел сдвиг графика проведения мероприятия с 25 ноября на 1 декабря. В крае были обследованы имеющиеся детские организации (детский дом №1 и четыре школы на 83 учащихся) и установлена проблема их функционирования: социально-просветительские заведения располагались в непригодных помещениях для исполнения своих обязанностей – в зданиях бывших богаделен. Поэтому и ребята посещали их в небольшом количестве. Детские же сады произвели «убийственное» впечатление на проверяющих. Проверяющие лица потребовали закрыть, сделать капитальный ремонт помещений этих учреждений и заново открыть их [282, л. 1-2 об]. Таким образом, детвора Алатырского уезда находилась в неблагоприятной социокультурной среде. Это явилось причиной невозможности детскими учреждениями выполнять свои функции.

Карсунский же уезд кардинально отличался от Ардатовского и Алатырского. Нам об этом доказывает анализ сведений архивного дела о проведении «недели ребенка». В Карсуне функционировали 2 детских дома и 4 детских сада. В самом уезде располагались 5 детских домов, чем дальше они находились от местного центра, тем хуже обеспечивались продуктами и товарами. В селе Измайловка действовал детский сад, он располагался в бывшей дворянской усадьбе неподалеку от парка. Однако открыть детский амбулаторий не удалось из-за располагавшейся воинской части в предлагаемом помещении. Детский дом №2, заведующим которого был товарищ Бондарчук, проверяющие считали примером по организации социальной работы для всех аналогичных организаций Симбирской губернии. Персонал этого заведения имел достаточно одежды, продуктов питания для детворы. Ребята вели активную творческую жизнь, они также заботились о помещении детдома (принимали участие в ремонте здания).

Наставники любили их всем сердцем. С главной проблемой, с которой столкнулись остальные подобные предприятия, это частая замена воспитателей. Поэтому проводилась стажировка новых сотрудников других предприятий на базе детского дома №2. В уезде в течение подготовки к мероприятиям местный исполком решил вопрос обеспечения мылом указанных учреждений, но не смог открыть в должном количестве парикмахерских при них [277, л. 6]. Таким образом, главная проблема, которая существовала в губернии в деятельности детских социальных учреждений, – это отсутствие согласованности в деятельности местных органов власти.

Проверялись подобные подготовительные работы и в г. Симбирске. Было установлено, что в городе работницы детских домов и садов имели низкое педагогическое образование. Однако воспитание ребят в этих заведениях велось хорошее. Сами дети без принуждения кого-либо посещали учебные учреждения, но процесс просвещения осложнялся нехваткой школьных принадлежностей для учащихся [277, л. 13].

В городе во время «недели ребенка» на всех сценах досуговых предприятий прошел спектакль для беспризорников. Перед театральной постановкой была читана лекция «Беспризорник в империалистических странах и в Советском государстве», после пьесы детвора получила пирожки и булочки с вареньем, а также материальные подарки. В дальнейшем публично освещалась тема «Что дала советская власть детям», которую продублировали во всех детских учреждениях. В течение массового празднования подключалась к работе с ребятами и молодежь. Дополнительно в просветительских центрах города молодые люди провели два любительских музыкальных концерта, четыре женских встречи, четыре танцевальных вечера и принимали участие в организации трех школьных спектаклей. Однако митинги вечером в городе не удались в связи с отсутствием электричества. Также психологами устраивались курсы для воспитателей, родителей и курсантов, на которых рассказывалось об «охране

материнства и младенчества», о «развитии детской речи» и «детских игрушках» [277, л. 15]. Таким образом, мероприятия данной программы затрагивали все сферы общественной жизнедеятельности горожан.

Видя положительный результат от целевой программы «неделя ребенка» в 1920 г., губернский исполком провел «неделю помощи голодающим детям» с 26 октября по 5 ноября 1922 г. Полученный опыт был реализован в проведении «недели помощи школе» в 1923 г. Главная её задача мало чем отличалась от мероприятия 1920 г.: «губотнаробу организовать устройство лекций, концертов, спектаклей с назначением сбора в пользу недели и провести широкую агитацию» [277, л. 34]. Все вышеуказанные мероприятия реализовывались в тяжелое время для социума. В Симбирской (Ульяновской) губернии обострилась проблема голодания населения, но все же оно, как могло, оказывало помощь в процессе подготовительных работ данных мероприятий.

Для улучшения обстановки в провинции региональная власть собирала информацию о социальном положении граждан по всей территории провинции. В связи с этим организовывались ревизионные поездки в уезды. Например, 12 апреля 1921 г. состоялась такая командировка в южную часть Симбирской губернии. Во главе комиссии стоял помощник Губвоенкома по военной части и член РКП (б) (идентифицировать ФИО в архивном документе не представляется возможным). Главную задачу, которую ставили перед ней, являлось исследование культурно-социальной ситуации в г. Сызрани (сейчас г. Сызрань включен в состав Самарской обл.), главном экономическо-культурном центре на юге губернии. На основании собранных сведений был составлен отчет, который делился на две части: «советская» и «партийная» работа. «Советская» работа состояла из анализа общественной ситуации и экстренных рекомендаций по улучшению социокультурного положения жителей, а «партийная» – из мер по укреплению доверия населения к правительству.

В первой части отчета указывается, что «в военных частях выявлено: дисциплина слабая, чувствуется перегиб от военной дисциплины в сторону чрезмерного огражданствления ... Гарнизон плохо снабжается дровами. В последние месяцы в этом отношении кризис. Несмотря на хлебность Сызранского уезда, гарнизон продовольствием снабжается плохо, причем перебои продуктов отразились даже на военно-лечебных заведениях» [280, л. 188]. Продовольственный кризис затронул жизнь и местных жителей – «женщины вышли ко мне в нижних оборванных юбках, заявив, что всю верхнюю одежду продали, чтобы спасти детей от голода» [280, л. 188 об]. Архивный источник доказывает, что данная проблема на юге Симбирской губернии появилась из-за несогласованности действий местных органов управления. В волостях указанного уезда нарушился контроль над сельским хозяйством, советская власть не смогла грамотно наладить сбор и распределение продуктов питания, что привело к голоданию населения.

Анализируя информацию из данного архивного документа, выясняется, что в Сызранском уезде местная администрация не была полностью охвачена параличом. Санитарное положение в Сызрани находилось «в более благоприятных условиях, чем даже в Симбирске. Ликвидирована эпидемия тифа, вакцинация противохолерная выполнена в полном масштабе. Были приняты меры к тому, чтобы все военные учреждения без ущерба для них были уплотнены, дабы дать возможность разместить детские приюты, школы и прочие образовательные учреждения; в этом направлении сделано все возможное. Часть освобожденных зданий переданы местным органам власти» [280, л. 188].

Общественная ситуация указанного уезда являлась чрезвычайно сложной. Это доказывает анализ второй части архивного документа – «советская работа». Было подорвано доверие сельского населения к советской власти. Поэтому властные органы на местах всячески пытались поддержать реализацию целевых программ по повышению производительности сельского хозяйства через улучшение культурного

уровня крестьян, тем самым доказать им заботу правительства о них. Все же комиссия установила, что непрогнозируемые политические изменения в обществе негативно сказывались на быте сельчан. В процессе борьбы с имущим классом во время гражданской войны уничтожалось все, что с ним отождествлялось. Например, разрушались дворянские усадьбы, которые можно было бы приспособить под нужды просвещения. Помощник губернского военного комиссара, видимо, бывший военнослужащий царской армии, пришел к выводу, что «все те шероховатости во взаимоотношениях крестьян с советской властью ..., создались ... в результате наших ошибок ..., а главное, нашей отдаленности от масс и происходящей отсюда проблемы неосведомленности о положении на местах» [280, л. 189]. Поэтому в конце отчета он указывал: «Та стена недоверия крестьян к советской власти, должна быть пробита во что бы то ни стало а пробить её можно только тогда, когда мы, ответственные работники, будем по очереди сниматься со своих кабинетов и углубляться в самую гущу путем поездок на места» [280, л. 189]. То есть в составе губисполкома были сотрудники, которые понимали проблемы и предлагали конкретные меры по их решению.

Сама же социокультурная обстановка Симбирской губернии в начале 20-х гг. XX в. находилась в лучшем состоянии, чем в других регионах страны. Это доказывает тот факт, что данная провинция была местом переселения беженцев. В регион направлялись поселенцы из многих административных единиц государства. Об этом свидетельствует следующая информация из архивного дела. «Народный комиссариат постановил на территории Симбирской губернии в 1921 г. для детей из Ярославля подготовить детские колонии на 6 тыс. человек» [283, л. 39].

Для лучшего исследования социально-культурного положения жителей региона помогают нам архивные документы, которые характеризуют типичные условия проживания, например, пенсионеров. Пожилые люди очень уязвимы к внешним воздействиям изменения их социальной среды, поэтому на их примере можно лучше проанализировать

общественную социокультурную ситуацию в Симбирско-Ульяновском Поволжье. Так, документальные сведения, характеризующие условия проживания 80 летней Ольги Александровны Серовой, отражают данную обстановку. Все же ей, в отличие от её сверстников, немного повезло, она была матерью советского художника и вдовой знаменитого композитора. То есть их культурный вклад в развитие государства давал надежду ей, что про неё в старости власти не забудут.

Итак, в процессе изучения указанных архивных дел установлено, что местные органы не заботились о пенсионерах. Они были предоставлены сами себе [283, л. 20]. Произошедшие изменения условий проживания О.А. Серовой являлись исключением из-за беспокойства общественности, которые лично контролировал народный комиссар просвещения А.В. Луначарский [283, л. 19]. Он приказал председателю Симбирского губисполкома оказать всевозможную помощь ей. После исполнения поручения ответственное местное должностное лицо отчиталось о проделанной работе перед наркомом просвещения [283, л. 18].

Создание поэтапного контроля над массовыми мероприятиями по причине произвольного проведения их в провинции оказывало влияние на формирование социокультурного облика населения края. Данный процесс начал осуществлять Губполитпросвет, который приказывал в своем постановлении культурным центрам иметь от него разрешение на устройство подобных зрелищ [239, д. 692, л. 16]. Указанное обращение было дополнено губернским исполкомом. «К точному исполнению: всем культурно-просветительским организациям ... при проведении митингов, концертов, спектаклей, лекций обязательно спрашивать разрешения на проведение мероприятий у губполитпросвета. Ежемесячно, не позднее второго числа культурпросветы должны составлять отчеты для губполитпросвета и уполитпросветам по всем проведенным в истекшем месяце постановкам, спектаклям, концертам. Губполитпросвет и уполитпросветы при содействии милиции должны следить за соблюдением распоряжения... » [284, л. 45].

Принятые меры не могут все же указывать на зарождение жесткой цензуры над обществом. Они свидетельствуют больше о регулировании порядка проведения массовых мероприятий и создании определенных общественных норм, при которых отсутствовала возможность устраивать антигосударственные выступления в регионе.

То, что происходило регулирование общественных процессов в провинции, доказывает анализ архивных дел, характеризующий условия проживания иностранцев. Только с наступлением мирного времени приказывалось в течение мая 1922 г. «иностранным подданным, проживающим на территории Симбирской губернии, ... путем заполнения специальных анкет зарегистрироваться» [288, л. 46]. Этот приказ был издан по причине борьбы с контрреволюционной пропагандой в крае. Однако исполнение принятого постановления не могло иноземцам препятствовать удовлетворению своих материальных и духовных потребностей [288, л. 32].

Дальнейшее исследование архивных источников доказывает и о разумных методах проведения внутренней культурной политики в регионе. В Симбирске из-за сложной экономической ситуации участились сделки по продаже музыкальных инструментов без дозволения отвечающей секции при губисполкоме. Ведь многие из них производились сложным ручным трудом и являлись де-факто достоянием страны. Поэтому по причине предотвращения вывоза их за границу приказывалось для перемещения подобных вещей по городу «при себе иметь разрешение от музыкальной секции» [288, л. 50].

В то же время Совет Народных Комиссаров в регионах государства, где люди голодали, предпринимал все новые меры по преодолению там сложившихся проблем. Таким доказательством являлось регулирование взаимоотношений между американской организацией помощи голодающим и местными хозяйственными органами. Эти отношения на местах контролировали губисполкомы. В Симбирской губернии предлагалось «всем экономическим органам и учреждениям г. Симбирска и губернии устранить и

довести до минимума соблюдение формальностей при производстве расчетов ... При всяких обращениях представителей американской организации помощи исполнить таковые в 48-часовой срок. Только в исключительных случаях невозможности разрешения весьма серьезных вопросов по существу выносить таковые с одобрения Губисполкома ... За неисполнение данных приказов лица ..., стоящие во главе экономических органов и учреждений ..., будут привлечены к ответственности по законам военного времени» [284, л. 21].

Как доказывает данный документ, все промедления в действиях органов управления в области экономики Симбирской губернии по оказанию помощи голодающим сводились к минимуму. За нарушение указанного постановления исполнительных лиц из государственных органов управления привлекали к расстрелу. Данный факт свидетельствует о решительных мерах правительства в налаживании положительной социокультурной ситуации в регионе.

Однако даже в таких тяжелых условиях местная власть устраивала массовые гуляния, которые снимали напряженность в обществе. Все учреждения региона на время проведения памятных торжеств украшались красными флагами. Одновременно с этим предпринимались «решительные меры по искоренению азартных игр на местном рынке путем изъятия карт и игровых приборов и составления протоколов на лиц, производящих игру» [288, л. 3].

Подтверждением того, что шло развитие культурной жизни населения в Симбирской губернии в начале десятилетия, несмотря на сохранение негативной ситуации в социальной среде общества, доказывают статистические данные из архивных дел 1921 г. В музыкальных школах региона обучалось около одной тысячи ребят. В Симбирске открылись училище по подготовке преподавателей изобразительных искусств и студия этого направления культуры. Действовали художественно-производственные мастерские. Всего в крае насчитывалось 358 просветительских и

развлекательных центров. Тем не менее, существовала неопределенная позиция органов власти в вопросе по развитию художественного образования. Имелись разногласия представителей разных культурных течений. Происходило сокращение штата работников учреждений культуры при частой смене управляющих этих заведений. Во многих помещениях, принадлежавших когда-то подобным организациям, располагались воинские части. Возможно, как отмечал служащий ГубОНО, «самое главное – нежелание местных исполкомов заниматься развитием культурной жизни губернии» [284, л. 211].

Более детально характеризует социокультурную ситуацию в провинции отчет о развитии культуры в Алатырском уезде. В границах указанной территории действовали семнадцать профессионально-технических учреждений к концу 1921 г. Музыкально-художественная группа уездного поселения представлена из музыкальной школы 1 ступени, музыкальной школы для взрослых, рабочей музыкальной школы, художественной студии. Они могли бы перейти на самообслуживание, но ожидаемые результаты от этого «перехода крайне неопределенны, так как во многом они будут зависеть от тех или иных артистических сил, которые войдут в состав преподавателей школы» [265, л. 30].

Таким образом, на начало 1920-х гг. в Симбирской губернии действовало достаточное количество культурных учреждений. Доминировали музыкальные и художественные центры. Однако из-за разногласий разного уровня государственных органов управления достичь плановой работы их не являлось возможным. Все это непосредственно осложнялось экономическим кризисом в стране.

Сложившееся неблагоприятное экономическое положение граждан в Симбирской губернии, как и во всем государстве, все же отрицательно влияло на дальнейший ход развития культурной жизни общества. Для преодоления этих трудностей местная власть предпринимала более проанализированные меры по улучшению социокультурной ситуации края.

Доказательством является отчет о проделанной работе губсоцвоса за декабрь 1922 г. В нем указывалось, что регулирование процессов в сфере культуры постепенно становилось неперенным элементом деятельности государства. Создавался подробный региональный план мероприятий на 1923 г. Изучались итоги проведения просветительской работы, а также положение детей в детских учреждениях. Из-за расширения сети школ устраивались подготовительные курсы для работников просвещения. Наряду с этим удовлетворялись социально-культурные потребности ребят – в Симбирске открылся «новый детский городок» [239, д. 1295, л. 73].

На протяжении всего десятилетия служащие ГубОНО на основании декрета от 23 января 1918 г. об охране памятников искусств и старины пытались запрещать демонтаж старинных зданий в поселениях, ремонтные работы разрешались только с особого распоряжения от него [283, л. 34]. Совместно с местными учеными организовали краеведческий кружок, в задачи, которого входили «изучение военно-исторического, историко-социалистического отношений, распространение идей о важности изучения края и привлечения как лиц, научно подготовленных, так и масс» [295, л. 15]. Подобные учреждения действовали в Казани, Ярославле, Тамбове, Чебоксарах и других городах. Создание этих организаций способствовало систематизации археологических раскопок в стране, так как раньше они проводились разными кладоискателями [283, л. 16].

Для дальнейшего улучшения культурной ситуации общества губернский исполком занимался радиофикацией деревни. Однако из-за дефицита в региональном бюджете программа плохо финансировалась. Между тем для успешного подъема культурного уровня крестьян, как считали государственные деятели, необходимо наладить радиотрансляцию передач в провинциях. Все же некоторые должностные лица высказывали мнение, что радио и прочие достижения науки станут достояниями села только тогда, когда хозяйство этих поселений коренным образом переустроится. Такое мнение в исполкоме Ульяновской губернии считали

неверным. Они понимали, что без усвоения технического прогресса населением невозможно быстрое развитие края. То есть без приобщения граждан к массовой культуре поставленной задачи не достичь. «Стало быть, радио пойдет не после, а одновременно, вместе с трактором и даже радио пойдет впереди трактора...» [310, л. 55]. Поэтому в каждом волостном центре устанавливался один радиоприемник с громкоговорителем.

С достижением полной радиофикации на волостном уровне проводились радиотрансляции передач в селах. Темы радиопередач указывают еще на один способ проведения просветительской работы в поселениях. Антирелигиозные, сельскохозяйственные и общекультурные обсуждения в прямом эфире способствовали усвоению нового образа общественной жизни в деревне [292, л. 50].

О положительных изменениях в культурной жизни общества доказывает нам доклад об изучении работы музыкальной школы города Ульяновска от 26 июля 1927 г. Должностные лица проверили финансово-материальную основу деятельности и организационно-учебную работу этой организации. Заведение функционировало за счет специальных средств: с учеников взималась плата за обучение, доход от постановок, сдача зала в аренду [320, л. 37].

В области организации образовательного процесса заведением комиссия отметила следующие моменты: не имелось точной целевой установки школы, отсутствовали стабильные учебные планы работ преподавателей, не хватало количества теоретических занятий в программе учебного учреждения, не организовывалась методологическая работа внутри школы, не было самоуправления обучаемых, слабо привлекались к деятельности учреждения общественные организации [320, л. 37 об].

Однако преподаватели смогли добиться немалых успехов: накопили материальные ресурсы для функционирования учреждений, сделали ремонт здания, выбрали необходимый музыкальный и учебный инвентарь, осуществляли художественные массовые мероприятия, выпустили ряд

удовлетворительно подготовленных студентов, накопили немалый организационный и методологический опыт работы. Поэтому ставились следующие задачи перед администрацией школы: перевод на содержание местного бюджета; оформить её как музыкальную школу 1 ступени; стабилизировать учебные планы и программы учебного заведения; оформить самоуправление учащихся; иметь выпускной минимум знаний учеников и наладить взаимодействие с культурными центрами; установить контроль над заведением со стороны ГубОНО по причине создания для стабильной основы его деятельности [320, л. 38].

Проведенный анализ источников в **1.2 параграфе** диссертации доказывает, что в конце 1920-х гг. в полном понимании самостоятельных культурных центров в регионе не оставалось. Они либо переоформлялись как государственные заведения, либо в них проводилась плановая просветительская работа под контролем ГубОНО. То есть свобода творчества их персонала поэтапно устранялась.

Видоизменения социокультурной среды регионального общества в результате принятых постановлений и декретов правительством (например, декрет «О браке» от 16.12. 1917 г., письмо ЦК РКП «О пролеткультах», постановление политбюро ЦК РКП (б) «О молодых писателях и художниках» и др.) создали условия для вовлечения граждан в процесс формирования провинциальной культуры, особое место, где отводилось творческой деятельности молодежи. Теперь люди имели возможность спокойно удовлетворять свои духовные нужды. Досугово-просветительские мероприятия становились более доступными для народных масс (больше стало проходить бесплатных массовых зрелищ в регионе). Государство в провинциях теперь поощряло развитие национальной культуры этноса и творческой самодеятельности человека.

Трансформация культурной жизни социума позволяла правительству установить духовные потребности и культурное, социальное, экономическое положение граждан. В результате этого определялся ряд актуальных

проблем, которые затрудняли развитие страны и её регионов (например, голод, беспризорность, неграмотность и безработица населения, невыносимые условия существования пенсионеров, действия организованных преступных групп людей, хулиганские выходки молодежи, недостаточное финансирование деятельности культурно-досуговых учреждений и т.д.). В связи с чем проводились целевые программы (например, ликвидация последствий голода, «неделя ребенка», «неделя помощи школе» и т.д.) для преодоления их, в организации которых активно принимало участие местное население. Большое значение отводилось центральной власти поощрению инициативности в работе исполкома Симбирской (Ульяновской) губернии. Об этом доказывают принятые им меры в начале 1920-х гг. по регулированию общественных процессов в регионе (строгий контроль над деятельностью служащих экономических органов края по причине преодоления негативных последствий в социокультурном развитии социума, вызванных, например, голоданием жителей провинции).

Одна из злободневных проблемных ситуаций того периода которая затрудняла социокультурное развитие региона, – бедственное положение пенсионеров. Данный факт свидетельствует о степени социальной защищенности человека государством (то есть она фактически отсутствовала). Для изменения сложившейся обстановки правительству пришлось выстраивать новую социальную службу, обслуживающую пожилых людей. Другая проблема – налаживание общественного правопорядка в крае. Здесь исполком Симбирской (Ульяновской) губернии провел комплекс разъяснительных мер среди граждан при помощи просветительских заведений (в конце десятилетия в провинции таких заведений насчитывалось около тысячи). В свою очередь ГубОНО увеличил количество бесплатных массовых зрелищных мероприятий, поощрял стремление населения сберечь культурное наследие страны, что позволило произвести систематизацию археологических раскопок и в какой-то степени

сохранить культурно-исторический облик поселений губернии. Указанный отдел также способствовал преодолению индифферентности персонала уездных исполкомов в развитии культуры. Тем самым повышалась ответственность служащего перед обществом. Таким образом, создавались условия для вовлечения граждан в процесс культурного строительства.

Изменение социально-культурного положения граждан отразилось на развитии культурных процессов в сельской местности Симбирско-Ульяновского Поволжья. В результате этого региональной власти пришлось приступить к их регулированию. Необходимо было следить за видоизменением сознания крестьянина. Губернский исполком для этого использовал все доступные ресурсы: поощрял выступления творческих коллективов в деревне, увеличивал количество просветительских учреждений в селе, достиг радиофикации на уровне волостей губернии и т.д. В этом процессе им было задействовано в конце 1920-х гг. более шести тысяч местных коммунистов. Все принятые губисполкомом меры способствовали улучшению просветительской работы учреждений в сельской местности региона. То есть в конце десятилетия произошла систематизация культурно-просветительской и культурно-досуговой деятельности заведений в губернии. Программа социокультурного строительства реализовывалась повсеместно в регионе.

1.3. Государственная политика в сфере культуры региона

Обращение к практическому опыту осуществления общественных преобразований в 20-е гг. XX в. позволяет нам изучить методы и формы проведения культурного строительства советским правительством, которые теперь могут быть направлены на образование российского социума. Историки и культурологи (Ф.В. Дытынко, М.П. Ким, И.Н. Фельдт и др.) сходятся во мнении, что принятие советским правительством таких правовых актов, как «Декрет о печати», «Декрет об учреждении государственной

комиссии по просвещению», «Положение о рабочем контроле» и др., положило начало нового этапа развития культуры России. Для общего руководства культурными процессами в стране была образована государственная комиссия по просвещению [257, с. 59-61]. Она состояла из бывших служащих правительства Российской империи, которые саботировали ее работу. Данное обстоятельство вынудило СНК создать новый орган управления. Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов учредил Наркомпрос РСФСР [258, с. 451]. Указанный комитет, как главный специализированный комитет, занимался руководством всеми отраслями культуры.

Работа Наркомпроса в регионах затруднялась послевоенными последствиями от 1917-1922/23 гг. Например, за 52 дня пребывания белогвардейцев в Симбирске были арестованы 1500 человек, расстреляны – 400 [91, с. 114-151]. После отступления народной армии КОМУЧа на восток (Симбирск красноармейцы заняли 12 сентября, а сама местная военная операция осуществлялась с 9 по 28 сентября 1918 г.) стало необходимо восстановить разрушенную работу советских органов управления в губернии. Однако из-за последствий белого террора и сложной общественной ситуации в крае одновременно отвечали за его развитие военные комитеты, государственные органы власти (губисполком и его отделы) и губернское отделение РКП (б). В действительности отсутствовало взаимодействие между ними. Несогласованная деятельность служащих местной администрации косвенно повлияла на рост антигосударственных выступлений в провинции [279, л. 35]. Поэтому для исправления данной ситуации советское правительство приступило к разграничению функциональных обязанностей представителей региональной власти, активная фаза которой закончилась с принятием конституции в 1924 г.

Реорганизация деятельности органов власти в области культуры осложнялась финансово-экономическими и промышленно-производственными проблемами в государстве [250]. Для преодоления их

требовалось повысить образовательный уровень общества [195]. Поэтому первоочередной задачей Наркомпроса являлась ликвидация безграмотности [193]. Е.А. Костикова указывает, что неграмотность – это социально-экономическое последствие кризисных явлений в регионе, преодоление которых способствовало улучшению социально-культурного положения населения провинции [111]. Для достижения поставленной цели в регионах советской республики допускалось видоизменение структуры их местных администраций. Например, в многонациональных административно-территориальных единицах, в том числе и в Симбирской губернии, стали функционировать советы нацменьшинств [259, с. 39-41]. Однако в мире не существовало внешней силы, которая могла сдерживать или регулировать деятельность советского правительства [253, р. 166].

Государственным органом, который контролировал культурное развитие региона, являлся губернский исполнительный комитет, образованный в Симбирской губернии 26 января 1918 г. Данное учреждение было высшим исполнительным и распорядительным комитетом в крае. Губернский исполком в первую очередь осуществлял становление советской власти в поселениях края. Средняя численность его составляла 40 служащих [183]. По сохранившимся личным карточкам нами на основании архивных документов установлена часть его персонала в 1920 г. (в результате пожара в 30-х гг. XX века многие архивные дела получили повреждения) (смотри приложение №1). В этих личных карточках помимо контактных сведений указывался также образовательный уровень должностных лиц. Полученные данные свидетельствуют, что кадровый состав исполкома не был квалифицированно подобранным. Только пять человек из пятнадцати идентифицированных имели высшее образование, но с должной степенью подготовленности, возможно, был только один работник – Френмак Василий Николаевич, окончивший Казанский университет. Все остальные обладали начальным или средним профессиональным уровнем образования [281, л. 13-

55]. Поэтому для сотрудников местной региональной администрации проводились курсы по переподготовке [284, л. 5].

Губернский исполнительный комитет мог только контролировать ход реализации культурной политики. Вследствие этого был организован специальный государственный орган, представленный на каждом территориально-административном уровне управления региона. В городах создавались городские отделы народного образования (ГорОНО) [276], но основную работу по изменению культурного облика края с октября 1918 г. выполнял губернский отдел народного образования (ГубОНО). Данное учреждение меняло свою структуру до 1923 г. пять раз по причине становления государственного аппарата. Ведь ему приходилось контролировать все культурные процессы в Симбирско-Ульяновском регионе до 1930-х гг., пока не создадут специализированное государственное учреждение.

Указанный отдел проводил в жизнь положения и распоряжения советского правительства. В целом отдел выполнял следующие функции: руководство работой низовых отделов народного образования в отношении административно-организационной, методической деятельности и контроль над процессами воспитания и просвещения ребят в дошкольных, школьных и внешкольных учреждениях; организация занятий по социально-правовой охране несовершеннолетних, борьбы по ликвидации детской беспризорности и политико-просветительской работы культурных учреждений; развитие программы профессионального образования; наблюдение за деятельностью печатных изданий, музеев, театров и охраной памятников природы, искусства и культуры Симбирской (Ульяновской) губернии [265]. Таким образом, на ГубОНО возлагались обязанности по формированию всесторонней жизни социума.

В дальнейшем для развития культуры губернии его служащие в удаленных поселениях провинции взаимодействовали с инструкторами уездных исполкомов. В деятельности инструкторов особое место занимала

организация политико-просветительской работы и массово-разъяснительных мероприятий в губернии [308, л. 20-21]. Таким образом, в начале 1920-х гг. советская власть путем проб и ошибок смогла создать правовую основу функционирования местных органов власти, отвечающих за проведение региональной культурной политики.

Для распространения идей социализма среди жителей провинций был организован в 1920 г. агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б) (Агитпроп), а также на местах – губернские, уездные и волостные политпросветы. В их сферу деятельности не входило образование населения, этим продолжал заведовать Наркомпрос и его отделы [243, с. 250]. Основная задача, которая ставилась перед Агитпропом, – формирование «идеологического сознания» граждан, в том числе путем установления цензуры над работой учреждений в области культуры. Данный отдел ЦК РКП (б) принимал участие в закрытии газет, критикующих работу советского правительства. Так, в Симбирской губернии только за 1917-1919 гг. были закрыты следующие издания: «Трудовой день» 1917 г., «Голос Симбирска» 1918 г., «Возрождение» 1918 г., «Земля и Воля» 1918 г., «Симбирский курьер» 1918 г., «Симбирская народная газета» 1918 г., «Голос Симбирских Кооперативов» 1918 г., «Симбирское слово» 1918 г., «Голос минувшего» 1919 г. Ликвидация оппозиционной прессы происходило на основании декрета о печати, принятого 27 октября (9 ноября) 1917 г. [257, с. 23-25]. Устранение критики в информационном поле государства изначально планировалось только на короткий период времени, пока не закончится внутреннее гражданское противостояние в стране. Параллельно с этим Агитпроп способствовал становлению работы государственных печатных изданий в Симбирской (Ульяновской) губернии: «Пролетарский путь», «Искра», «Известия Сызранского Совета», «Заря», «Известия Симбирского Совета» и сети агитационно-пропагандистских учреждений.

Принятие указанного законопроекта содействовало развитию системы распространения печатных изданий в начале 1920-х гг. Советская власть

через центральный издательский отдел ЦК РКП (б) и его отделения в регионах занималась распространением литературы с целью усиления военно-политической пропаганды среди населения. Газеты и брошюры являлись важным средством для работы данного учреждения, а местные его филиалы – узловым звеном продвижения советской прессы в массы. Отдел пресекал функционирование незаконных изданий, деятельность которых подрывала доверие граждан к правительству, и обладал крупным для того времени агитационно-техническим аппаратом. Поэтому в течение нескольких лет указанный отдел отвечал за плановое распространение опубликованных произведений, в первую очередь, за периодику по библиотекам и избам-читальням [116].

Также Агитпроп устраивал мероприятия для молодежи, привлекая к их проведению детские общественные организации: комсомольские, пионерские и октябрятские. Помимо агитационного отдела, при ЦК РКП (б) (с 1925 г. ВКП (б)) функционировали постоянные комиссии практически по всем направлениям культурной жизни страны: антирелигиозная, по самообразованию, библиотечная, клубная, школьная, художественная, радио, кино и т.д. Таким образом, партия большевиков смогла наладить работу своих отделений по всей территории страны для координации развития социокультурных процессов в обществе.

После ликвидации оппозиционной печати Совет Народных Комиссаров вместе с правящей партией государства распустил многие профессиональные и творческие ассоциации, представители которых высказывались против ужесточения контроля советского правительства над культурной жизнью социума. В стране прекратили свое существование «Всероссийский Учительский Союз», «Союз Деятелей Художественной Культуры», «Союз Деятелей Искусств» и другие подобные учреждения. Вместо них создавались новые общественные организации, деятельность которых способствовала развитию сети просветительских учреждений региона: «Долой неграмотность», «Союз безбожников», «Общество друзей

радио», «Общество друзей советского кино» и др. [257, с. 252]. Они функционировали фактически в каждой губернии, в том числе и в Симбирской (Ульяновской). Следовательно, постепенно происходило разделение функциональных обязанностей государственных и политических органов управления страны.

Начиная с 1921 г., расширялась сфера деятельности политпросветов. Симбирская губерния не являлась исключением. Изначально губернский и уездные политпросветы провели общий подсчет всех культурных заведений, которые подчинялись им. Затем в конце указанного года они распределяли их по учреждениям. Например, уполитпросвет Алатырского уезда передал в школьные советы 16 библиотек повышенного типа и 9 – рабочим коллективам [265, л. 28].

В начале 1922 г. губполитпросветом было «взято на учет 24 библиотеки; клубов – 1; уездных библиотек – 5, при уезде читальных центров – 9» [287, л. 97]. В том же году его служащие провели агитационную работу в селах. Должностные лица выяснили, что крестьяне имели желание создавать собственные клубы, но из-за отсутствия средств финансирования не являлось возможным оказывать помощь уже имеющимся учреждениям просвещения. Однако советская литература по селам персоналом политпросветараспространялась. Позже указанная организация проверила деятельность городских культурных учреждений. Ею также проводилась подготовительная работа по проведению октябрьских торжеств. В то же время губернский политпросвет собирал информацию для предстоящего Всероссийского съезда библиотекарей [287, л. 118].

Губполитпросвет при необходимости регулировал развитие и других сфер культурной жизни социума. «В городе после увольнения специалиста театрального дела инструктора товарища Монастырского организованная труппа распалась, но в течение отчетного месяца ... товарищами Мараки и Рябиковым вновь была организована труппа любителей артистов, которая ... провела с достаточным успехом ряд спектаклей» [287, л. 119].

Деятельность губернского и уездных политпросветов показывает, что их работа была направлена на систематизацию агитационно-просветительской работы по проведению общественных мероприятий. В результате этого их персонал определил общественные настроения граждан и для развития культурной жизни населения предпринимал все возможные доступные средства.

В начале 1920-х гг. методы и формы проведения культурной политики сопровождались дискуссией в правительстве страны. Обозначились две точки зрения – радикальные и умеренные. Первая выступала за последовательное проведение классового размежевания в литературе и искусстве. Вторая, к которой принадлежало руководство всего Наркомпроса, привлекала на сторону советской власти колеблющуюся интеллигенцию и пыталась не вмешиваться в художественную жизнь социума. Поэтому методы регулирования культурными процессами в регионах государства становились более демократичными, чем в годы гражданской войны. Часто проводились открытые диспуты, дискуссии, совещания, обсуждения в печати. Корреспонденты региональной прессы при содействии ГубОНО повествовали в своих статьях о ходе развития просветительских и развлекательных центров. Чаще всего в газетах печатались публикации о театральной культуре («Театр и музыка») [342] и кино («Сын мадам Сан Жен») [341], спортивных («Шахматный отдел») [170] и молодежных организациях («Профсоюзная работа студенчества») [338], библиотечном деле («Библиография») [240].

В то же время социально-культурные учреждения Симбирской губернии испытывали трудности недостаточного финансирования. Местным органам власти нередко приходилось изыскивать дополнительные материальные средства для развития культуры региона на протяжении всего десятилетия [299, л. 125]. Так, общий дефицит бюджета края, например, в 1922 г. составлял 3788710 рублей (подсчитано нами) [287, л. 12]. Постепенно материальные дотации становились все больше [283, л. 37]. Однако они в

первую очередь направлялись на ликвидацию безграмотности, то есть данный факт свидетельствует о целевом финансировании отраслевых форм культуры.

По причине недофинансирования ряд общественных учреждений закрывался. Например, в начале 1920-х гг. прекратила свою деятельность в Симбирской губернии архивная ученая комиссия. Её возглавлял в то время П.Л. Мартынов. Отличительной её чертой являлось то, что она функционировала приблизительно три года после принятия летом 1918 г. декрета «О реорганизации и централизации архивного дела». Ведь многие подобные учреждения прекратили свою работу сразу же после вступления в силу указанного постановления [224].

Экономический кризис сказывался и на банковской инфраструктуре региона, что, в свою очередь, неблагоприятно отражалось на духовной жизни общества в крае. Из-за нехватки наличных средств администрация культурно-развлекательных организаций не могла получить свои вклады в банках. Поэтому губернский исполком был вынужден приступить к регулированию этих взаимоотношений [299, л. 44].

Проведенный нами анализ архивных документов доказывает, что не хватало ресурсов губернской администрации для выплаты зарплаты персоналу социокультурных учреждений. Для окончательного расчета с актерами рабоче-крестьянского театра требовалось 6 297 рублей [293, л. 39], а для выплаты заработной платы сотрудникам детских домов, интернатов, производственных школ и школ трудно воспитываемых детей недоставало 9 459 рублей 90 копеек [294, л. 118]. Поэтому 9 февраля 1925 г. Совет Народных Комиссаров поручил местным губернским исполнительным комитетам выплачивать работникам культуры и социальных учреждений зарплату без задержания [294, л. 121].

Итак, финансово-экономический кризис в начале 1920-х гг. в стране негативно отразился на социокультурном развитии Симбирской губернии. Местная власть предпринимала все возможные меры по нормализации

общественной обстановки края. Однако ресурсов не хватало для реализации всех задуманных программ в области культуры. Поэтому в полном объеме финансировалась только агитационно-просветительская работа учреждений.

Со второй половины 20-х гг. XX в. Ульяновский губернский исполком большое внимание начал уделять формированию разных отраслей культуры, по причине понимания их значимости в пропаганде социалистической идеологии в обществе. Об этом свидетельствует резолюция о театральном деле от 1925 г. В данном постановлении подчеркивалось, что ульяновским городским театром руководила неграмотно подготовленная администрация. Сложившаяся ситуация в крае привела к появлению хозяйственных проблем в театре, и это отразилось на его финансировании, что вызвало прекращение выплат денежных средств по старым долгам учреждения. Поэтому ГубОНО пришлось в короткий срок изыскать недостающие материальные ресурсы. Для улучшения материального положения культурного учреждения оно освобождалось от выплаты местных налогов. Кроме финансовых трудностей указывались творческие трудности (слабый профессиональный уровень постановок). Вследствие этого местная власть стала регулировать развитие художественной работы этих учреждений. [299, л. 94]. Все же указанный факт не означает о начале ликвидации свободы творчества культработников г. Ульяновска.

Начиная с 1926 г., устанавливался ежемесячный отчет ГубОНО для СНК по расходам отпущенных средств из государственного бюджета. «В ... 1926 г. культурно-просветительские учреждения потратили на обретение литературы на национальном языке 750 рублей, такую же сумму потратили на обретение литературы на русском языке. Это способствовало расширению сетей школ 1 и 2 ступеней, а также изб-читален и сеть линпунктов, организации курсов пионервожатых и снабжению пионеротрядов литературой» [297, л. 4]. Архивный документ свидетельствует, что местные органы управления заботились не только о развитии этнического культурного самосознания, но и о вовлечении коренных народов Поволжья в

общественную жизнь страны. Расширение сети пионерских кружков с каждым годом затрагивало все новые поселения провинции. Данный факт опосредственно доказывает, что произошло улучшение финансирования просветительской работы культурных учреждений со второй половины 20-х гг. XX века, то есть финансово-экономический кризис постепенно преодолевался правительством.

Важное место в культурной политике государства занимало регулирование деятельности музейных центров. В Симбирске-Ульяновске при поддержке ГорОНО на протяжении всех 20-х гг. XX в. действовали музей Ленина, Естественноисторический музей, Художественный музей. После смерти В.И. Ульянова-Ленина было принято решение увековечить его память через сохранение дома его. «14-ый губернский съезд советов постановил считать одной из основных форм увековечивания памяти Владимира Ильича Ленина сохранение дома и полная его реставрация» [299 л. 115, 118]. До настоящего времени «Дом Ленина» функционирует как музей.

Сама же деятельность музеев в Ульяновске являлась многоплановой, об этом доказывают сведения из архивных документов губернского исполкома. В музее Ленина рассказывали посетителям о детских и юношеских годах В.И. Ульянова в Симбирске, а также о работе партии РСДРП (б) в Симбирской губернии в начале XX в. В декабре 1925 г. администрация учреждения приобрела новый историко-революционный материал: 70 экземпляров периодики до 1905 года (газета «Вперед» и другие), 26 революционных открыток и более 160 различных листовок [294 л. 82]. При этом центре имелась библиотека с советской литературой, но требовалась денежная помощь для её содержания. 20 января 1925 г. сотрудники культурного центра организовали выставку «20-летие революции 1905 г.». В Естественноисторическом музее проводились научные лекции. Персонал культурного заведения осуществил за осень этого года радиовещание двух концертов с московской радиостанции Коминтерна,

перед началом их радиотрансляции служащие провели чтение лекции о радиотелеграфе, телефоне [294, л. 82].

Художественный музей был открыт ежедневно, причем два дня в неделю (вторник и пятница) выделялись специально для экскурсий учащихся из учебных заведений, во время которых прочитывался агитационный материал. Указанное культурное учреждение обладало 225 произведениями литературы, изделиями из фарфора и предметами домашнего быта национальностей Симбирско-Ульяновского Поволжья. 20-го ноября 1925 г. его заведующий съездил в село Спешково, принадлежавшее когда-то Мещеринову. Обнаруженная там коллекция являлась весьма ценной и переправлялась в этот региональный центр. В конце декабря заведению подарили 3 картины и 2 этюда художника А.М. Прокофьева. Он был достаточно известен не только в Среднем Поволжье, но и в других регионах страны. С декабря 1924 г. устраивались подготовительные работы по организации выставки произведений и репродукций картин и портретов, этюдов и эскизов И.Е. Репина. 11 же января 1925 г. она открылась в первом зале данного музея из 5 оригинальных произведений, 146 репродукций, 26 книг и заметок из газет и журналов об этом художнике [294, л. 82 об.].

Губернская власть всячески способствовала улучшению деятельности подобных учреждений на протяжении всего десятилетия, но она не всегда могла оказать материальную помощь им. Поэтому отдел по делам музеев при губисполкоме запрашивал периодически финансовые дотации у Главнауки [294, л. 113].

Таким образом, деятельность администрации музеев на протяжении всего десятилетия являлась многогранной. Она развивала все стороны духовной жизни населения, затрагивала все возрастные группы людей. Особое место в ней занимала работа с учащимися. Это доказывает следующий факт – выделение специальных дней, во время которых музейные центры взаимодействовали непосредственно с учебными учреждениями. Главная задача, которая ставилась перед их персоналом, – оказание помощи в

реформировании общественного сознания народных масс. Работники указанных учреждений также заботились о знании истории родного края среди жителей Ульяновской губернии.

В конце десятилетия местные органы власти для улучшения проведения массово-культурных мероприятий в крае организовали комитет по работе с молодежью и женщинами. На него возлагалась особая функция – организация просветительской деятельности в регионе согласно основным принципам советской идеологии [302, л. 3], что, например, подразумевало приглашение девушек на вечерние беседы и экскурсии по историческим местам края, устраиваемые ульяновским отделением ГАО. Работники учреждения вели учет всех активистов и по возможности вовлекали их в подготовку проведения массово-культурных мероприятий. Они предпринимали все меры по развитию клубной сети в деревнях. Главная задача, которая стояла перед ними, – подготовка крестьянского сознания к процессам коллективизации. Кроме этого, его служащие способствовали расширению книжного фонда библиотек. Например, комитетом были установлены отношения с читальным центром при клубе «Фрунзе» – клубе милиционеров, что повысило уровень просвещения молодых людей в регионе [302 л. 5 об. 8, 20]. Это позволило администрации учреждения выписывать советскую прессу для своих сотрудников: «Труд», «Известия ЦИК», «Правда», «Работница», «Красная Нива», «Журнал для домохозяек», «Прожектор» [302, л. 10].

Деятельность указанного комитета содействовала развитию культурно-просветительской работы в обществе. Смысл организованных мероприятий доступно доносил до всего населения значение социалистического строительства государства. С другой стороны, создание данного учреждения доказывает, что помогло отделениям партии ВКП (б) и общественным организациям проводить молодежную политику в Ульяновской губернии.

В дальнейшем в конце 1920-х гг. государственная власть в регионах страны изучала развитие культурного уровня граждан в сельской местности. Был выявлен ряд проблем, преодоление которых предписывалось осуществить в постановлении, направленном губернским исполкомам. Такой документ был получен и ульяновским губернским исполкомом. В нем указывалось, что «избы-читальни и красные уголки слабо связаны с бедняцко-середняцкими массами крестьянства, слабо обслуживают взрослое население, недостаточно спланируют вокруг себя беспартийный крестьянский актив и не выращивают свой партийный актив. Слабо работают советы изб-читален, а при красных уголках их совсем нет» [304, л. 94].

Сложившаяся ситуация в деревне привела к тому, что творческая самодеятельность жителей сельских поселений не использовалась в проведении государственных праздников. Поэтому ставилась задача перед учреждениями культуры – «втянуть в работу общего актива села взрослую массу крестьянства, в первую очередь, бедняцко-середняцкую и батрацкую её часть, привлечь их с помощью трудящихся сил и актива изб-читален и красных уголков ...» [304, л. 94].

Во второй части архивного документа давались рекомендации по преодолению трудностей развития сельской местности. «... Необходимо подготовить доклад изб-читален с подведением всех недочетов в работе. Он ставится на сходах крестьянства...» [304, л. 94 об.]. «Особенно изучены должны быть моменты: участие общественного актива и что им проделано. Мнение и настроение крестьянства в отношении изб-читален необходимо учитывать на сходах в деревне. Их сотрудники обязаны принимать участие в массово-общественных компаниях и в практическом достижении поставленных результатов» [304, л. 95]. Таким образом, центральная власть предписывала наладить открытый диалог между органами управления и крестьянами во время сельских сходов. В результате этого корректировалось проведение мероприятий в области культуры просветительскими организациями.

Исправление в сельской местности социокультурной ситуации позволило провести выборы в местные Советы. Изучение смысловой нагрузки агитационного материала [306, л. 21], распространяющегося во время предвыборной компании, позволило установить тезисы по работе изменения сознания граждан. Без активного участия человека невозможно улучшить его культурный уровень развития и материальное положение. Социальные, экономические, культурные улучшения в обществе создадут благоприятную основу для изменений общественных и других значимых отношений в регионе. Таким образом, просветительская деятельность учреждений в области культуры была направлена в первую очередь на работу с сознанием индивида.

В процессе изучения источников нами было установлено, что модель регулирования культурных процессов в Симбирской (Ульяновской) губернии формировалась на протяжении всех 20-х гг. XX в. на основе взаимодействия двух сфер – культуры и политики края. Создавалась новая система управления культурными процессами в обществе путем принятия новых законопроектов. В стране учреждался Наркомпрос, который следил за соответствием государственной политики в области культуры идеологическим принципам партии большевиков, а в регионах – Отделы Народного Образования, отвечающие за трансформацию культурных традиций провинциального социума, но отсутствовал государственный орган, занимающийся целенаправленно только проблемами культуры. Частично эта функция первоначально была передана исполнительным комитетам. Анализ архивных источников позволил установить, что в начале 1920-х гг. образовательный уровень у членов Симбирского Губисполкома был достаточно низким, только один из сорока закончил высшее учебное учреждение. Значительная роль в развитии духовной жизни региона отводилась Губернскому отделу народного образования (ГубОНО), который за первые пять лет своей деятельности неоднократно реорганизовывался. Для формирования «идеологического» сознания советского человека,

осуществления контроля над культурными процессами в крае в начале 20-х гг. XX в. в губернии были организованы губернский, уездные, волостные политпросветы. В дальнейшем приблизительно с середины 20-х гг. XX в. все сферы культурной жизни личности контролировались большевиками. При комитете ВКП (б) в губернии функционировали постоянные комиссии: антирелигиозная, по самообразованию, библиотечная, клубная, школьная, художественная, радио, кино и т.д.

С первых же месяцев становления власти большевиков происходил процесс регулирования в развитии культуры государства, в котором активно принимали участие центральные и региональные органы управления. Как правило, губернские исполкомы своими постановлениями раскрывали гражданам основные декреты советского правительства (Декреты «О печати», «О государственном издательстве» и др.) и решения партии РКП (б) (ВКП (б)) (Постановление политбюро ЦК РКП (б) «О границах политической цензуры» и др.). В Симбирской (Ульяновской) губернии местная администрация главным образом регулировала проведение общественных мероприятий, отношения между членами общества, создавала региональную советскую печать и др. В результате её деятельности в регионе было закрыто 9 печатных изданий и начали работу 5 государственных печатных изданий.

Отсутствие равноправных партнерских отношений государственными и общественными организациями в сфере социально-культурного развития общества заложило основу становления правительством контроля над духовными преобразованиями в жизни человека. Тем самым происходило социокультурное конструирование реальности для личности. В этом процессе активно участвовали исполкомы. Данный комитет Симбирской (Ульяновской) губернии регулировал процесс создания учреждениями культурного пространства для граждан.

Государственная политика регулировала финансирование культуры, особенно в период экономического кризиса в стране, в связи с чем, в первую очередь, финансировались учреждения, которые занимались культурно-

просветительской работой в регионах государства. Из-за этого многие заведения в сфере отдыха населения закрывались. Так, в Симбирской (Ульяновской) губернии прекратила функционировать архивная ученая комиссия. Хотя ряд учреждений культуры по решению Губисполкома освобождался от выплаты местных налогов, только с середины десятилетия в крае культурно-просветительские центры в должном количестве стали получать минимальную финансовую поддержку от правительства. Средства государственного бюджета в губернии шли на обретение литературы на национальных и русском языках, на работу изб-читален и линкпунктов, на проведение курсов пионервожатых, на реорганизацию деятельности музеев, организацию работы с сельской молодежью и т.п. Однако развлекательно-досуговые заведения все еще нуждались в материальной помощи.

Большое внимание во второй половине 1920-х гг. уделялось региональной властью развитию культурно-просветительской работы в сельской местности. Происходили проверки по изучению деятельности сельских культурных учреждений губернии. Выявлялось множество проблем, например, недопонимание сельчанами задач, которые стоят перед избами-читальнями, библиотеками и красными уголками по причине их номинальной работы. Поэтому рекомендовалось этим заведениям в процессе культурного строительства села взаимодействовать с активом колхозников для лучшего разъяснения социалистических идей в обществе.

Для улучшения социокультурного положения женщин и молодежи в Симбирско-Ульяновском Поволжье был учрежден специальный комитет (сохранилась только его аббревиатура «МК» в архивных документах), который участвовал в проведении молодежной политики в губернии. Им организовывались вместе с досуговыми и образовательными учреждениями массово-просветительские мероприятия, в программе которых учитывались духовные потребности всех народных масс, особенно представителей нацменьшинств. Таким образом, можно сказать, что к концу 20-х гг. XX в. культурная политика государства отвечала многим запросам граждан, при

этом массово-общественные культмероприятия являлись идеологически выдержанными.

1.4 Этнокультурные процессы в губернии

Октябрьская революция 1917 г. позволила советскому правительству проводить этнокультурное развитие регионов по собственному усмотрению. Данный процесс основывался на национально-территориальном принципе районирования государства. Вследствие чего были созданы национальные районы для коренных народов, в том числе и для дисперсно расселенных этнических групп, где общественные организации осуществляли культурно-просветительскую работу по формированию «идеологического сознания» местного населения с учетом его менталитета.

Установлено, что революционные события и политическая нестабильность 1917 г. привели к распаду Российской Империи. Сменившаяся политическая элита в крупных пограничных национальных регионах советской республики постепенно начинала провозглашать свою независимость. Это вызвало осложнение в поддержании мирных отношений внутри страны из-за программы РСДРП (б) по национальному вопросу, утвержденной еще в царское время и сохранившейся в целом без особых изменений до 1917 г. Данное обстоятельство создало правовой вакуум. Примером является Симбирская губерния в Среднем Поволжье. В нем компактно проживали, кроме русского населения, такие народы, как татары, чуваша, мордва, украинцы, белорусы, немцы, евреи и другие. Каждый этнос имел свои специфические культурно-исторические особенности. Например, татары: представители этой нации являлись носителями ближневосточной культуры. Советская власть их называла «народ востока».

Перед началом проведения правительством национально-культурного развития этносов, населяющих молодую советскую республику, нужно было определиться, что есть «народ». Данную задачу решил И.В. Сталин. В труде

«Марксизм и национальный вопрос» он дал такое определение нации: «Нация – это исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, которая характеризуется рядом признаков, а именно, общностью языка, экономического и психического склада, проявляющихся в области культуры, причем, отсутствие одного из признаков свидетельствует, что общность не является нацией» [198, с. 292]. Только во время гражданской войны стали изменяться взгляды по указанному вопросу у государственных лидеров страны. Теперь же стремление населения развивать национальную культуру воспринималось как проявление сепаратизма и подавлялось. Тезис о праве этноса на самоопределение ими понимался как право народа на выбор идей социализма. Поэтому правительство учредило народный комиссариат, который осуществлял этнокультурное строительство регионов. Работу этого комитета возглавил И.В. Сталин в начале десятилетия, а в Симбирской (Ульяновской) губернии председателем губсовнацмена был С. Максимов [267, л. 48].

Губернский совет национальных меньшинств непосредственно отвечал за реализацию культурного строительства поселений Симбирской (Ульяновской) губернии. Для лучшего результата этнокультурного развития граждан в систему образования включались советы просвещения национальностей нерусского языка по причине того, что народы Среднего Поволжья имели разную степень образованности. В их главную обязанность входила адаптация социалистических принципов для встраивания их в быт коренного населения края, учитывая специфические особенности культурной жизни этносов. Об этом свидетельствуют задачи указанного совета, он организовывал «мероприятия ... среди национальностей нерусского языка, приспособляя эти мероприятия к языковым и бытовым особенностям населяющим губернию национальностей» и руководил «в губернском масштабе работой национальных органов просвещения» [272, л. 35]. Однако контроль над развитием культуры национальных меньшинств осуществлял губернский исполком.

Одна из главных проблем, с которой столкнулась власть в начале 20-х гг. XX в., – отсутствие желания населения удаленных деревень перестраиваться на новый лад общественной жизни. Поэтому для исправления ситуации данный совет отправлял в поселения «квалифицированных образованных инородцев» [285, л. 92].

Для построения общего плана этнокультурного развития государства фактически все губсовнацмены ежемесячно отчитывались перед вышестоящими органами управления о своей проделанной работе. Анализ полученной информации по Ульяновской губернии из подобного документа за декабрь 1925 г. доказывает, что служащие указанного совета в середине 20-х гг. XX в. занимались социалистическим воспитанием населения через распространение национальной литературы по библиотекам и избам-читальням. Проведение ими усиленной антирелигиозной пропаганды у татар подтверждает, что указанная нация особо чтит свои религиозные традиции. Поэтому продолжалось улучшение в сфере образования, учитывая особенности развития нацменьшинств, дабы устранить влияние религиозных организаций на их жизнь [305, л.5]. Все это привело к усложнению функциональной обязанности губернского совета национальных меньшинств.

При изучении архивных дел удалось установить, что местные органы власти постепенно расширяли обязанности совнацменов. Учитывались «во всех ... мероприятиях по советскому, хозяйственному и культурному строительству ... интересы национальных меньшинств, в особенности наиболее экономически и культурно отсталых» [287, л. 207]. Они начинали создавать техникумы, где в процессе обучения учитывались особенности национальной культуры каждого народа. Выявленная информация из архивных источников свидетельствует о желании советского правительства дать человеку не только начальное образование, но и специально-техническое, чтобы каждый гражданин смог пройти социализацию. Данный факт определяет, что этнокультурное развитие регионов взаимосвязано с

социализацией его жителей, то есть, с процессом усвоения индивидом новых образов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в социуме.

В дальнейшем изучение архивных документов показывает, что губсовнацмен обладал фактически всеми ресурсами для этнокультурного развития региона. Отсутствие же положительных результатов его работы, «полный застой жизни в области дошкольного, школьного, профтехнического просветительского образования» [287, л. 210], указывает на тот факт, что волостные органы управления использовали не все средства для исполнения своих обязанностей. Поэтому сохранялись проблемы в сфере образования и в дальнейшем.

Сложившаяся ситуация указывает на медленное изменение менталитета национальных меньшинств региона. Поэтому произошло усиление влияния РКП (б) на жизнь коренных народов края, что вызвало улучшение работы губсовнацмена. Теперь она делилась по секциям в соответствии с численностью этносов. Усложнение структуры указанного учреждения способствовало более тщательному изучению предпосылок по изменению быта граждан. Было выяснено, что для полноценного функционирования системы народного образования необходимо в большем количестве подготавливать педагогов учебных заведений. Это понимал и губисполком, поэтому он предписывал указанному совету «для пополнения кадров работников учебных учреждений – организовать краткосрочные курсы по школьному и внешкольному воспитанию» [287, л. 7 об].

Изучение архивных документов выявило, что интеллигенция коренных народов названного края находилась не на высоком уровне развития. «С основными проблемами, с которыми сталкиваются Совнацмены, – культурная и экономическая отсталость интеллигенции нацменьшинств...» [298, л. 60]. Ведь именно она, интеллигенция, способствовала улучшению социально-культурного положения населения в

Симбирской губернии. Без её помощи трудно изменить социокультурную ситуацию в национальных поселениях региона.

Во второй половине 20-х гг. XX в. советское правительство, проверяя этнокультурное строительство в регионах, выяснило, что коренные народы находились в разном социокультурном положении. Поэтому «чтобы удовлетворить нужду национальных меньшинств, нельзя оставить этот вопрос в плоскости организации одинаковых органов, обслуживающих дела просвещения среди национальностей, которые резко отличаются друг от друга по степени своей культурности и исторического развития» [268, л. 4]. Для преодоления установленной проблемы руководство народного комиссариата разработало новую инструкцию по работе служащих «отдела национальных меньшинств и его органов на местах» [268, л. 4]. В документе предписывалось удовлетворять интересы местных жителей во всех сферах культуры, ведь раньше должностные лица местной администрации плохо понимали «культурные нужды просвещения национальных меньшинств» [268, 4 об].

Указанная проблема была характерна для всех многонациональных регионов страны. Можно сказать, что Симбирская (Ульяновская) губерния имела лучшие условия для реализации национальной политики государства. Ведь русское население оказывало помощь в улучшении культурной жизни нацменьшинств. Хуже всего дела обстояли в тех административно-территориальных единицах советской республики, где плотность проживания государственно-образующего народа являлась минимальной. Здесь правительству в прямом смысле приходилось подготавливать национальные кадры. Например, на Кавказе сокращались сроки обучения, упрощались вступительные экзамены в учебные заведения, утвердилась система бронирования льготных мест в центральных вузах страны для представителей народностей этой территории [200]. По мнению Е.А. Мартыновой большевики понимали, что «процветание национальной

культуры ... немисливо без воссоздания соответствующего интеллектуального слоя ...» [140, с. 119].

В процессе этнокультурного развития регионов государства открывались «национальные школы». Они отвечали особенностям уклада быта коренного народа. Например, на севере существовали школы кочевого характера [229].

Деятельность таких учебных центров в Симбирской (Ульяновской) губернии являлась удовлетворительной. Об этом свидетельствуют общие статистические сведения из архивного дела фонда ГубОНО, по которым составлена таблица (смотри приложение №2) [273, 25]. Однако 177 школ не могли охватить все школьное население нацменьшинств региона. Хотя дети эстонцев, латышей и украинцев имели возможность ходить в общеобразовательные учебные заведения, но детям именно коренных народностей в связи с сильными культурными отличиями от русского народа было трудно посещать обычные школьные центры. Поэтому постепенно увеличивалось число национальных образовательных учреждений на протяжении 20-х гг. XX в.

Само же качество просвещения находилось не на высоком уровне, о чем доказывают статистические данные о квалификации педагогов: «лица с высшим образованием – 3%, окончившие обучение в педагогическом техникуме – 1%, окончившие обучение на курсах – 23,9%, окончившие обучение в среднем учебном заведении – 53,1%, получившие низшее образование – 19% ... Стаж педагогов: 19,7% - без стажа, 26% - получили во время революции, 54,3% - с дореволюционным стажем. Социальный состав: 5% - детей учителей, 78% - крестьян, 17% - мещан и прочих сословий» [273, л. 22]. Количество преподавателей на начало 1925 года: «мордвы – 115, чувашей – 49, татар – 64, латышей – 2, эстонцев – 3, украинцев – 2» [273, л. 25]. В количественном отношении на один образовательный центр приходилось по одному или по два учителя. Более половины педагогического состава этих заведений работало еще с начала XX в.

Персонал школ после революции со всей своей любовью к детям продолжал свою трудовую деятельность. То есть люди понимали, какую пользу они приносят стране, и ощущали свою ответственность перед ней.

Одним из проблематичных народов в сфере просвещения являлась мордва. Изучение архивных дел выявляет сокращение мордовского населения в 1925 г. на 90 000 человек в крае. Ведь в 1922 г. численность составляла 280 000 в губернии [268, л. 15]. Этот очень тревожный факт свидетельствует о неблагоприятной обстановке в провинции. Такое резкое сокращение, видимо, складывалось из-за двух факторов: миграции и смертности. Все же даже в таких условиях происходил процесс развития национального образования: в 1924 г. было 103 школы, в начале 1925 г. – 104, в середине года – 108 и в конце года – 110. Увеличивалось количество преподавателей с 115 до 195 человек. Однако из 195 учителей знали мордовский язык 70, то есть более половины не владело им свободно. Данное обстоятельство вызывало трудности в преподавании у педагогов, что отражалось на уровне грамотности этого народа (в 75-50 раз меньше чем у русских). Для устранения безграмотности требовалось открывать новые учебные учреждения и организовать специальное училище для подготовки учителей. Им стал мордовский педагогический техникум в Алатыре [293, л. 62]. Это позволило увеличить выпуск специалистов, в 1925 г. выпущено дополнительно девять педагогов. Часть из них была направлена в систему школ-передвижек для удаленных поселений [298, л. 63].

В то же время из-за сильных отличий мордовского языка от русского литературно-издательская комиссия создала букварь «Од Лисьма Пря». Учебник направлялся во все регионы страны, даже в Сибирь [298, л. 14]. Также для поддержания развития культурных традиций было налажено издание журнала «Од Эрямо». В этом издании освещались следующие темы: политические, научные, история и этнография мордвы, народная словесность, беллетристика и статьи художественного характера. Публикация этой периодики способствовала поднятию просветительского,

культурного, экономического и политического уровня у мордвы [268, л. 4]. То есть, правительство использовало все возможные средства для улучшения образовательного процесса в отношении мордвы.

С наступлением 1926 г. постепенно начало изменяться проведение просветительской работы на территориях, где компактно проживали представители коренных народов Ульяновской губернии. Об этом свидетельствуют тезисы о работе нацменов. Со второй половины десятилетия процесс образования осуществлялся на русском и родном языках. Изучение национального и государственного языков повышало социальную самооценку граждан, устраняло сепаратистские взгляды коренного населения, сохраняя при этом этнокультурные особенности развития региона. Наряду с этим большое внимание уделялось дошкольному воспитанию и антирелигиозной пропаганде, в особенности среди татар [298, л. 1]. Данный факт определяет закрепление старого образа жизни у этой нации, сохранение которого сказывалось на эпидемиологической обстановке края. Поэтому для уменьшения размаха эпидемий проводились лекции о санитарии.

Об осуществлении планомерного проведения просветительской деятельности подтверждает «календарный план работ среди нацменов на декабрь 1926 года» [298, л. 2]. Анализ сведений из данного архивного источника доказывает, что произошло расширение сети национальных школ. Увеличение числа указанных заведений потребовало изменить работу педагогических техникумов. Сложившаяся ситуация вызывала ряд трудностей, например, не хватало учителей. Однако было уже изучено, в каком именно количестве и где имелаась такая потребность при учете открытия новых образовательных учреждений. В дальнейшем произошла реорганизация учебного плана и методологии преподавания в подобных центрах, которые стали отвечать стандартам государственного образования.

В том же году советское правительство организовало центральные издательства в городах Харьков, Ростов-на-Дону и Ленинград. Данные

учреждения удовлетворяли потребности социума в литературе на родном языке в административных единицах государства [300, л. 14]. Указанный факт доказывает, что государственные лидеры страны постепенно изменяли процессы этнокультурного развития регионов страны. Об этом также свидетельствует письмо товарища Сабирова⁵, сотрудника губсовнацмена, где он предлагал производить «учет экономического и культурного состояния» народов для построения работы местных органов власти [298, л. 94].

Основными центрами этнокультурного развития Симбирской (Ульяновской) губернии в сельской местности являлись избы-читальни, красные уголки, партийные ячейки, персонал которых использовал не все ресурсы для построения данной работы. Об этом свидетельствует «доклад по обследованию работы сельсоветов Дракинской, Шлемассовской, Чандайской и Коржевской волостей Карсунского уезда» [239, д. 1808, л. 19]. Читальни существовали номинально и не везде. Местное же население не знало назначения библиотечных учреждений. Служащие читательских центров даже не выполняли простых своих обязанностей, например, учета читательского интереса посетителей. Данная ситуация сложилась из-за отсутствия собственных помещений этими заведениями. В свою очередь, красные уголки в достаточном количестве имели советскую литературу, но она слабо использовалась в процессе проведения государственных праздников, что показывает о незнании их персонала, как выполнять свои функции. Партийные же ячейки существовали во всех поселениях указанных волостей. Однако их сотрудники не привлекали в общественную работу представителей нацменьшинств, из-за этого власть отстранилась от регулирования процессов культурной жизни коренного населения. Таким образом, происходящее этнокультурное развитие граждан пока не способствовало расширению влияния идей социализма на жизнеустройство людей.

⁵ Инициалы не сохранились из повреждения архивного документа

Одним из направлений этнокультурного развития регионов страны стало реформирование базисных межличностных отношений – социальные отношения между полами, а также связанные с ними представления и символы. Декретами, принятыми в декабре 1917 г., женщинам предоставлялась вся полнота гражданских прав и свобод, уравнивая их с мужчинами перед лицом закона. Идеологи женского рабочего движения – И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай, Н.К. Крупская, К.Н. Самойлова и др. считали, что реализации новых законопроектов достаточно для обеспечения реального равенства женщин в обществе. Представители пролетарской культуры (А. Бибик, М. Волков, А. Гастев и другие) рассчитывали совершить в стране еще одну революцию – трансформировать быт человека, окончательно ликвидировав сферу «частной жизни» и ее главную нишу – семью – в качестве источника социального неравенства и несвободы женщины [15].

Ведь планировалось, что изменения в законодательстве страны разрушат старый патриархальный семейный быт общества и создадут подконтрольную государству новую семью. Указанная трансформация межличностных отношений должна была вызвать улучшение условий её обслуживания. С принятием законов (декрет о расторжении брака, декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов) предполагалось, что реализация их будет способствовать совершенствованию охраны здоровья матери и ребенка, а в целом – воспроизводству населения [46]. А.М. Коллонтай в 1923 г. заявляла, что советское правительство «снимет бремя материнства с женских плеч и переложит его на государство», добавляя, что «семья в ее буржуазном понимании вымрет» [236], настанет социальное равноправие мужчин и женщин.

Внедрение же нового семейного права столкнулось с трудностями, так как культурные традиции, например, коренных народов Среднего Поволжья сильно отличались от политических взглядов руководства РКП (б). Тяжелее всего усвоение нового советского образа жизни происходило у мордвы и татар. Для исправления данной ситуации государство собиралось провести

агитационные мероприятия в сельской местности, в которых особое место отводилось активности девушке. Для этого было необходимо подготовить участников через ВЛКСМ и партийные ячейки, тем самым облегчить вступление в правящую партию страны новых членов – «облегчить вступление в партию для комсомольцев-активистов тех, которые не могут найти поручителей» [298, л. 64]. К этой же работе советская власть намеревалась подключить руководителей госорганов в сфере культуры.

Однако осуществление задуманного намерения на практике было минимально, так как не имелось даже теоретической основы в деятельности партийных органов. Она основывалась лишь на лозунгах, особенно в удаленных регионах. Симбирская (Ульяновская) губерния не была исключением. Об этом свидетельствует доклад о вовлечении женщин «востока» в строительство социализма и общественную работу. Например, в селе Ломаты, где мужское население занималось отхожими промыслами, предоставлялась определенная свобода для участия женщин в советско-просветительской работе, которая осуществлялась через учительство. Однако в этом селении с численностью 2755 душ только 22 девушки (молодое поколение женского населения) занимались данной деятельностью. «Результат вовлечения женщин татарок: в сельсоветах трое, в клубах шестеро, двенадцать членов кооператива и пять женщин учатся в среднем учебном заведении – трое на Медфаке и двое в школе 2-ой ступени» [298, л. 17]. Полученный неудовлетворительный результат сложился по причине медленного изменения исторически сложившегося уклада жизни – «не участие в советском строительстве из-за веры в “Коран” и давление мужа» [298, л. 20]. Такие итоги трансформации социальных отношений происходили из-за закоренелости религиозного учения и патриархальности семейных традиций в селении. Для исправления данной ситуации было принято решение о выделении женщинам земельных участков, что дало бы им материально-финансовую независимость от мужа.

Анализ информации из архивных дел и научных работ подтвердил, что все же произошли некие изменения в процессе этнокультурного развития регионов. В 20-е гг. XX в. становление новых семейных отношений происходило со значительными сложностями даже у русского населения. Сохранялось традиционное понимание семьи. «Половая свобода» привела к тому, что сложилось потребительское отношение к женщине у определенной части мужского населения. В процессе изменения семейного быта выяснилось не только отсутствие у государственных лидеров целостной и последовательной программы осуществления задуманного, но и упрощенный взгляд на реформирование семейных отношений в социуме: в результате именно девушки чаще всего становились дискриминируемой стороной. Из всех граждан страны лишь студенты восприняли новые изменения в культуре. Заключение браков теперь основывалось на совместных интересах и взаимных чувствах, а материальный расчет осуждался [15].

Симбирская (Ульяновская) губерния в 20-е гг. XX в. не была центром получения высшего образования. Поэтому из-за проведения неподготовленной семейной политики в регионе был зафиксирован рост брачных разводов. Это повлияло на социальное положение подрастающего поколения. Произошло увеличение количества детей-беспризорников. К 1927 г. в стране насчитывалось свыше полумиллиона ребят, никогда не видевших своих отцов. Справиться с данной ситуацией могли социальные учреждения в провинциях. Однако подобные заведения, учитывающие особенности национального характера коренного населения Среднего Поволжья, не имели, как и школы, методическую базу деятельности. У мордвы и татар эти организации и вовсе отсутствовали. По данной причине молодое поколение не могло воспитываться в русле идей социализма, что беспокоило местное отделение ВКП (б). Указывалось, что дети мордовского этноса находились «под влиянием попов, кулаков и прочей черносотенской своры. Мордовская национальность не может идти наравне с прочими трудящимися РСФСР в коммунистическом движении. Ей необходимо оказать помощь в

просвещении...» [269, л. 15]. Местная же власть бездействовала. Ульяновский городской исполком не только не смог «помочь открыть детский дом, но и потерял выделенное помещение. В то время, когда татарские дети умирают от холода и голода на улицах, русские же дети находятся в детских домах. Возникает вопрос, как быть в такое трудное время с детьми татар, когда в центре губернии нет ни одного детского дома, где их можно организовать и эвакуировать» [267, л. 44]. Проблема с детскими домами была решена под давлением правящей партии страны – её представители настоятельно рекомендовали ГубОНО «... открыть Мордовский и Татарский детский дом» [267, л. 48] и провести совместную эвакуацию детей из неблагополучной социокультурной среды края.

Проводимые изменения в этнокультурном процессе формирования регионов России требовали совершить гражданам отказ от религиозных взглядов. Однако сохранение влияния Ислама на татар и другие этносы на всей территории страны частично способствовала сама власть. В 1923 г. малая коллегия Наркомнаца в газете «Башкирия» №113 «О преподавании религии» [272, л. 12] косвенно разрешала открывать школы при мечетях. Вскоре это постановление аннулировали вышестоящие государственные органы власти. Такое странное решение коллегии повлияло на развитие исповедания мусульманства. В отдельных поселениях советской республики Наркомпрос зафиксировал попытки ввести в учебных заведениях преподавание магометанского вероучения. «Ввиду этого, коллегия Наркомпроса подтверждает о недопустимости преподавания в школах вероучений, каких бы то не было религий. Всякое систематическое преподавание вероучений считается, безусловно, вредным для народного просвещения и приравнивается к организации частной школы, которая запрещена постановлением X съезда Советов» [272, л. 16]. Ульяновская губерния не являлась исключением. В Ульяновске действовало образовательное учреждение при мечети на улице Лесовой [272, л. 36]. Таким образом, архивные документы свидетельствуют о недопонимании

между низовыми и центральными органами управления в процессе проведения антирелигиозной политики государства.

Проблемы функционирования Русской Православной Церкви в 1920-х гг. оказывали влияние на этнокультурное развитие регионов государства. В этот период возник раскол в управлении церкви. Иерархи не были довольны политикой Священного Синода РПЦ, так как он шел на уступки советской власти. Кризис православия повлиял на отказ от христианских традиций коренного населения Среднего Поволжья [103]. Это вызвало появление пустого культурного пространства в социуме, которое необходимо было заполнить социалистическим представлением о мироустройстве. Совнацмены решили достичь данной цели через клубную деятельность. Создание клубов являлось неотъемлемым элементом коммунистического общества, одно из направлений их работы – изменение домашнего быта человека. Для татар в помещении кинотеатра «Амбир» с незначительными затруднениями открылось данное учреждение » [270, л. 13].

Специфические трудности в культурном развитии коренного населения региона существовали на протяжении всего десятилетия. С татарами возникали проблемы, связанные с коренным переустройством жизни, а у мордвы – сложности с просвещением [268, л. 2]. Чуваши же полностью не воспринимали социалистический образ межличностных отношений. Строительство культуры этого этноса осложнялось неблагоприятными социальными, экономическими и другими факторами в обществе. Государственные деятели считали, «что лишь октябрьская революция вернула чувашам их вольную жизнь и сделала этот народ равноправным членом семьи СССР ...» [351, с. 36]. Основная их часть проживала на юго-востоке губернии, где насчитывалось 10 000 их дворов. В основном чувашки являлись земледельцами, но они имели отсталое хозяйство. Не хватало лошадей, поэтому «обработка земли происходила сообща, соединяя 2 или 3 хозяйства» [351, с. 37]. Безграмотность чувашского

женского населения в селе составляла 60-70%. В поселениях распространялись различные эпидемии, например, в Нагаткинской волости – чесотка и трахома. Поэтому власть стала увеличивать их финансирование, что позволило увеличить выдачу денежных займов крестьянину. Так, на 1925-26 гг. было выдано 60 ссуд на сумму 3627 р., а в 1926-27 гг. – 130 ссуд на сумму 8625 р. Для улучшения эпидемиологической ситуации правительство открывало медкабинеты в селах. Несмотря на принятые меры государством, в общественном быте чувашей присутствовали, наряду с православными, языческие обряды. Из-за этой причины правительство страны организовывало проведение новых массово-культурных мероприятий [102]. В конце 1920-х гг. указанные трудности с большими усилиями начинали преодолеваться.

Итак, в процессе изучения истории этнокультурного развития Симбирско-Ульяновского Поволжья доказано, что на протяжении всего десятилетия сказывалось противоречие между установленными принципами «самоопределения» этноса, закрепленными в «Декларации прав народов России», и устойчивой тенденцией формирования централизованного государства, политикой воспитания советского человека на трансформацию национально-культурных взаимоотношений в регионе. Для решения возникших проблем в губерниях создавались Советы национальных меньшинств (Совнацмены), которые проводили мероприятия для построения национально-культурной интеграции населения, что препятствовало возникновению межнациональных конфликтов на бытовом уровне организации социума. Для достижения бесконфликтной жизнедеятельности этносов органы власти изучали их культурное, социальное, экономическое положение. Было выяснено, что народы Среднего Поволжья имели разную степень образованности. Поэтому в систему образования Симбирской (Ульяновской) губернии встраивались «Советы просвещения национальностей нерусского языка». Они способствовали увеличению количества национальных школ и педагогических училищ для

представителей нацменьшинств, привлекали «квалифицированных образованных инородцев» в проведении программ по ликвидации малограмотности населения, что позволяло в будущем улучшить просвещение коренного населения провинции.

Действительность Симбирской (Ульяновской) губернии подвергала принцип о возможности полного решения национального вопроса сомнению, так как местные исполкомы не всегда учитывали особенности национальной культуры края и специфику культурного развития каждого народа. Об этом доказывают произошедшие изменения в полиэтнических поселениях края, в основном это были села и деревни, где господствовал патриархальный уклад жизни человека. Многие социальные проблемы губернии возникли из-за гендерной трансформации социума. Произошло разрушение института семьи как основы национального менталитета. Вследствие этого женщины и дети стали очень уязвимы социально. Произошел рост женской безработицы и детской беспризорности в провинции. Для преодоления выявленной проблемы губернский исполком при настоятельной просьбе партии большевиков открывал социальные учреждения. Политические лидеры страны и её регионов прекрасно понимали, что национальные меньшинства не могут полноценно развиваться в новой социокультурной среде, в которой не учтены особенности культурно-исторического процесса их развития. Поэтому во второй половине 20-х гг. XX в. губернская власть активно развивала сеть библиотек, изб-читален и красных уголков, в работе которых персонал доносил до общества во время разнообразных выставок национального творчества образы советского человека. Тем самым происходило патриотическое воспитание гражданина.

Также на протяжении 20-х гг. XX в. существовало недопонимание между Советом Народных Комиссаров и местными исполкомами по вопросу проведения антирелигиозных программ в стране, так как многие постановления центральной власти на местах не должным образом понимались и исполнялись, например, «Декларация прав народов России» от

15 ноября 1917 г., декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. и др. Об этом свидетельствует проведение атеистической политики в национальных регионах России. При официальном отделении религии от государства, в учебных центрах косвенно, но разрешалось встраивать в программу обучения преподавание религиозных предметов. Например, в Симбирске (Ульяновске) по этой причине действовало учебное учреждение при мечети. Созданный же кризис в деятельности Русской Православной Церкви в крае повлиял на восстановление языческих верований у коренных народностей провинции. Поэтому ГубОНО при поддержке губисполкома развивал сеть культурно-просветительских заведений, дабы изменить морально-нравственные ценности граждан.

1.5 Региональные аспекты взаимодействия церкви и советской власти

Характеризуя взаимодействие советской власти и церкви в 20-е гг. XX в., большинство историков (О.А. Лиценбергер, Ю.Н. Макаров, А.А. Слезин, А.Г. Поляков, А.А. Федотов и др.) определили этот период как начало противостояния между ними. А.Г. Полякова считает, что «конфликт государства и Русской Православной Церкви в постреволюционную эпоху в значительной степени носил идеологический, мировоззренческий характер... Концептуальная модель религиозной политики Советского государства базировалась на априорном тезисе о принципиальной несовместимости религиозного и марксистского мировоззрения» [158, с. 138, 139].

Типичным примером проводимой политики советским правительством является Симбирско-Ульяновский регион. Рассмотрены особенности взаимоотношений религиозных объединений и государства в 20-е гг. XX в. на примере указанной провинции по материалам фонда Р-200 (Исполнительный комитет Ульяновского губернского Совета рабочих,

крестьянских и красноармейских депутатов) Государственного архива Ульяновской области и местной печати данного периода.

Симбирская губерния после установления советской власти в ноябре 1917 года была занята белогвардейцами в мае-сентябре 1918 г. В связи с этим, собственно социалистические преобразования, связанные с антирелигиозной политикой, начались на указанной территории с осени 1918 г. Деятельность в первое десятилетие советского правительства можно охарактеризовать довольно щадящим в отношении религиозного сознания людей по сравнению с последующими годами.

На основе архивных и опубликованных документов указанного периода можно выделить два направления взаимоотношений церкви и государства в данном регионе. Первое направление отражает непосредственное взаимодействие органов власти управления и церковных организаций, а второе – как опосредованное, при этом первое было определяющим по нескольким причинам.

В 20-е гг. XX в. религиозные объединения были поставлены перед проблемой выживания в условиях советской действительности. Храмы описывались, их имущество передавалось государству, приходские и причтовые капиталы, предприятия ликвидировались, земли национализировались. Однако причиной закрытия религиозных учреждений были не только атеистические настроения и антирелигиозная политика нового правительства, но и чисто прагматическое отношение прихожан к содержанию церковных зданий. В это время устранено государственное кредитование церкви, были финансово уязвлены состоятельные слои населения, что уменьшило поступление пожертвований в приход. Сельское население – в основном крестьяне – в новых экономических условиях не могло обеспечить функционирование своей общины. В результате к 1920 г. произошло значительное сокращение числа административных заведений церковных организаций и людей, несущих в них служение Богу. Были ликвидированы духовно-учебные заведения.

О существовании таких событий в Симбирской губернии, удостоверяют архивные документы. Приведем наиболее значимые примеры. Так, представители органов советской власти подписывали с церковью документ о якобы добровольной передаче культовых зданий на территории края государству. По каждому помещению заключалось отдельное соглашение. Например, в декабре 1918 г. в Базарно-Сызганской волости Симбирской губернии (село Ясашное [280, л. 245-251], село Базарно-Сызганово [280, л. 224-229]) были подписаны соглашения о передаче церковных помещений органам советской власти в лице Семена Исаевича Истомина – председателя совета рабочих и крестьянских депутатов этой волости. При этом одновременно проводилась перепись прихожан, в которой отдельной графой указывались лица неграмотного населения. Количество безграмотных, с одной стороны, свидетельствовало о результативности деятельности церковно-приходских школ, а с другой стороны, пофамильно определяло верующих людей для включения их в списки лиц, подлежащих ликвидации неграмотности.

В 1919 г. подобный правовой документ при сохранении содержания поменял свое название с соглашения на договор и приобрел большую юридическую силу. Такой договор от имени советской власти в Живайкинской волости по селам Кудажнейко и Таволжанка подписывал председатель совета рабочих и крестьянских депутатов волости товарищ Будаин (в документах фамилия указана без инициалов) [280, л. 45-47, 57-58]. Храмы в этих населенных пунктах были переданы органам местной власти.

Со временем в одном документе стали прописывать не одно, а сразу несколько строений. Так, в Карсунской волости в одном договоре указывались одновременно уже несколько церковных зданий в разных поселениях: села Ховрино, Федорка, Кротовка [280, л. 33-38]. Возможно, это связано с тем, что в этих общинах был один иерей, или это делалось в связи с экономией времени. Однако действовала и форма договора на одно здание, например, договор о церкви в селе Краснополки этой же Карсунской волости

[280, л. 26-31]. Органы советской власти на данной территории тогда представлял Никифор Иванович Свияцов.

В 1920 г. в указанные юридические договоры перестали включать перепись членов общины. Примером могут служить документы Маколовской волости сел Болтино [280, л. 6-8] и Сабаново [280, л. 14-17], где в те годы председателем совета крестьянских и рабочих депутатов был Степан Алексеевич Ионов. Данные акты уже были с печатью, и в них же факт передачи религиозного здания государству подтверждался подписями администраторов этих объединений. Например, в селе Болтино договор подписали пресвитер Даниил Зелкович и церковный староста Михаил Георгиевич Лисов.

Во всех вышеперечисленных правовых актах указывалось, что церковные здания передавались органам советской власти в бессрочное пользование. При этом сам храм мог спокойно использоваться в процессе богослужения и быть открытым в свободное время, однако священнослужителям, согласно договору, запрещалось проводить в нем антисоветские собрания. Пресвитеры в свою очередь не имели право устраивать мессы вне стен этого помещения. В заключенном документе подтверждался факт лишения приходами всей собственности на основании «Постановления Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)» от 30 августа 1918 г. Все имущество религиозных организаций переходило в ведение местных исполкомов. В правовом акте оговаривалось, что община обязывалась беречь данное народное достояние, ей только позволялось пользоваться им. Какая ответственность возлагалась на советскую власть, в этом документе не указывалось.

Следует также отметить, что некоторые религиозные сооружения были застрахованы и при их непреднамеренных повреждениях выплачивались денежные компенсации. Например, запись в архивном документе гласит: «Предоставить страховые выплаты на ремонт церкви села

Репьевки, пострадавшей от пожара в размере 701 рубль 67 копеек...» [308, л. 85]. Отношение к использованию полученных денежных средств было различным. В одних селах ремонтировали церковные помещения, в других - взамен ремонта храма на выделенные деньги строили образовательные учреждения. Указанный факт свидетельствует о нарушении исполнения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», ведь по нему любое подобное объединение лишалось права юридического лица и, следовательно, всех финансовых вложений в банковских организациях.

Чаще всего в 20-е гг. XX в. крестьянское общество отказывалась содержать свой приход из-за сложной экономической ситуации – голода, высоких цен на продовольственные и потребительские товары на рынке, сохранение продналога. Собственно тогда появилось заявление церковного совета при фабрике мебельной обуви: «Ввиду отказа прихожан православной церкви при фабрике механической обуви содержать таковую, церковь закрыть и опечатать, ценное имущество передать в губфинотдел в порядке изъятия, остальное Епархиальному Совету» [288, л. 76]. Если же подобное здание передавалось под школу, ее содержание брало на себя советское правительство. Доказательством этого служит, например, следующая выписка: «Принимая во внимание согласие общества верующих граждан села Вельяминовки на обращение премии за сгоревшую церковь на устройство в селе Вельяминовке школы, признать целесообразным устройство в селе Вельяминовке школы и поручить УОНО данную школу включить в план расширения школьной секции на 1927/28 гг. О настоящем решении сообщить в Губисполком...» [308, л. 39]. Причин сокращения количества общин в Симбирской (Ульяновской) губернии было несколько, и все они связаны как с политическими изменениями, так и с социально-экономическим развитием страны.

Все же все пагубные тенденции формирования социокультурных отношений в обществе не везде смогли затмить ценность религиозно-культурных традиций среди жителей. В Алатырском уезде Симбирской

губернии организовывались курсы по подготовке священнослужителей для молодых людей от 18 лет, но с укороченной программой обучения. Открытие указанных курсов произошло из-за неоднократных просьб не только верующих, но и целых рабочих и крестьянских коллективов о разрешении слышать проповеди Слова Божьего [265, л. 49].

Начавшийся голод в стране в 20-е гг. XX в. стимулировал органы советской власти к поиску дополнительных источников финансирования. Именно тогда богослужебная утварь стала рассматриваться как один из таких источников. В регионы было отправлено постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 г. по изъятию церковных драгоценностей в течение месяца. В документе указывалось на необходимость достаточно строгого контроля над этим процессом. Создаваемая комиссия из 3-х человек: председателя Волостного исполкома, председателя Волкомитета и одного члена Волисполкома – должна была иметь при себе опись церковного имущества до 1917 г., проводить изъятие ценностей и составлять особый отчет о проделанной работе. Следует отметить, что в этом постановлении не ставилась задача очистить церкви от предметов культа и тем самым прекратить ее деятельность. В фонд голодающих реквизировались только подлинные драгоценности. Об этом свидетельствует следующий документ: «Изъятию подлежат предметы из серебра и золота, а предметы с драгоценными камнями только те, которые не используются в богослужении. ... Иконы, не составляющие необходимости при совершении службы, подлежат к изъятию» [286, л. 10-11]. Бесспорно, какие предметы используются при проведении мессы в храмах, а какие нет, решали не церковнослужители, а представители власти. Государственные лидеры также были заинтересованы в создании конфликтных ситуаций с иереями и прихожанами, которые могли привести к аресту и осуждению наиболее активных из них. Тем не менее, данное указание свидетельствует об отсутствии в то время жесткой позиции властных органов в этом вопросе. Но в результате предпринятых действий, по мнению А.А. Слезина «церкви был

нанесен сильнейший удар, но она сумела сохранить свои организационные структуры» [189, с. 93].

Местные органы советской власти достаточно добросовестно выполняли постановление правительства. По данным архивных документов уже на 27 мая 1922 г. изъятие произошло в 24 храмах, 14 волостях губернии и составило 147 изделий из золота, серебра и ювелирных камней [286, л. 11]. Если же приход желал оставить богослужебную утварь, то ему разрешался произвести обмен её на другие драгоценности, равные по стоимости. К началу июня 1922 г. руководители региональной власти обещали СНК провести изъятие ценного имущества из церквей на всей оставшейся территории Симбирской губернии. Представители центральной администрации осознавали, что предписываемые действия могут вызвать недовольство людей, и считали существенным указать в разъясняющем предписании следующее: «предварительно общих собраний верующих избегать до изъятия, так как это тормозит дело, ... также важно не допустить собрание граждан особенно во время изъятия в церкви, ... если появляется препятствие к изъятию, сообщить уподкомиссии обязательно в запечатанном документе» [286, л. 10]. Местной власти удалось избежать массового неподчинения в данной провинции. Соппротивление было только в селе Ундоры, но, по свидетельству архивного документа, «были приняты меры» [286, л. 11]. Одной из причин отсутствия протестных выступлений можно назвать веру людей коммунистической пропаганде. Они надеялись, что изъятые ценности смогут спасти кому-то жизнь. Не случайно в том же предписании указывалось: «О всех ценностях, поступающих из церковного имущества для помощи голодающим, опубликовать в печати. В местной прессе должен быть указан подробный перечень ценностей, изъятых от местных храмов, мечетей, синагог, и указание этих храмов» [286, л. 11]. Данный процесс происходил с марта по июль 1922 г., когда пик кризиса голодания жителей миновал. Приведенные факты подтверждают, что государство в начале 20-х гг. XX в. стремилось постепенно изменить

отношение населения к религии, церковным традициям и привить людям атеистические взгляды. Мы согласны с утверждением А.В. Баланцева, что в эти годы «репрессивная политика, призванная в первую очередь устранять все недовольства такого рода, носила еще весьма ограниченный характер» [26, с. 10-12].

Второе направление взаимоотношений церкви и советского государства в крае можно характеризовать как опосредованное: для выражения политики правительства, для проведения антирелигиозной пропаганды в провинции активно привлекались средства массовой информации. В Симбирске-Ульяновске в 20-е гг. XX в. выпускались газеты «Заря», «Искра», «Пролетарский путь», в которых антирелигиозная колонка затрагивала разные сферы общественной жизни. Например, в публикуемых статьях неоднократно подчеркивалось, что безбожник, как носитель социалистической идеи, должен являться примером для населения. Значительные требования предъявлялись и к лексикону атеистов. В материалах предписывалось не употреблять в разговорной речи такие высказывания, как «Славу Богу», «Ей Богу», «Христа ради», «Бог с нами», «К черту». Так, автор одной статьи из газеты «Пролетарский путь» писал: «Нам надо крепко помнить, что рабочие массы, что массы трудового люда очень чутки. У безбожников не должно быть в разговорной речи отрывки старой ветхой культуры. «Божеские слова» в устах безбожников рабочие будут принимать не как невинную старую привычку, а как противоречие религиозным взглядам» [326, с. 3].

При организации атеистической работы среди населения активно применялись и методы убеждения. Публикации в периодике неоднократно посвящались организации и проведению дискуссий, диспутов на религиозные темы, которые городская администрация Ульяновска устраивала, в том числе, и в парках для привлечения значительного количества жителей. Так, один из диспутов - «Бой Богам» - состоялся 26 мая 1924 г. в саду имени Свердлова. Для дискуссии выбирались достаточно

сложные темы: «Человек и Бог», «Бессмертие души», «Наука и религия». При обсуждении последней, как писал Р.Н. Лопухин в газете «Пролетарский путь», священник Архангельский пытался примирить, а не противопоставлять в споре безбожников и верующих. Хотя в статье автор не указал инициалы этого иерея, но скорей всего речь идет о Дмитрие Ивановиче Архангельском, пейзажисте, педагоге, этнографе, археологе, который в 1906 г. окончил Симбирскую духовную семинарию, в 1918-1934 гг. преподавал в школах, училищах Симбирска-Ульяновска и часто выступал в качестве лектора. По свидетельству корреспондента, атеисты при проведении диспута оказались более подготовленными к нему, чем их оппоненты: «В заключительном слове священник Садовский по существу уже отрекся от заявлений, что религия выше науки и что наука не противоречит религии» [332]. В то же время следует согласиться с мнением А.А. Слезина, что «вряд ли можно назвать диспутом мероприятие, где сторона, представлявшая власть, любой аргумент оппонента клеймила как контрреволюционную пропаганду» [189, 92-98].

Городская пресса того времени публиковала и материалы, в которых проводился анализ церковной литературы. Так, работник газеты «Пролетарский путь» И.Н. Булаты в 1925 г. издал заметку под названием «Под святым покрывалом», в которой разбирал одно из наставлений христианства - борьбу с блудом и распутством. По глубокому убеждению журналиста, история развития христианства напрямую связана с развратом. По утверждению корреспондента, «публичные дома платили налог церковному руководству 20.000 дукатов, в молитвах святой Терезы, переписке блаженного Вентури и монахини Маргариты четко прослеживаются греховные их мысли» [323]. Но в этой статье отсутствуют ссылки на использованные источники. Поэтому, на наш взгляд, в целом публикации региональной периодики того десятилетия имели ярко выраженную идеологическую направленность и не всегда отражали истинных позиций церкви.

Свидетельств архивных документов о взаимоотношении советской власти и Евангелическо-лютеранской церкви (ЕЛЦ) на территории Симбирской (Ульяновской) губернии в анализируемом фонде не найдено. Но можно проследить данные взаимодействия на основании имеющихся публикаций, в которых указано, что желание многих поволжских приходов ЕЛЦ присоединиться к единой лютеранской церкви не могло реализоваться из-за последовавшей острой реакции местной власти регионов, контролирующей деятельность церковных советов приходов. По свидетельству Ю.А. Голубкиной, епископ А.Т. Майер писал в 1922 г.: «Некоторые пасторы должны были горько поплатиться только за то, что произносили слова «связь с церковным руководством». Отношения там настолько обострились, что Московский высший церковный совет из осторожности должен был прервать все отношения с поволжскими общинами. Уже несколько месяцев нельзя думать о переписке. В общинах там поистине господствует хаос. Созданное в свое время церковное руководство распалось, а присоединение к общине Церкви невозможно из-за террора» [219, с. 473].

Начиная с 1924 г., ряд главных вопросов в сфере объединительной политики ЕЛЦ находился в компетенции Высшего церковного совета, избранного Синодом и предусмотренного конституцией государства. Как указывает В.В. Калл, «ярким положительным примером в деятельности этого органа стало то, что поволжские приходы все же смогли воссоединиться с лютеранской церковью России, но только в 1923-1924 гг., а окончательно – уже после того, как постановлением ВЦИКа и СНК от 20 февраля 1924 г. Автономная область немцев Поволжья была преобразована в автономную социалистическую Республику» [93, с. 500].

Со многими процессами, которые происходили в Православной церкви, столкнулась и Лютеранская, например, с деятельностью «обновленцев». Большое количество приходов было увлечено идеей конгрегационализма, особенно в Поволжье. В Симбирской (Ульяновской)

губернии – это общины Мелекесского уезда. Ведь множество объединений не имели пастора или проповедника. Их привлекало учение об избрании священнослужителя среди верующих без теологического образования. Однако раскол, который изначально поддерживала советская власть, стал негативно отражаться на функционировании сельского хозяйства, из-за этой причины правительство прекратило содействовать в развитии «обновленчества» ЕЛЦ. Угасанию этой мысли способствовала организация пасторских курсов, на базе которых была открыта семинария данной протестантской церкви [126].

К концу 1920-х гг. государственная политика в отношении церкви становилась более жесткой. Советская власть приняла ряд правовых актов, которые значительно ухудшили положение религиозных организаций в стране. Это такие документы, как «Изменения в декрете об отделении церкви от государства и школ», декрет «О религиозных объединениях» и др. Церковные здания или использовались не по назначению, или разрушались. В городе Ульяновске из трех соборов, более 40 церквей и храмов постепенно осталась только одна Воскресенская церковь на городском кладбище.

Заккрытие храмов на селе происходило через голосование, многие верующие лица были лишены права голоса из-за своего классового происхождения, из-за этого в большинстве случаев доминировала антирелигиозная точка зрения. В городах же от общин требовалось произвести капитальный ремонт богослужебного помещения в краткосрочный срок. Из-за отсутствия финансовых средств на ремонтные работы они отказывались от использования церковных помещений и передавали в полное ведение местным исполкомам. Поэтому многие храмы со временем разрушались или использовались как дополнительные, часто складские, помещения, а в лучшем случае – как музеи, библиотеки. Примером является употребление здания Евангелическо-лютеранской церкви Святой Марии – немецкой кирхи – сначала как библиотеки, позднее как спортивной школы.

За разрушением церквей последовали аресты и депортация служителей религиозных объединений, сначала единичные, потом массовые. По свидетельству архивных документов, первые задержания пресвитеров в Симбирской губернии произошли уже в начале 20-х гг. XX в. Так, в 1920 г. был закрыт Спасский женский монастырь. Его священнослужители были сняты с занимаемых должностей, репрессированы: «Снять с поста священника церкви бывшего Женского Спасского монастыря из-за отправления его в концентрационный лагерь». Подобная участь коснулась многих иереев и, к сожалению, судьба большинства из них до сих пор не известна. Однако все же единицам удавалось выехать за границу. Так, в начале десятилетия покинул приход лютеранской церкви города Симбирска пастор Г. Лейст. В конце десятилетия расширялась антирелигиозная пропаганда, которая охватила все поселения в регионе [334]. В селах начиналась плановая борьба с протестантскими церквями [343].

Таким образом, сложность построения отношений между церковью и государством определяют разноплановость исследований, которые нацелены на изучение ситуации в конкретных хронологических и территориальных рамках. Можно утверждать, что ученые в качестве объекта выбирают территории как значительные по размерам, так и конкретные субъекты государства. Наиболее подробно изучаются проблемы взаимодействия советского правительства и церкви в 20-гг. XX в., так как именно в этот период деятельность религиозных объединений выстраивалась на новой правовой базе и носила достаточно интенсивный характер. В большинстве своем научные труды нацелены на изучение взаимодействия государства и Русской Православной Церкви. Количество публикаций о роли Евангелическо-лютеранской церкви в общественной и политической жизни конкретного региона, страны значительно меньше. Поэтому исследование государственно-церковных отношений в конкретных регионах – важная проблема современной науки, которая нуждается в дальнейшем комплексном анализе.

Изучение истории по взаимоотношению церкви и государства позволило выделить два направления данного взаимодействия в крае. Первое направление отражает непосредственное воздействие органов власти на религиозные объединения в процессе реализации на местах постановлений правительства, а второе – опосредованное – выражалось в стремлении новой государственной элиты через средства массовой информации изменить мнение населения о церкви.

Взаимодействие церкви и власти в Симбирской (Ульяновской) губернии проявляют, с одной стороны в общероссийские черты антирелигиозной политики советского правительства, а с другой – местные особенности реализации атеистических программ по изменению сознания личности. На данной территории – родине В.И. Ленина – проводилась планомерная борьба против деятельности религиозных организаций более четко и последовательно. В Ульяновске к началу 1930-х гг. из 29 церквей, мужского и женского монастыря, лютеранской кирхи, католического костела, 2 мечетей действовали всего лишь две храма Русской Православной Церкви. Помимо политических причин, это явление имело и экономическое объяснение – из-за военных и экономических проблем прихожане, особенно в сельской местности, не могли обеспечить самофинансирование собственных приходов.

В процессе изучения взаимодействия церкви и советской власти в 20-е гг. XX в. было установлено, что религиозная политика государства характеризовалась проведением антирелигиозной пропаганды и созданием «безбожных» организаций, трансформацией законодательства и усилением административного давления на христианские церкви. В указанное десятилетие правительство провело ряд программ: изъятие церковных ценностей, покровительство обновленчеству и др. Мероприятия по изъятию церковного имущества, по сравнению с другими губерниями, в Симбирской (Ульяновской) проходили без сильного противостояния граждан. Строительство атеистической культуры края основывалось на

административном ресурсе региональной власти. Однако максимально быстрое исполнение местными исполнительными комитетами постановлений вышестоящих органов власти не гарантировало поступательное изменение сознания человека. Проведение антирелигиозной политики исполкомами осложнялось оказанием давления на местные органы управления общественными организациями по сохранению культурно-религиозных традиций населения. Следовательно, изменить полностью сознание гражданина у советского правительства не получилось.

2 ОСОБЕННОСТИ ВИДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

2.1 Культурно-просветительская работа в губернии

О необходимости проведения культурно-просветительской деятельности учреждениями для формирования мировоззрения населения всегда понималось правительством России, особенно в первые годы становления советской власти в государстве. Поэтому в России революция 1917 г., по сути, положила начало формирования нового «культурного типа» просветительских заведений [38]. Например, правительство планомерно и целенаправленно занималось развитием и укреплением библиотечной и клубной системы, которые требовались не только для просвещения и образования широких масс населения, но и для подготовки активистов по распространению социалистических идей. Вследствие этого, в каждом регионе государства формировался фонд агитационного материала. Об этом свидетельствуют принятые декреты Совнаркома «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» (1918 г.) [259, с. 1207], «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» (1918 г.) [264, с. 41-42] и «О национализации запасов книг и иных печатных произведений» (1920 г.) [260, с. 280-281]. На основании этих законопроектов функционировали культурно-просветительские учреждения. Вся их литература становилась национальным достоянием граждан. За этим последовало усиление идеологической направленности работы данных организаций, что потребовало сделать их общедоступными, а для регулирования деятельности указанных учреждений произошел их учет и «открытие новых библиотек без регистрации не допускалось» [226, д. 226, л. 4].

Полученные в результате национализации материалы для проведения массово-просветительской работы государством вынудили правительство принять экстренные меры по организации хранения, обработки и

распределения указанного ресурса по учреждениям в стране. В связи с этим просветительские центры передавались в ведение народного комитета просвещения [133]. Вследствие неэффективного управления разрозненной и неравномерно размещенной сети этих учреждений СНК принял ряд постановлений, например, декрет в 1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР» [256, с. 4]. На основании принятых законопроектов подтверждалось, что все данные заведения являлись общедоступными. Создание базовых принципов их функционирования потребовало организовать единую межведомственную комиссию.

Для усиления идеологической работы с гражданами в начале 1920-х гг. правительство создало разные формы деятельности культурно-просветительских учреждений. В связи с этим возникли избы-читальни, красные уголки, передвижные агитационные поезда и пароходы, клубы. Кроме этого, они выполняли образовательную функцию – «... произвести учет всех неграмотных, малограмотных и высоко-грамотных членов профсоюзов и предоставить списки комиссии по ликвидации безграмотности ...» [289, л. 132]. То есть они активно взаимодействовали с учебными центрами Симбирской губернии по причине ликвидации безграмотности среди населения.

В дальнейшем органы власти в регионе реорганизовывали деятельность культурно-просветительских учреждений. Произошло распределение читальных центров по просветительским заведениям. Об этом свидетельствуют архивные документы Ульяновской области. В Алатырском уезде «на 26 октября 1921 года количество библиотек повышенного типа, переданных в школьные советы, составило 16 штук. Количество библиотек, переданных в коллективы служащих, – 9 штук. Закрыто 39 библиотек» [265, л. 28]. В процессе передачи изымались устаревшие книги: «изъятие устаревшей литературы из библиотек на складах Дворца Книги составило 250 пудов бумаги» [296, л. 38], многие организации закрывались на ремонт

[299, л. 84]. Таким образом, к началу 1920-х гг. нормализовалась деятельность изб-читален и библиотек в крае.

Для понимания администрациями общественных организаций своих функций ГубОНО Симбирской губернии издавал местные распоряжения. Так, в 1921 г. была принята «резолюция по библиотечному делу». Данное постановление местной власти не противоречило вышеуказанному декрету от 1920 г. По указанной резолюции регулировалась деятельность книжных передвижек. Допускалось даже определенное количество свободной литературы в библиотеках. Итак, для дальнейшего развития культурно-просветительской деятельности заведений ГубОНО произвел учет всех читальных центров, выяснил территориальное расположение их в крае и начал в сельской местности налаживать передвижную книжную работу.

В дальнейшем последовало обследование деятельности читальных организаций Симбирской губернии. Выяснилось, что в сельской местности эти учреждения представлены не повсеместно, из-за чего сложилась неудовлетворительная просветительская работа в деревне, передвижки не могли полностью удовлетворить духовные потребности крестьян. Сложившаяся обстановка в провинции была характерна для всех регионов страны. По указанной причине был организован I Всероссийский съезд библиотечных работников в 1920 г. Во время съезда было принято решение, по которому данные заведения теперь являлись центром политического просвещения населения [121, с. 306], поэтому усиливалось их финансирование.

На проведение культурно-просветительской работы в губернии в начале 1920-х гг. влиял экономический кризис в стране. Например, по этой причине возникла нехватка в бумаге. Поэтому прекращалось расклеивание периодики на улице, и после ознакомления жителей с ней она направлялась в сельские читальные центры. Ведь данным заведениям, работающим ежедневно, предписывалось иметь в наличии прессу и художественные произведения, которые раскрывали идеи социалистического строительства в

государстве. «Ввиду недостатка бумаги ... прочитанные газеты могут перенаправляться в деревни. ... Каждая читальня должна иметь местные и центральные газеты, ежедневную литературу, ровно, как и книги, связанные с советским строительством. Читальня должна быть открыта с 11 часов утра до 11 часов вечера ...» [268, л. 3]. Кроме этого центрами распространения просветительской литературы в губернии являлись учреждения почтово-телеграфного ведомства. Работа местных органов власти свидетельствует о том, что предпринимались быстрые меры для преодоления кризисных тенденций развития указанных учреждений.

С 1922 г. персонал просветительских центров стал получать методологическую литературу по культурному строительству. Наряду с конкретными методическими материалами, в книжном фонде учреждений имелись рекомендации по организации культурно-массовой работы (А. Бокленд, Фр. Фрёбель, Н. Альмедичен, Ф. Ольконт, Г. Кершенштейнер, В. Балтолон и Ж.Е. Егo⁶) [274, л. 46]. В частности, ученый Ф. Фрёбель являлся создателем первой системы дошкольного воспитания, а Георг Кершенштейнер в своей книге «Понятие трудовой школы» определил способ построения педагогического мышления в XX в. Таким образом, систематизировалась просветительская работа учреждений с населением, особенно с детским.

Произведенные изменения позволили указанным учреждениям Симбирской губернии постепенно встраиваться в программу проведения государственных празднеств. «Необходимо ставить доклады, лекции, вечера вопросов и ответов, ... вести подготовительные встречи через беседы, соответствующие той или иной компании» [322, л. 9]. Во время праздничных торжеств, например, в сельских библиотеках устраивались выставки произведений советской литературы, ориентированные на ознакомление ... с советской литературой. «Заинтересовать население читать литературу путем выставок книг, вывешивания рекомендационного листка произведений,

⁶ Видимо псевдоним ученого

составить каталог книг» [322, л. 9 об]. Тем самым изменялось представление крестьян о построении мироустройстве.

Видя положительный результат от произведенных изменений, в 1923 г. появилась инструкция по осуществлению просветительской работы среди детей, например, реорганизовывалась работа детских библиотек. Вся их деятельность стала осуществляться в тесном взаимодействии с общественными организациями губернии. Увеличилось качество проведения разнообразных массово-культурных мероприятий. При их подготовке участвовали как взрослые, так и дети. Сами ребята не ощущали на себе никакого психологического давления извне. При этом всячески поощрялся интерес ребенка к книге. Поэтому активистам детского коллектора города Симбирска «под ответственность товарищей Юрчук и Ермоловой (видимо, работников этого заведения) выдавалась литература из книжного фонда “Дворец Книг”» [299, л. 33].

Реорганизация просветительской работы в губернии потребовала иметь в достаточном количестве, например, библиотечных центров не только для русского населения, но и для коренных народов губернии. В 1923 г. в Симбирской губернии существовало «изб-читален – 53, сельских библиотек – 106, библиотечных центров – 10, клубов партийных – 3, музеев – 3 ... национальных изб-читален: мордва – 24, чуваш – 14, татар – 7, латыши – 2, малороссы – 1 и эстонский линпункт» [238, д. 399, л. 46, 54]. Количество библиотечных и культурных заведений постепенно увеличивалось. Так, уже на «начало 1924 г. в губернии имелось: музеев – 3: естественноисторический, художественный, имени Ленина; библиотек в городе – 22, клубов – 17, партийных профессиональных клубов – 9, клубов “красный милиционер” – 2» [2729, л.82]. Уже в 1925 г. в Ульяновской губернии насчитывалось «музеев – 4, клубов для взрослых – 6, театров – 4, кино – 4, домов крестьянина – 5, библиотек-передвижек – 51, изб-читален – 154, библиотек уездных – 94» [272, л. 39]. Анализ архивных документов подтверждает, что произошел рост количества читальных и других просветительских заведений.

Если в 1923 г. действовало приблизительно 218 подобных учреждений, то в 1925 г. – 299 (подсчитано нами).

Даже в неблагоприятной социально-экономической обстановке, вызванной последствиями гражданской войны, в Симбирской губернии в первой половине 1920-х гг. происходило изучение читательского спроса, в том числе и детского. В 1924 г. сотрудники Центральной городской детской библиотеки подготовили ежегодный отчет о проделанной работе [299, л. 1-7 об]. Анализ документа свидетельствует, что большим спросом среди детей из 9602 экземпляров книжного фонда пользовались народные сказки, легенды, былины, исследования в географических, исторических и технических науках, энциклопедии, художественная классика, сатирические произведения и фантастика. Из этого следует, что усваивались и традиционные, и социалистические ценности детьми, которые активно посещали данное заведение. В среднем в месяц количество посетителей его составляло 18390 ребят. Персонал учреждения проводил изучение читательского интереса детей, в том числе и в зависимости от возраста. Так, выяснилось, что детвора с 7 до 12 лет интересуется сказками, фантастикой, рассказами о животных с хорошими иллюстрациями. Подростки начинали читать исторические произведения, книги, посвященные географическим исследованиям, а также художественную классику. Особым вниманием пользовалась советская литература, где главный герой – подросток. Видимо, они в нем видели себя. Таким образом, указанная информация свидетельствует о поступательном психологическом развитии детского населения региона.

Персонал Центральной городской детской библиотеки активно участвовал в развитии культурной жизни населения. Большой популярностью пользовались литературные мероприятия, например, вечера, посвященные А. С. Пушкину. В программе его проведения «кроме бесед и выставок, был ... литературный вечер, поставленный самими читателями» [275, л. 20]. Дополнительно персонал заведения организовал кружок друзей

библиотечного дела, а также действовала библиотечная и литературно-драматическая секция при организации. В течение года библиотекари проводили художественные выставки и литературно-драматические постановки вместе с детьми. Итак, анализ архивного документа подтверждает, что работники данной детской библиотеки встраивались в процесс общекультурного строительства Симбирской губернии.

Другое библиотечное учреждение губернии – Дворец Книг – имел фонд численностью 200000 томов. Однако и он испытывал материальные трудности в своей работе. «Не хватает помещений для читальных залов. Необходимо открыть абонемент для обслуживания окраин» [289, л. 12], то есть при ежедневном посещении 700 человек не все желающие могли побывать в этом читальном заведении. Для преодоления сложившейся проблемы с 1925 г. Коминтерн направлял в избы-читальни и библиотеки художественные произведения, что способствовало привлечению посетителей в районные читательские центры. Ведь жители имели желание просвещаться путем чтения книг.

Перед НЭПом губисполком проверил деятельность культурно-просветительских учреждений. Им было установлено, что принятые меры недостаточно улучшили ситуацию в области просвещения населения. Прежде всего, это было связано с нехваткой кадров, особенно в уездных библиотеках, где работало от одного, редко три-четыре сотрудника. В удаленных поселениях губернии эти заведения и вовсе отсутствовали. Для решения этой проблемы Коминтерн создал 13 передвижек по Ульяновску и 10 – по региону и направил туда дополнительно 1675 произведений [294, л. 81], что позволило улучшить качество работы просветительских центров.

В дальнейшем на персонал изб-читален возлагалось все больше обязанностей. Для исполнения новых функций устраивались курсы по переподготовке сотрудников этих учреждений, попутно выявляя среди них активистов для последующего вовлечения их в просветительскую деятельность. Примером усложнения функционирования библиотечных

центров является открытие при них кружка «Друзья Книги» для изучения культурных предпочтений посетителей [316, л. 1-3]. На основе этого изменялась передвижная работа просветительских заведений.

С 1925 г. губернские читальни пересмотрели работу с уличными стенгазетами. По причине того, что они портились хулиганами, большее количество периодики стало направляться в уездные библиотеки [268, л. 10]. В этом же году сеть клубных центров рабочих начала охватывать все крупные поселения региона. Тому доказательством является её представленность в г. Ульяновске. Распространение получили клубы строителей, что свидетельствует о масштабных ремонтных работах в городе. Всего в этом году в городе действовало девять клубных учреждений, при которых функционировали разнообразные объединения, например, как: драматическое, политическое, профессиональное, спортивное, безбожника и другие, шестнадцать союзных объединений и двадцать пять красных уголков. [313, л. 1-2] (смотри приложение № 3).

На протяжении всего десятилетия должностные лица проводили обследование деятельности клубов в Ульяновске и других поселениях губернии. Общая проблема, которая их объединяла, это недостаточное финансирование их, что не позволяло даже приобретать товары первой необходимой помощи. «Клуб имени Ильича ... необходим для отдыха рабочих, поэтому просим оказать помощь в материальном оборудовании» [295, л. 12]. Из-за недофинансирования нельзя было систематизировать проведение ими культурно-просветительских мероприятий. К тому же персонал клубных объединений не имел методологических рекомендаций для выполнения своих обязанностей. Например, в Ульяновске отсутствовало лицо, которое бы регулировало их работу. Помощь исходила только от ГорКома ВКП (б), городская интеллигенция показывала свое равнодушие к клубной жизни города [294, л. 83]. Таким образом, просветительская деятельность организаций происходила анархично, следовательно, достигнуть определенных положительных результатов являлось

проблематично. Поэтому происходило укрепление подобных заведений путем объединения их – «слияние клубов “Красного милиционера” с клубом “Дзержинский”» [290, л. 4].

В дальнейшем для лучшего понимания развития клубов в г. Ульяновске служащие ГорОНО обследовали деятельность ведущих городских клубных организаций: Клуб «1-мая» патронного завода им. Володарского [313, л. 6-16], рабочий клуб железнодорожников им. Ильича при станции Ульяновск [313, л. 23] и межсоюзный рабочий клуб железнодорожников им. В. И. Ленина [313, л. 24].

Проверяющими были выявлены следующие проблемы: не хватало финансов, помещений и оборудования для построения просветительской работы персоналом клубов. Администрация учреждений проявила пассивное участие в процессе формирования культурной жизни города. По указанной причине деятельность кружков при клубах не могла заинтересовать горожан. Жители в основном посещали только постановки театральных и музыкальных объединений при клубах («Нечистая сила», «Пять дней Л.Н. Толстого», «Нужная бумага», «Курдюмова», «Один из многих», «Бедный Федя», «Теща – дом вверх дном», «Гроза касатка» и другие), которые являлись в основном платными. Популярностью также у рабочих пользовалось посещение спортзалов, читальных центров клубных заведений. Для постоянных посетителей устраивались спортивные представления и книжные выставки. В избах-читальнях происходило знакомство с творчеством В.В. Маяковского и других представителей пролетарской литературы. Таким образом, просветительская работа учреждений основывалась исключительно на инициативности их сотрудников. Свободный вход устраивался в период праздников. «... Массовая бесплатная работа проводится ... клубами лишь в дни компаний и революционных праздников, а так в основном проводятся платные киносеансы, изредка концерты и спектакли» [313, л. 41]. Во время торжеств зачитывались лекции, например, «Декабристы и 1905 год», «Изучай октябрь», «Сифилис», «Брак,

семья и опека», «Химия», «Оборона» и другие. Смысловая нагрузка их была направлена на изменение сознания и воспитание патриотизма граждан.

После ревизионных проверок в главных клубных заведениях г. Ульяновска был произведен ряд изменений их работы [313, л. 39]:

1. Большой недостаток обследованных клубов ... заключался в недостаточности помещений, плохом оборудовании, неуютности. В первую очередь устранялись «осараивание» и «обалаганивание» зданий учреждений. Холод, грязь, бледная окраска стен произвели на комиссию впечатление «настоящего балагана». Поэтому летом были отремонтированы клубные учреждения.

2. Произошла оптимизация расходов поступающих финансовых средств, что позволяло увеличить количество бесплатных постановок культурными учреждениями. Указанный факт подтверждает расширение массово-просветительской работы этих заведений.

3. Массово-просветительская работа учреждений направлялась на увеличение членства организации. Управления заведений придерживались следующего возрастного соотношения участников клубов: людей молодого возраста 30%, среднего – 40% и пожилого – 30%. Данное соотношение подтверждает, что работа заведений была нацелена на изменение сознания в первую очередь взрослого населения губернии.

Принятые меры заложили фундамент культурно-просветительского строительства в Ульяновске в дальнейшем, что позволило развивать новые культурные мероприятия: «рабочие семейные вечеринки, вечера вопросов и ответов, игры, вечера самодеятельности и экскурсии» [313, л. 43].

В дальнейшем проверке подверглась работа клубных учреждений в губернии, что свидетельствует о значимости этих заведений в проведении культурно-просветительской политики в стране и её регионах. Так, после октябрьских торжеств был обследован Гурьевский район Ульяновской губернии (сейчас Барышский район Ульяновской области), а именно клуб при Старо-timoшкинской суконной фабрике им. Интернационала, клуб при

Гурьевской текстильной фабрике им. Гладышева, клуб «Октябрьской революции» при Измайловской суконной фабрике им. Свердлова и клуб им. Ленина при писчебумажной фабрике им. Воровского, дабы лучше изучить ситуацию в заведениях. Проверяющим являлся Е.М. Виноградов – сотрудник губисполкома [313, л. 45-73]. На основе собранной информации о деятельности данных организаций он подготовил отчет.

В архивном документе указано, что клубы действовали в районе течение 5-6 лет. Однако их работа не была систематизирована. Администрация учреждений являлась неподготовленной для выполнения своих обязанностей. Например, директором учреждения при Старотимошкинской суконной фабрике им. Интернационала являлся В.Д. Харитонов. Он прошел краткосрочные двухнедельные подготовительные курсы при ВЛКСМ, что не давало в полной мере теоретических знаний и практических навыков для организации планового проведения мероприятий.

Учреждения располагались на территории фабрик в каменных зданиях. Каждый клуб имел собственный зал, где проходили музыкальные и театральные выступления. При заведениях действовали следующие объединения: антирелигиозное, кино, молодежное, музыкальное, партийное, производственное, просветительское, рабкоровское, спортивное, театральное, читательское и другие. Под каждое выделялось отдельное помещение. Только спортивные кружки арендовали спортзалы. Однако техническое состояние этих комнат являлось неудовлетворительным. Для дальнейшего развития указанных организаций требовалось провести ремонт всех зданий и оснастить их необходимой фурнитурой.

Просветительская работа клубов проверяющим лицом признавалась неудовлетворительной. Активно действовали только кино, музыкальные и театральные кружки. В их репертуарах доминировали платные постановки. Только во время государственных праздников устраивался свободный вход, то есть празднования становились периодом массового проведения

культурно-просветительской работы, когда мероприятия были доступны для каждого человека. Во время их проведения показывали следующие постановки: «Враги», «Великий коммунар», «Гаудеамус», «Из искры пламя», «Котловина», «Над смертью», «Новый день», «По двум дорогам», «Салма пионер», «Черные вороны», «Шахта 32» и др. Остальным кружкам удалось только провести публичные лекции, например, «Об итогах советской власти за 8 лет и о перспективах мирового Октября», «8 лет Октября», «Ленин и Октябрь» и др., и литературные вечера, в организации которых помогали районные библиотеки и избы-читальни. На них зачитывались произведения советской литературы, в частности, стихотворение неизвестного автора «Слушай ...», вероятнее всего, им являлся В.В. Маяковский.

Наилучшим учреждением признавался клуб при Гурьевской текстильной фабрике им. Гладышева. При нем действовали все вышеприведенные кружки, особенно активно спортивный, музыкальный и театральный. Они регулярно проводили выступления и постановки в подшефной деревне. Книжный фонд клубной библиотеки учитывал интересы местных жителей, имелась литература на татарском языке. В читальном центре имелась советская периодика: «Комсомольская правда», «Рабочая газета», «Пролетарский путь», «Кооператив», «Торговая промышленная газета», «Бегемот», «Рабочий бумажник», «Красная нива», «Сажные строители», «Смена», «Атеист» и др. Для выяснения культурных предпочтений рабочих функционировало «Бюро», где директор заведения лично беседовал с сотрудниками фабрики по данной теме.

Таким образом, в районах губернии проведение культурно-просветительской работы учреждениями мало чем отличалось от Ульяновска. Были все те же проблемы, например, недофинансирование. Однако нехватка материальных средств ощущалась ими сильнее, чем в указанном городе. Все же документ доказывает, что организация их деятельности напрямую зависела от инициативы администрации заведений. Ведь клуб при фабрике им. Гладышева в нестабильных социально-

экономических условиях смог активно участвовать в развитии культурной жизни местного населения.

Для устранения трудностей в деятельности клубов региональной властью был принят общий план проведения политико-просветительской работы на 1926 г. Архивный документ разделен на две части. В первой предлагались рекомендации для улучшения развития клубной сети в Ульяновской губернии, а во второй – разъяснения, как выстроить взаимодействие между кружками и красными уголками с населением.

«1. Массовая разъяснительная работа должна содержать следующие направления: а) пути социалистического строительства; б) индустриальные темы; в) меры экономии; г) борьба с бюрократизмом; д) снижение цены; е) кооперация; ж) профсоюзы; з) борьба с хулиганством; и) правовая пропаганда; к) рационализация быта; л) военная пропаганда; м) международное положение.

2. Вовлечение в самостоятельную работу клубов, красных уголков и библиотек партийцев, комсомольцев и членов союзов.

3. Союз с крестьянством.

4. Уточнить организационное взаимоотношение между ГПП и Культотделов ГСПС.

5. Постановка руководства и инструктирования со стороны ГПП работой клубов и библиотек» [313, л. 89].

Анализ первой части плана подтверждает, что региональная власть планировала в следующем году систематизировать работу общественных организаций путем изменения её идеологической составной части. Сотрудники организации, после проверки, стали подготавливать на основе собственной самостоятельности мероприятия для видоизменения сознания граждан, особенно в сельской местности. На сходах крестьян и рабочих культработники раскрывали смысл сельскохозяйственной политики правительства. Поэтому за каждым клубом закреплялась подшефная деревня, в которой его персонал проводил досуговые и просветительские зрелища.

Таким образом, реализация предлагаемых рекомендаций местными должностными лицами, по их мнению, должна была способствовать развитию клубной сети в Ульяновской губернии.

Во второй части плана настоятельно предлагалось « всю массовую разъяснительную работу ГПП проводить через клубные организации: клубы, красные уголки и библиотеки. В связи с этим содержание и методы клубной работы должны быть изменены самым коренным образом. В основу содержания клубной работы должны лечь вопросы местного советского, кооперативного, хозяйственного и профессионального строительства. Кроме того, содержание работы клуба должно быть изменено в сторону насыщения повседневными интересами и запросами, которыми живет взрослый рабочий на предприятии: вопросы зарплаты и внутреннего распорядка на предприятиях, артели и т. д. должны найти отражение в клубе и красных уголках» [313, л. 89].

Таким образом, в культурно-просветительской работе учреждений значимая роль отводилась библиотекам, на их персонал возлагалась обязанность раскрывать смысл социалистического строительства общества. Этот процесс происходил через проведение общественных мероприятий на темы политического, кооперативного, хозяйственного и профессионального развития социума, но при этом сотрудникам заведений рекомендовалось не забывать об удовлетворении культурных потребностей местного населения.

Для развития творчества персонала клубных учреждений был организован «Единый Художественный Кружок». Он создавал выдержанный репертуар постановок для театральных и музыкальных кружков, а также для показа киноцентрами подбирал советские фильмы в период проведения государственных праздников. В остальное время работа этих объединений строилась на самодеятельности их участников [313, л. 90]. Это позволило повысить количество бесплатных зрелищ, то есть культурно-массовые мероприятия становились более доступными для граждан.

Изучение архивных документов доказывает, что с 1926 г. стала изменяться деятельность культурно-просветительских учреждений. На это повлияла трансформация государственной политики. Теперь проводимые ими мероприятия объясняли значение кооперации для общества. Например, избы-читальни, библиотеки и красные уголки раскрывали функционирование «кооперации как потребительской, так и сельскохозяйственной в виде диаграмм, таблиц, чертежей, граф и прочее. Особенно должны быть освещены вопросы сельскохозяйственного кооперирования населения» [301, л. 28]. В работе заведений начинали использоваться новые методы её реализации, что позволяло гражданам понять значение кооперации. Для усвоения данной темы гражданами являлось необходимостью открывать новые просветительские центры в каждом поселении. Например, в Ульяновске количество взрослых библиотек возросло до двадцати шести [315, л. 8].

Для выполнения возложенных на них новых функций в просветительские учреждения направляли советскую литературу, например, как, «Ленин “О кооперации”, постановление 14 съезда партии, постановление о кооперации пленума ЦИК, Освенский “О гражданской бедноте”, Мехин “Три вопроса, на кого ставка: сапог и лапоть”» [301, л. 37], что использовалось в процессе проведения общественных мероприятий. В основном полученный материал раскрывал новые методы построения сельского хозяйства страны. Поэтому увеличивалась численность библиотечных центров в деревне.

В дальнейшем ГорОНО Ульяновска для понимания, как изменилась культурно-просветительская работа заведений, приступил к их проверке. Сначала обследовались библиотека при клубе Фрунзе, центрально-городская библиотека для татар и Куликовская читальня при пионерском клубе, затем все остальные. Из трех обследованных учреждений только сотрудники первого осуществляли в достаточном объеме просветительскую деятельность, но они не взаимодействовали с агитационным отделом

губисполкома. Организация имела все необходимые художественные произведения, хороший читальный зал и в достаточном количестве сотрудников для успешного своего функционирования, организовывала книжные передвижки для окраин города. «Что касается Куликовской и Татарской библиотек дело обстоит плохо, пополнение слабое, состав книг не отвечает запросам читателей, в бюджетах этих библиотек нет совершенно никаких ассигнаций. Основой политической просветительской работы является деятельность ... 2-ой библиотеки в клубе Фрунзе. Всего библиотеки охватили 19,5 тысяч человек. Из них 30% дети и 70% взрослые или же 43% учащихся, 39% служащих, 13% рабочих, 5% прочих. Удачная форма работы с книгой – передвижная работа» [316, л. 20].

О неудовлетворительной работе Куликовской читальни также свидетельствует «план намеченных мероприятий на март – апрель 1926 г.» [317, л. 4]. Список событий являлся сухим и непродуманным. Мероприятия повторялись из недели в неделю, новизна отсутствовала. Даже доклады читали одни и те же лица на схожие темы. Существовали только два кружка: политический и театральный. Однако библиотекари организовали взаимодействие с домохозяйками поселка Куликовка, что позволило проводить совместные мероприятия по развитию их духовного уровня. О данном факте свидетельствует «план работ среди женщин-домохозяек в поселке Куликовке на июль – август 1926 г.» [317, л. 6].

Таким образом, персонал культурно-просветительских учреждений обладал ресурсами для проведения успешной агитационной работы в обществе, если что-то не хватало, то губернская власть всегда могла оказать им помощь. Нужно было только им проявить инициативу в этом. Однако сложившиеся трудности свидетельствуют, что их работники плохо понимали, как надо исполнять свои обязанности, что потребовало произвести переподготовку работников заведений и увеличить их штат. Только тогда можно было достичь положительных результатов от проведения общественно-массовых мероприятий.

О том, что органы власти Ульяновской губернии были заинтересованы в развитии культурно-просветительской работы организаций, доказывают нам сведения из архивных источников, в которых выявлены произошедшие положительные изменения в деятельности школьных библиотек. Раньше они не имели собственного руководства. Из-за этого сложилось анархичное выполнение ими своих обязанностей. Теперь же местная власть организовала секцию для этих учреждений, что позволило улучшить уровень просвещения учащихся всех возрастов [316, л. 21].

Таким образом, начиная с 1926 г., отраслевые изменения культурной политики государства стали затрагивать смысловую нагрузку мероприятий, проводимых культурно-просветительскими учреждениями. Указанный процесс проходил поступательно, об этом свидетельствуют архивные источники по кооперативной работе читальных центров. Создавались книжные уголки и кружки при крупных предприятиях, но опять же, из-за неподготовленности их персонала, они не освещали все требуемые социально-культурные темы [301, л. 4]. По этой же причине не выполнялся поставленный план работ перед сотрудниками «Дворец Книги». На создание данной социокультурной обстановки в регионе повлияло отсутствие взаимодействия между просветительскими учреждениями. Поэтому библиотечные заведения к концу года начали взаимодействовать с политпросветами и другими просветительскими организациями, что положительно отразилось на культурном строительстве села. Об этом доказывает разосланный циркуляр губполитпросвета культурно-просветительским учреждениям, где указывались общие духовные потребности «пролетарской деревни» [301, л. 6], то есть были представлены первостепенные задачи, которые культработникам необходимо было решить в сельской местности.

Дальнейшая централизация культурной политики государства затронула работу политпросветов. Создавался более строгий книжный фонд, из-за этого приказывалось сотрудникам читальных центров произвести

анализ имеющейся литературы. За этим последовало изъятие произведений, авторы которых обвинялись в нелояльности к политическому курсу советского правительства.

«Главполитпросвет сообщает следующий список книг, ... подлежащий к изъятию из библиотек, как устаревших и не дающих правильной установки:

1. Н.Я. Никулихи «О бедняке, середняке и кулаке»,
2. А. Зайцев «Важное решение партии в крестьянском вопросе»,
3. Казанцев «Союз рабочих и крестьян».

Изъятию как искажающие линию партии и идеологически не выдержанные книги:

1. Ф. Шипулинский «Политическая азбука крестьянства»,
2. Ф. Шипулинский «Коммунисты и крестьяне».

Изъять как совершенно безграмотные в научном отношении и могущие повлечь даже физически вредные последствия для детей и молодежи

1. Лебедев, Симонов «Пионер химик в самодельной лаборатории»

Из книг по антирелигиозной литературе подлежат изъятию, как содержащие грубые ошибки и дающие неправильное освещение вопросов:

1. Ветков «Религия и наука»,
2. Митков «Создание и разрушение Богов».

В дальнейшем главполитпросвет будет сообщать дополнительные списки, подлежащие к изъятию»⁷ [316, л. 9].

Преобладающим процентом от изъятой литературы являлись книги об организации сельского хозяйства. Данный факт доказывает, что с 1926 г. в губернии изменилась политика в отношении крестьян. Об изменении процесса развития деревни подтверждают новые тезисы построения агитационной работы учреждений. В сознании сельчан правительство строило через проведение общественно-массовых мероприятий образ

⁷ Из-за повреждения архивного документа не все инициалы авторов сохранились

советской власти как защитницы села. Поэтому в волостных центрах создавались союзы сельскохозяйственных и лесных рабочих, которые защищали интересы жителей деревни и помогали поменять им способ построения сельскохозяйственного производства [301, л. 7].

Доминирование крестьянского вопроса в культурно-просветительской работе заведений не означало, что освещение других тем не происходило. На протяжении всего десятилетия учреждения проводили военизацию в обществе, смысловая нагрузка которой была выдержана. «За рубежом СССР идет лихорадочное вооружение. Обгоняя друг друга, капиталистические страны увеличивают свой воздушный и морской флот. Строятся все новые и новые козни против нашего Союза. В разъяснительной пропагандистской воинской работе большую роль могут сыграть библиотеки, так как они обладают таким мощным оружием, как книга и газета. Но библиотеки нашей губернии к этой работе приступают чрезвычайно слабо. Опыта в этой отрасли работы чрезвычайно мало, и поэтому мы решили дать характеристику того, как в библиотеке должна быть поставлена военная пропаганда» [316, л. 18].

Тем самым правительство через военизацию в социуме популяризовало значение вооруженных сил РККА для социума. Оно показывало, какие проблемы существовали в армии, и вместе с гражданами решало их. Например, улучшалась оснащенность армейских подразделений страны. Главными центрами, которые осуществляли военизацию в обществе среди взрослого населения страны, являлись военные кружки при культурно-просветительских организациях.

С 1927/28 г. уже каждый читальный центр имел в доступном обращении рекомендуемый список исторической, военной литературы. Это связано было с активным началом воспитания патриотизма у молодежи. Полученные книги «правильно» раскрывали историю гражданской войны и Красной Армии. Молодое же поколение имело четкое представление о службе военнослужащих. По этой причине при учреждении функционировал

военный кружок. В своей деятельности он руководствовался докладами комиссаров РККА [316, л. 19].

В 1927 г. началось решение проблемы координации деятельности культурно-просветительских учреждений. Об этом свидетельствует «план работ по городу, библиотечное дело» на тот год. Теперь одним из региональных центров культурно-просветительской работы являлся «Дворец Книги» [315, л. 5]. Поэтому для исполнения новых функций здание этого учреждения подверглось капитальному ремонту [304, л. 248]. Для вовлечения в просветительскую работу граждан продолжалось увеличение количества книжных передвижек [316, л. 1]. Все книжные фонды заведений пополнялись новой литературой, особенно детской, для вовлечения беспризорников в жизнь общества.

С 1928 г. мероприятия культурно-просветительского характера становились более доступными для населения. Например, кинокружки увеличивали количество показов советских фильмов. Развивались сельские избы-читальни и книжные объединения в процессе взаимодействия с региональными культурными учреждениями, что выражалось, к примеру, созданием национальной литературной секции. Она направляла в заведения новые книжные издания, устраивала выставки народных художественных произведений. О доступности массово-просветительских мероприятий для общества свидетельствует способ использования радиоустановки, через неё транслировались идеологически выдержанные передачи для формирования социалистического сознания у рабочих, на которые также приходили беспризорники [313, л. 90]. Таким образом, в конце 1920-х гг. органы власти стали уделять внимание формированию этнической идентичности в рамках идеологии правящей партии и изменению социального положения граждан.

Архивные источники свидетельствуют, что с конца десятилетия кардинально изменялась деятельность клубных заведений Ульяновской губернии [313, л. 95]. Их работа начинала отвечать на культурные запросы местного населения. Ведь в функционировании кружков напрямую

участвовали граждане [330]. Поэтому жители стали жертвовать собственные сбережения на ремонт помещений подобных предприятий [344]. Следовательно, можно утверждать, что сложился диалог культур в государстве, его регионах.

Во время изучения архивных дел конца 1920-х гг. выявлено, что создание кружков «Друзья Книги» уже произошло во многих клубах. Стабильно действовало взаимодействие между разнообразными культурными заведениями в процессе проведения просветительских мероприятий во время государственных празднеств. Об этом свидетельствует отчет от 1928 г. о деятельности избы-читальни в селе Куликовке. Выявлены конкретные изменения, произошедшие с 1926 г. Итак, должностные лица установили, что при этом учреждении функционировали следующие кружки: спортивный, военный, рукоделия и «Друзья Книги», а также политическая школа, кооперативный уголок, справочно-юридический стол. Постоянные его посетители смогли финансировать строительство игровой площадки для детворы. Восстанавливалась просветительская работа «среди отрядов пионеров» [322, л. 8]. Подобные изменения происходили во всех подобных организациях в регионе, где их персонал проявлял активность в строительстве культурной жизни населения, то есть постепенно предпринятые действия по улучшению культурно-просветительской деятельности стали приносить успех.

Все изменения позволили, начиная с 1929 г., в Ульяновском округе открывать культурно-просветительские учреждения нового образца. Они были рассчитаны как минимум на разовое посещение в количестве пятисот человек. Чтобы увлечь людей в процесс культурно-просветительского строительства региона, необходимо было провести ряд познавательных мероприятий, что позволило расширить выпуск периодики. Создавались новые кружки: авиационной техники, огородно-полевые, зоотехники, военных знаний, текущей политики и музыкальные. Это означало, что происходила подготовка персонала для указанных объединений. Для

бригадиров организовывались теоретические занятия по общеобразовательным предметам [80]. Таким образом, можно утверждать, что клубная деятельность в Симбирской (Ульяновской) губернии перешла на новый уровень развития, чего не наблюдалось раньше.

Однако в деятельности читальных центров существовал ряд проблем, с которыми не удавалось справиться. На них указывали государственные деятели страны. Поэтому они приняли постановление ЦК ВКП (б) «Об улучшении библиотечной работы» от 30 октября 1929 г., по которому в стране в начале 1930-х гг. произойдет полномасштабная трансформация деятельности библиотек и изб-читален [85, с. 91].

О начале нового этапа организации деятельности культурно-просветительских центров свидетельствует проведенная конференция колхозников 24 декабря 1929 г. в селе Загудаевка Ульяновского района. На собрании был подведен итог деятельности библиотек и изб-читален за десять лет и озвучена поставленная местной исполнительной властью главная задача перед всеми досуговыми и просветительскими организациями – стереть культурные различия города и села. Поэтому в каждом поселении создавался прочный колхозный актив [80]. Он содействовал развитию этих центров: открылись тридцать новых заведений, и функционировало сорок восемь подобных учреждений в этом районе. Главная их задача – создать условия для планомерного проведения культурной политики государством.

Последовательный анализ культурно-просветительской работы в Симбирской (Ульяновской) губернии позволил установить, что проводимые учреждениями мероприятия освещали многие направления политики правительства. Содержание культмероприятий по просвещению населения менялось на протяжении всех 20-х гг., но военно-патриотическое воспитание и преодоление неграмотности гражданина обычно всегда присутствовали в организации многих массовых зрелищ.

Итак, в первой половине десятилетия деятельность культработников была направлена на создание доминантного положения в политической

жизни населения для идеологии партии большевиков. Общество постепенно становилось социалистически центричным, то есть происходило объединение социума вокруг одной политической организации. С частичным достижением поставленной правительством задачи общественные учреждения приступили к поднятию экономического и культурного уровня человека. Персонал просветительских организаций пропагандировал среди посетителей важность для людей преодолевать свою малограмотность для успешного формирования собственной жизнедеятельности. В конце 20-х гг. XX в. культработники осуществляли социалистическое строительство социума, развитие национального творчества, изменение быта граждан и духовных ценностей личности. То есть культурно-просветительские центры были задействованы в процессе трансформации социокультурного пространства для человека.

Перед проведением культурно-просветительской работы заведениями советское правительство создало правовую базу функционирования для них, что позволяло открывать разные виды учреждений. Например, в Симбирской (Ульяновской) губернии действовали библиотеки, избы-читальни, национальные избы-читальни, книжные передвижки, сельские читальные центры, клубы с кружками, красные уголки, передвижные агитационные поезда, передвижные агитационные пароходы и др. Однако в первой половине 1920-х гг. заведения не могли регулярно организовывать массовые мероприятия на всей территории региона по причине недофинансирования их государством. Поэтому происходило изучение, в каких населенных пунктах не происходила просветительская деятельность организаций, после чего в крупных поселениях открывались новые культурные учреждения, а в удаленных деревнях стали действовать передвижки. Таким образом, в начале десятилетия край был охвачен культурно-просветительской работой для распространения авторитета партии большевиков с целью контролировать политическую волю общества.

Однако в первые годы советской власти деятельность культурных учреждений осложнялась неблагоприятной политической, социальной и экономической обстановкой в стране и её регионах. Данное обстоятельство вынуждало советское правительство увеличить поступление денежных дотаций на функционирование культурно-просветительских организаций, однако из-за экономического кризиса указанное финансирование происходило в неполном объеме. Вследствие этого произошла реорганизация работы культурных учреждений, из-за чего массовые культурно-просветительские мероприятия устраивались в основном в период Октябрьских торжеств. В таких условиях заинтересовать гражданина улучшить свой культурный уровень являлось фактически невозможным.

Только с середины 1920-х гг. ситуация в области просвещения в Симбирско-Ульяновском Поволжье изменилась к лучшему из-за подъема экономики страны. Однако работа культурно-просветительских заведений финансировалась по остаточному принципу, вследствие чего она основывалась на инициативности культработников. В Ульяновске – это персонал учреждения «Дворец Книг» и центральной детской библиотеки, в Гурьевском районе губернии – сотрудники клуба при фабрике им. Гладышева. Их работники изучали интересы посетителей и при использовании полученных методологических рекомендаций подготавливали программу обыденных мероприятий. В других подобных заведениях массовое просвещение населения происходило в основном при проведении государственных торжеств, что затрудняло развитие культурного строительства губернии. Вследствие этого сотрудниками местной администрации была проведена проверка по выявлению проблем в функционировании этих центров. Итак, ими были установлены следующие трудности – отсутствие взаимодействия между культурными учреждениями, внутренней дисциплины персонала, понимания культработниками значения организации культурно-просветительских мероприятий (зачем они нужны в культурной жизни человека), незнание духовных потребностей своих

посетителей. Выявленный факт дает нам возможность говорить, что социокультурная трансформация регионального социума находилась только на стадии формирования.

Исследование исполкомами деятельности просветительских учреждений позволило изучить опыт в преодолении проблем в области культуры и просвещения учреждением «Дворец Книг», центральной детской библиотекой, клубом при фабрике им. Гладышева и др. и выяснить, в какой помощи нуждаются культурные центры в губернии. В результате этого произошла последующая реорганизация работы просветительских заведений, которая строилась на самодеятельности и инициативности их работников. Для планомерного видоизменения культурной жизни людей губернская власть учредила «Единый Культурный Кружок». Он создавал репертуар для кино, музыкальных и театральных объединений. Свою очередь губисполком улучшил финансирование культурно-просветительских организаций и контроль над их деятельностью, что позволило им увеличить количество бесплатных постановок. На это быстро отреагировали жители края, они оказывали материальную и духовную помощь в развитии указанных организаций. Кроме этого, граждане охотно посещали обыденные мероприятия, так как они стали отвечать их духовным интересам. Вследствие чего в учреждениях появился актив посетителей, который принимал участие в развитии культурно-просветительской работы в регионе. Таким образом, в конце 1920-х гг. функционирование просветительских заведений помогло правительству произвести частичное изменение сознания граждан.

2.2. Развитие праздничной культуры

В 20-е гг. XX в. произошла трансформация праздничной культуры России. В жизни общества правительство религиозные и светские мероприятия заменяло новыми, социалистическими. Данный факт нам доказывает понимание правящей элитой государства о необходимости

развивать праздничную культуру населения в определенных идеологических рамках для благополучия будущего государства.

Итак, праздничная культура – это вид деятельности, который связан с историей, политикой страны, событиями, датами, религиозными обычаями и обрядами народов. Она концентрирует «духовно-эстетические и нравственные потенциалы общества» [150, с. 9]. Таким образом, данная отрасль культуры состоит из праздничных мероприятий и памятных событий истории и культуры страны.

По мнению Д.Н. Ушакова, знание важных дат истории государства помогает правительству проводить патриотическое воспитание граждан [208]. М.В. Антонова считает, что закрепление значимых исторических событий страны в памяти человека позволяет ему овладеть культурно-нравственными ценностями общества [17]. Тем самым проведение мероприятий по усвоению памятных событий личностью производит изменение её сознания.

Праздник как целостная структура воздействует на все аспекты жизнедеятельности человека, оказывает значительное влияние на его мышление и сознание. Торжество необходимо для социального существования личности. В научной литературе мы находим, что праздник – «определенный период времени (час, день или дни), когда не занимаются делами, ... характеризует такое свободное время, когда где-то отмечают, к примеру, определенное событие, необходимо выделить из потока других. Последнее достигается в праздничном обряде или ритуале, т. е. в определенном символическом действии...» [132, с.10-11]. В.И. Даль считал, что «праздник – день, посвященный отдыху, не деловой, не рабочий, противоположное – будень, день, празднуемый по уставу церкви, или по случаю, относящемуся до местности, до лица... » [67, с. 380]. Таким образом, праздничное мероприятие – это определенный временной отрезок, когда люди во время отдыха духовно развиваются и способны воспринять новые моральные ценности социума.

Приведенные определения подтверждают, что праздничное событие – это результат социального, культурного и исторического развития общества. Свести к какой-то либо одной классификации праздников является сложным из-за его емкой смысловой нагрузки. Поэтому ученые с разных научных принципов предлагают следующие классификационные системы торжеств. Например, Д.М. Генкин подразделил их на всеобщие, локальные и личностные [59, с. 56-58]; а Г.П. Карпарова – по сферам деятельности человека, по диапазону праздника и по демографическим принципам [88, с. 54-55]. Таким образом, в квалификации торжеств исследователи указывают на существование особенностей региональной праздничной культуры.

Представители гуманитарных наук подчеркивают, что праздничная культура формируется на основе идеалистического и символического восприятия человеком смыслового содержания мероприятий в определенных пространственных и временных рамках его проведения. Э. Кассирер и М. Озуф указывают на символистические особенности торжеств. По их мнению, символ и смысл массовых праздников, во-первых, преподносят иной мир под видом очевидного в сознании личности, во-вторых, формируют у человека чувства доверия к власти, патриотизм [97], что позволяет легимитизировать политические режимы государств, установленных путем революций [144]. В советском государстве культработники на праздниках доказывали населению необходимость совершения революции 1917 г. и показывали идеалистический мир, в который она приведет людей. Следовательно, символ праздника дает возможность правительству упорядочить духовную и материальную жизнь граждан, наладить отношения власти с обществом и презентовать новые духовные ценности для человека.

Пространство праздника – особая социокультурная среда социума, где создается некая новая реальность правительством государства, которая активно воздействует на жизнь граждан. Этот процесс позволяет преодолеть в стране ментальное противостояние «друг/враг» [251]. В советском государстве правительство через проведение праздничных событий пыталось

объединить общество, что было актуально особенно после гражданской войны. Таким образом, культурное пространство торжества дает возможность для актуализации идентичности и формирования патриотического чувства у людей.

Потребность человека участвовать в процессе празднований – это не только естественная надобность, но и культурная и социальная, потому она должна возрождаться в каждом новом поколении общества. В процессе проведения праздников происходит социализация и, как это было раньше нами указано, установление идентичности личности [145]. Наряду с этим, праздничное время выступает как связующее звено прошлого и настоящего в обществе. В советском государстве данное обстоятельство позволило правительству преодолеть активную фазу отношений родителей и детей. Следовательно, праздник напрямую или косвенно связан с историей и культурой социума, коллективной и автобиографической памятью людей. В результате чего торжество развивает региональные социокультурные особенности населения страны.

Влияние праздничных идеалов на жизнедеятельность общества изучено М.М. Бахтиным. Ученый указывал на то, что признаки – это элементы духовно-идеологической сферы и высшие цели человеческого существования – мир идеалов. Более подробно этот мир он рассматривал на примере карнавала, поскольку люди на это время вступают «в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [28, с. 14]. Происходит освобождение сознания от власти официального мировоззрения, возможность «взглянуть на мир по-новому; без страха, без благоговения, абсолютно критически, но, в то же время, и без нигилизма» [28, с. 301]. В процессе этого формируются общественное сознание и поведение людей. Проведение государственных праздников позволило советскому правительству узнать, какое отношение у граждан сложилось к новому правящему режиму страны.

Российские государственные деятели в 1920-х гг. проводили праздничные события также с целью по нормализации отношений в обществе. Ведь во время праздника с помощью согласованных действий людей видоизменяется психологическая, культурная ситуация в социуме путем устранения из его жизни нигилистического восприятия окружающего мира. Как пишет П.И. Смирнов, праздничные мероприятия очищают личность, являясь «естественным средством гармонизации человеческой души» [191, с. 21]. Таким образом, советское правительство через проведение торжеств формировало новую социокультурную среду личности.

Во время установления советской власти в России произошла дестабилизация общественных отношений по причине изменения духовного и материального мира человека. Советское правительство понимало необходимость объединить граждан вокруг политической идеи для нормализации общественных отношений. С этой целью создавалась новая праздничная культура населения.

Симбирская губерния в начале 20-х гг. XX в. являлась типичной периферией, где формировалась политика нового государства по проведению зрелищ. Был изменен календарь праздников путем ликвидации всех торжественных мероприятий царской России. Теперь же государственными торжествами в стране считались «23 февраля – день Красной Армии; 8 марта – международный день работниц; 12 марта – день свержения самодержавия; 18 марта – день парижской коммуны; 1 мая – день международной солидарности трудящихся; второе воскресенье июня месяца – день принятия конституции; 12 сентября – день освобождения Ульяновска от белогвардейцев; 7 ноября – день пролетарской революции» [291, л. 3]. Учреждение новых государственных праздников доказывает, что правительство создавало новую праздничную культуру путем изменения её идеологической составляющей части. Правящая элита страны собиралась изменить у человека не только представление о мироустройстве, но и его сознание.

В дальнейшем изменение календаря праздников произошло в 1924 г., в него добавлялось памятное событие «22 января». Данное мероприятие необходимо было закрепить в памяти человека для поступательного изменения его сознания. Итак, рассмотрим историю создания этого события и региональные особенности его проведения. 21 января скоропостижно скончался В.И. Ленин. По всему государству был объявлен траур. В Симбирске траурные мероприятия происходили перед домом семьи Ульяновых [352]. На похороны отца революции в Москву направлялась делегация из двенадцати горожан. Должностные служащие администрации города по причине скорби даже предлагали переименовать Симбирск в Ленинск [336]. Указанная информация из местной периодики подтверждает, что жители Симбирской губернии особенно чтили, уважали и любили своего земляка, государственного деятеля В.И. Ульянова.

Для увековечивания в коллективной и автобиографической памяти граждан указанного события правительство 19 сентября 1924 г. объявило 22 января нерабочим днем. В этот день, кроме смерти В.И. Ленина, вспоминалось кровавое воскресенье 1905 г. [236]. Во время проведения траурных мероприятий подчеркивался поступок рабочего, на что он готов пойти ради своих прав. В дальнейшем Симбирскую губернию переименовали в Ульяновскую. Таким образом, деятельность правящей элиты страны доказывает, что она прилагала усилия по закреплению в памяти личности героических подвигов революционеров. Это развивало в человеке самопожертвенность, самоотдачу делу, что позволило правящей элите государства в будущем использовать потенциал населения для достижения поставленных целей.

Дальнейшее изучение архивных документов выявило, что проведение траурных мероприятий в указанный день в регионах страны не происходило по централизованному плану. В каждой административно-территориальной единице государства допускалось применение в организации этих памятных событий инициативы от местных органов управления. Ульяновский

губернский исполнительный комитет сделал ряд рекомендаций по подготовке к проведению мероприятий, характеризующих скорбь местного населения. «21 января припустить на 10 минут, начиная с 18:20 до 18:30 по Московскому времени, все государственные флаги, отменить в этот день всякие увеселения, продажу вина, спирта и спиртных напитков воспретить 21 и 22 января» [297, л. 2]. Следовательно, местные органы власти использовали комплекс подготовительных мер для организации траурных событий в Ульяновской губернии, программа которых была рассчитана на два дня проведения.

В развитии праздничной культуры России на протяжении 20-х гг. XX в. особое внимание отводилось изменению положения женщин в обществе. Данная трансформация общественных отношений отразилась на проведении торжеств. Специально для этого был организован праздничный день для женского населения – «8 марта».

В 1923 г. президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета обнародовал ряд рекомендаций по его проведению. В этот праздник, как и в другие, служащие рассказывали жителям все новости России, где акцент делался на тему, как правительство заботится о женском населении страны. Например, людям объясняли, какие меры предпринимает государство для охраны прав матерей и детей.

Советское правительство перед проведением торжеств исследовало социокультурную обстановку в регионах страны. Оно выяснило, что сохранялась безграмотность среди граждан. Поэтому в Симбирской губернии устраивался «ряд практических мероприятий по делу ликвидации неграмотности среди женщин» во время торжеств [272, л. 30]. Например, в поселениях раздавались агитационные публикации с целью привлечь население посещать учебные учреждения. Архивный документ доказывает, что в начале 1920-х годов в проведении праздников, в частности, «8 марта», деятельность культработников акцентировалась на решении задач по улучшению образовательного уровня жителей указанного края.

Улучшение просветительского уровня советского гражданина повлияло на изменение целей и задач политики большевиков, что отразилось на строительстве праздничной культуры населения. Об этом свидетельствуют праздничные торжества «8 марта» 1927 г. [303, л. 27]. Создавалась общая программа праздника с учетом региональных особенностей страны, где допускались незначительные её изменения. Данный факт доказывает о централизации культурной политики государства. Советское правительство перед праздником выяснило, что наибольшие трудности развития сознания женского населения существовали в национальных регионах страны. Поэтому активистки нацменьшинств вовлекались в массово-просветительскую работу общественных учреждений с целью разъяснения идей социализма в социуме. Местные исполкомы проверяли условия женского рабочего места и следили за увеличением их количества для женщин на предприятиях. Проверяющие лица установили, что на заводах и фабриках администрация заботилась о женском населении. С целью снизить социальную напряженность в провинции местная власть к «8 марта» приурочила открытие нескольких общежитий для девушек. Просветительские учреждения активно развивали праздничную культуру рабочих на предприятиях. Образовательные программы в проведении праздника уходили на второй план, что свидетельствует о достигнутых результатах в области просвещения.

Модификация программ реализации торжеств «8 марта» на протяжении 1920-х гг. доказывает, что в конце десятилетия проводилась активная борьба с патриархальным укладом быта людей, что замедляло формирование социализма в государстве. Особенно эта деятельность была актуальна в многонациональных поселениях Симбирской губернии. За десятилетия изменились и цели, и задачи данного мероприятия. Если раньше внимание уделялось ликвидации неграмотности, то в конце 1920-х гг. – улучшению социально-экономического положения женщин, то есть определенные успехи в проведении культурной политики были достигнуты.

В организации праздничных мероприятий во многих этнических поселениях Симбирской губернии учитывалась национальная культура коренного населения. Например, издавалась художественная литература на родном языке у татар [272, л. 30]. Перед торжествами открывались новые социальные и промышленные предприятия в этих селениях, способствующие уменьшению роста безработицы среди граждан, особенно у представительниц восточных традиций, а также показать заботу правительства о коренных народах. Данный факт свидетельствует, что правительство знало, какие проблемы существовали в регионах страны. Предпринятые властью меры создавали «повышение производственной и культурной квалификации работниц и улучшение их быта» [238, д. 399, л. 30]. Следовательно, процесс удовлетворения социокультурных потребностей нацменьшинствами доказывает, что подготовка программ праздников не происходила по единому плану, так как допускалась от местных исполкомов инициатива.

В проведении торжеств большое значение уделялось украшению поселений регионов. Об этом доказывает изданное постановление СНК в середине 1920-х гг., адресованное региональным исполкомам. «Флаги должны быть красного цвета. 22 января день объявлен днем траура, поэтому все флаги красного цвета должны обшиты черной каймой с трех сторон. Право изготовления флагов указанного цвета представляется всем организациям и частным лицам. Флаги всегда должны быть опрятными и в чистом виде, вывешивания флагов истрепанных и полинявших запрещается. Примечание: с целью сохранения опрятного вида флага рекомендуется иметь особые ритуальные флаги. При вывешивании флага должны соблюдаться следующие правила: флаги должны вывешиваться с наружной стороны здания, а также над входами и выездами здания и на высоте, чтоб не препятствовали проходу; флаги должны вывешиваться в летнее время с 8 часов утра и в зимнее время с 9 часов утра и находиться на улице в летнее время до 10 часов, зимнее время до 7 часов. Виновные лица за нарушение

данного постановления привлекать к дисциплинарной ответственности, а на администрацию предприятий за срыв торжеств налагать штраф в размере 100 рублей» [291, л. 4]. Данный архивный документ подтверждает, что на губернские исполкомы возлагался контроль над всей организацией массово-зрелищных мероприятий, даже процесса благоустройства селений.

Развитие праздничной культуры в Ульяновской губернии допускало проведение и региональных празднований. Например, в Ульяновске отмечали пятилетний юбилей о начале ликвидации неграмотности. Это мероприятие проходило в кинотеатре «Экспресс». Перед торжеством рассылались по культурным центрам циркулярные письма и тезисы для докладов о достигнутых результатах в сфере образования и новых задачах, поставленных перед местными органами власти управления края. Данный материал был озвучен на всеобщих собраниях заведений перед посетителями. Для всех педагогов 26 декабря 1924 г. после заключительной конференции в киноцентре «Экспресс» провели спектакль, во время антракта устраивалась просветительская работа (чтение лекций) [294, л. 6]. Организация торжества местного значения дает нам возможность сравнить проведение региональных и государственных праздников. Было выяснено, что губернские мероприятия не так успешно пользовались популярностью среди населения региона, как всеобщие, из-за этого их программа не имела характера массового проведения.

Формирование праздничной культуры граждан позволяло правительству преодолевать определенные проблемы в стране. Так, в середине 1920-х гг. представители центральной власти большое внимание уделяли развитию воздушного флота, что отражалось на организации торжеств, например, седьмой годовщины Октября 1925 г. В этот праздник товарищи Шестер и Босин⁸ распространяли художественную литературу среди населения через книжные уголки, относящуюся к теме авиации [295, л. 1]. Обращение общества к проблеме обороноспособности государства

⁸ Инициалы госслужащих не были указаны в архивном документе

позволило правительству подготовить целевые программы по улучшению оснащенности РККА.

Один из важных праздников в культурной жизни советского гражданина являлся «день Рабочей Крестьянской Армии». В Ульяновской губернии со всем пониманием относились к подготовке данного торжества в 1927 г. В населенных пунктах украшались центральные улицы, на стенах зданий вывешивались плакаты с лозунгами. В городах Ульяновск и Сызрань организовали парад перед митингами. Данный факт свидетельствует о преемственности апробированных форм в развитии праздничной культуры. В других поселениях региона на предприятиях проходили праздничные мероприятия, заседания партийных, комсомольских, общественных организаций и ячеек Осоавиахим. В библиотечных центрах политруки зачитывали доклады перед культработниками «о необходимости военной пропаганды среди населения» [301, л. 87]. В избах-читальнях, красных уголках проводились лекции по сравнению оснащенности зарубежных вооруженных сил и советской Красной Армии, о международном положении России. В библиотеках устраивались книжные выставки и стенгазеты, посвященные военным будням красноармейца. После торжественных заседаний прошли массовые гуляния: хоровое пение, художественные чтения, игра гармонистов и балалаечников с революционными и военными песнями, спортивные состязания и кинопросмотры. Проведенные мероприятия доказывают, что в этот праздник деятельность культурно-просветительских учреждений охватывала все население губернии. Каждый человек, придя на торжества, участвовал осознанно или неосознанно в процессе изменения своего сознания.

В Ульяновской губернии большое внимание уделялось и организации профессиональных праздников. Примером является «День милиции» 10 ноября (28 октября). В 1927 г. в регионе массово прошли празднования десятилетнего юбилея работы этого органа при Государственном Политическом Управлении (ГПУ).

Для проведения указанного мероприятия в крае утверждались комиссии по подготовке торжеств. Указанные организации разрабатывали инструкции, лозунги и тезисы. Они отвечали за агитационную пропаганду праздника и распространение соответствующей литературы, следили за украшением площадей, улиц, учреждений и помещений отделов милиции [308, л. 72]. То есть жители и милиционеры могли заранее проникнуться торжественным настроением.

Центральная комиссия создала общий план торжеств, разделив мероприятие на два дня – 12 и 13 ноября 1928 г., которые являлись выходными. Службу несли только дежурные офицеры правоохранительных органов. Во время официальных поздравлений отличившихся милиционеров награждали медалями, в том числе денежными поощрениями и именным оружием [308, л. 73]. Само награждение именовым оружием свидетельствует о преемственности некоторых культурных традиций в развитии праздничной культуры.

Празднование проходило максимально воодушевленно. Вечером 12 ноября торжественные мероприятия заканчивались театральными и концертными постановками, а также просмотром кинокартин, где сотрудникам правоохранительных органов отводились бесплатные места. Днем 13 ноября устраивался парад по правилам строевого устава, после которого проходили массовые шествия. Данный факт свидетельствует о преемственности апробированных форм в развитии праздничной культуры.

Для того чтобы общество знало об успехах и итоге работы милиции и уголовного розыска, в местной прессе публиковались статьи отчетного характера их деятельности [308, л. 74]. Главная их – задача донести до граждан информацию, как государство заботится о их благополучии.

Анализ же смысловой нагрузки лозунгов этого праздника доказывает, что местные жители воспринимали деятельность милиции как идеальное функционирование советского государства (например, «залог общественной работы милиции – вся опора на общественную поддержку»). На

празднованиях подчеркивались основные задачи правоохранительных органов России – поддерживать общественный правопорядок и достижения революции в сложной внутренней обстановке страны. Ведь, как считали государственные деятели, одна из главных угроз для социалистического строительства регионов исходила от преступности, с которой власть боролась без компромиссов и переговоров [308, л. 74]. Таким образом, архивный документ доказывает понимание представителей власти, что криминальные происшествия дестабилизировали общественные отношения граждан и подрывали доверие людей к правительству. Поэтому правящая элита предпринимала решительные меры для поддержания общественного правопорядка в стране.

Празднование 10-ой годовщины деятельности рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска свидетельствует, что профессиональные торжественные события во второй половине 20-х гг. XX в. происходили с тщательной подготовкой. Разрабатывалась многосторонняя программа мероприятий, в реализации которых принимали участие разнообразные общественные учреждения. Все поселения Ульяновской губернии украшались заранее, дабы подготовить сознание людей к мероприятию. Во время его проведения граждане знакомились с успешной работой милиционеров. Конкретно узнавали из прессы, что милиция сделала для них. Однако в проведении «Дня милиции» имелась отличительная особенность от других праздников – проявлялись формы и элементы царской праздничной культуры. Данный факт позволяет нам говорить о преемственности в развитии данной отрасли культуры России, несмотря на изменение её идеологической составляющей части.

Апогеем праздничной культуры в 20-е гг. XX в. стал десятилетний юбилей Октябрьской революции. Анализ архивного документа свидетельствует, что подготовка к празднованию начиналась задолго до приближения октябрьских торжественных событий. При исполнительных комитетах создавались комиссии, взаимодействующие с общественными

организациями. Они отвечали за мероприятия, которые проводились в губернии, поэтому готовые рабочие планы предоставлялись до 15 февраля 1927 г. Должностные служащие занимались объединением в группы участников Октябрьской революции для подготовки к публикации их очерков и воспоминаний тех событий. Эта деятельность способствовала практическому сбору сведений по определенным областям истории того времени. Устраивались художественные выставки по событиям октября 1917 г. Опубликовывались итоговые доклады о деятельности исполкомов. Населению показывали, каких результатов смогла добиться советская власть за десять лет. Большая ответственность ложилась на местные издательские органы печати. Им вменялась обязанность печатать статьи в периодике, посвященные этому знаменательному событию [307, л. 1]. Таким образом, в подготовке к проведению юбилея Октябрьской революции был задействован персонал многих культурных учреждений. Их сотрудники создали разностороннюю программу праздника. Она отвечала на все культурные запросы населения. В этих подготовительных работах прослеживаются первые попытки правительства массово развивать автобиографическую память граждан, что позволяло изменить их сознание.

Ближе к дате праздничного события губернский исполком провел совещание о достигнутых результатах в ходе подготовки к торжеству. По итогам собрания комитет подготовил протокол от 31 октября 1927 г. Изучение документа свидетельствует, что планируемые мероприятия раскрывали значение Октябрьской революции для населения. На собрании были зафиксированы трудности в подготовке данного юбилея.

Во-первых, из-за некачественной работы издательской комиссии с опозданием публиковались статьи на тему десятилетнего итога деятельности советского правительства. Во-вторых, было запланировано малое количество торжественных зрелищ. Поэтому ульяновский губернский исполком увеличивал количество тиража губернских газет и развлекательных мероприятий. В периодике освещались темы изменения места женщины в

обществе за десятилетие [239, д. 1914, л. 3]. То есть государственные деятели подчеркивали значимость женского населения в развитии разных отраслей культуры и социальных отношений государства.

По причине спланирования гражданского духа общества перед указанными торжествами Совет Народных Комиссаров постановил провести всеобщий субботник. «К десятилетию октябрьской революции – намеченный всесоюзный субботник. В Ульяновской губернии день-субботник провести 30 октября» [309, л. 1]. Кроме этого, праздничное настроение ощущалось на протяжении всего года. На каждом общественном мероприятии уделялось время раскрытию темы о значении Октябрьской Революции.

В результате несогласованности в подготовке Октябрьских торжеств между СНК и местными исполкомами были установлены только формально дни проведения их – 7 и 8 ноября 1927 г. В регионах происходило изменение этого графика. Например, в Ульяновской губернии – с 5 по 7 ноября 1927 г., – то есть три дня. Праздничные мероприятия в стране и её регионах организовывали следующие культурно-просветительские учреждения: государственная академия художественных наук, главполитпросвет, НКПрос, ВУХТЕМАС, АХРР, консерватория, государственное художественное слово, ЦИК РАБИС, Октябрьские комиссии, культотдел ВЦСПС. Во время празднования проводились разнообразные выступления, организованные спортсменами и культработниками. На них устраивались массовые чтения рассказов участников тех событий. В неформальной обстановке они делились с молодым поколением своими воспоминаниями.

На протяжении всех трех дней играла музыка, организовывались народные пляски, хороводы и песнопения. В каждой части города проводились манифестации с участием передвижных трибун. Общественные учреждения перед этим украшались красными флагами. Зачитывались лекции просветительского содержания перед гражданами. Всего было подготовлено десять подобных докладов. Главной задачей их являлось

социалистическое воспитание населения. В период проведения торжеств открывались новые промышленные и культурные предприятия.

В культурно-просветительских учреждениях на выставках граждане знакомились с творчеством коренных народов государства. Тем самым развивалась национальная культура. Увеличилась публикация советской литературы для нацменьшинств. Каждая национальная библиотека имела в должном количестве произведения на родном языке. Все это освещалось в прессе, в том числе и в зарубежной [280, л. 217-244].

Таким образом, в проведении праздника были задействованы как общегосударственные культурные учреждения, так и местные культурные учреждения. Они устраивали разносторонние развлекательно-просветительские массовые мероприятия, на которые жители приходили с огромным желанием. Молодое поколение через диалог культур знакомилось с историческими событиями 1917 г., визуально каждый человек мог представить в своем воображении ход событий Октябрьской революции от первоисточника.

Граждане во время праздничных мероприятий знакомились с национальной культурой Ульяновской губернии. В культурных учреждениях проводились выставки предметов национального творчества. Для представителей коренного населения региона устраивались тематические вечера, где они знакомились с художественными произведениями национальной литературы. Это позволяло вовлечь их в формирование культурной жизни страны. Данная информация из архивных источников доказывает, что развитие праздничной культуры, на примере десятилетнего юбилея Октябрьской революции, происходило комплексно. Проводимые праздничные мероприятия затрагивали все сферы жизнедеятельности населения.

Полученный опыт во время подготовки празднования десятилетнего юбилея октябрьских событий лег в основу организации торжеств в Симбирско-Ульяновском Поволжье. На эти мероприятия приезжали гости из

других регионов страны. Улучшались отношения с работниками культуры из Казани [346]. Это позволило показывать успехи развития культуры нацменьшинств во время торжеств, доказывая необходимость проведения разносторонних экспозиций их народного творчества [68]. В период праздничных событий в клубах устраивались интернациональные вечера [335], в их проведении участвовали фактически все представители национального населения региона, где раздавались художественные произведения, выпущенные с дополнительным тиражом на организацию культурно-массовых зрелищ [331].

С каждым годом торжества имели более зрелищные программы проведения. Жители все охотнее посещали их. В местной прессе все же описывались более подробно мероприятия общегосударственных праздников. Данное обстоятельство свидетельствует о процессе централизации культурной политики государства. Однако строительство новой советской праздничной культуры правительством осложнялось сохранением дореволюционных традиций населения [246, с. 57]. Многие религиозные торжества являлись выходным не рабочим днем. В календаре праздника они «сосуществовали» с государственными. Так, пасха 1926 г. отмечали 2 и 3 мая, а интернационал – 1 мая [325]. Выявленный факт подтверждает, что население чтит свои традиции, и это не позволяло полностью изменить сознание людей.

Итак, нами было доказано, что изменение праздничной культуры являлось наиболее важной составляющей частью процессов социокультурных преобразований в стране в 20-е гг. XX в. Для этого правительство произвело трансформацию государственного календаря праздников, где особое место отводилось его идеологической нагрузке. Каждое торжество являлось элементом государственной политики по изменению сознания человека. Например, памятное событие «22 января» развивало в гражданах самопожертвование и самоотдачу общему делу. На родине В.И. Ульянова это мероприятие происходило наиболее активно. Для

регулирования развития региональной культуры центральная власть разрешала исполкомам устраивать местные празднества, а в проведении государственных торжеств они могли проявить инициативу в процессе подготовки праздничных программ мероприятий (особенно в начале 1920-х гг.). Однако с 1923 г. проведение праздников строго регламентировалось.

Эволюция праздничной культуры Симбирской (Ульяновской) губернии свидетельствует о применении её в решении социальных проблем в обществе. Трансформация смысловой нагрузки торжеств показывает, как изменилось социокультурное положение населения региона, и помогает определить достигнутые результаты государственной культурной политики. В начале десятилетия большое внимание уделялось ликвидации неграмотности граждан, а в конце 1920-х гг. – улучшению условий рабочего места пролетариата, то есть в крае повысился культурный уровень населения, однако необходимо было провести социальные, экономические и промышленные преобразования в стране. В программе организации празднеств прослеживается преемственность некоторых элементов и апробированных форм (например, дарение именного оружия и проведение военных парадов) культуры Российской Империи. Государственные торжественные мероприятия являлись средством социалистической агитации в обществе (на праздниках до человека доносилась информация о достигнутых результатах советского правительства). Большое внимание в полиэтническом регионе уделялось привлечению к празднованию политически значимых событий представителей национальных меньшинств путем проведения разнообразных экспозиций их творчества.

Все же создание нового социокультурного пространства губернии осложнялось сохранением культурно-исторических традиций населения. Наряду с государственными торжествами устраивались религиозные мероприятия, что свидетельствует о неполной трансформации праздничной культуры региона. Поэтому в дальнейшем были подчинены большевикам все направления деятельности культурных учреждений.

2.3 Театр и кино в регионе

Политические события 1917 г. повлекли за собой изменения во всех сферах жизнедеятельности граждан – социальной, политической, экономической, культурной и других. В 1918 г. театральный отдел Наркомпроса, подчиняющийся А.В. Луначарскому, издал обязательное по исполнению обращение «Ко всем национальностям России» [52], где предписывалось при ГубОНО создавать подобные отделы, деятельность которых направлялась на возрождение и развитие художественного искусства России. В следующем году В.И. Ленин подписал декреты «Об объединении театрального дела» и «О национализации кинодела» [259]. Теперь театры и кинозаведения переводились на государственное обеспечение. Главная цель, которая ставилась перед указанными досуговыми центрами, – изменение сознания человека, например, через использование монтажа. Он позволял режиссерам употреблять «различные виды действия, способные передать смысл фильма быстро и экономично» [252, р. 454], то есть совершенствовались способы проведения просвещения, агитации, нравственно-морального воспитания населения. Таким образом, советское правительство создало новую правовую основу функционирования театров и киноцентров, где прописывались основные обязанности, которые они исполняли.

Представители современной исторической школы России (Л.В. Алексеев, А.П. Богданов, Д.М. Володихин, Д.С. Точеный и др.) указывают, что драматургическая сцена в 1920-е гг. сохраняла старые формы театрального творчества, широко представленные в классических (дореволюционных, профессиональных) театрах и в их студийных коллективах, и развивала новые, пропагандирующие пролетарскую культуру, – это революционные и агитационные театральные центры. В киноделе распространение получила деятельность кинопередвижек. Все данные

учреждения функционировали практически во всех регионах страны. Симбирская губерния не являлась исключением. На её территории действовали в начале 1920-х гг. 54 театра и 12 кинематографов, к тому же многие крупные клубы имели собственные театральные и кинокружки [284, д. 692, л. 211]. Следовательно, фундамент строительства кино и театральной культуры был заложен.

Государственным органом с 1921 г., который занимался формированием театральной и киножизни общества, являлся политпросвет на разных административно-территориальных уровнях. Об этом свидетельствуют архивные документы Губисполкома, ГорОНО и ГубОНО. Губполитпросвет расширял количество и улучшал качество постановок Симбирского городского театра. Он предписывал администрации этого культурного заведения «подобрать ... литературу, взяв пьесы из народного театра, из коллектора и прочие, путем самостоятельной покупки подобрать к пьесам парики, костюмы, декорации, а также сорок коробок грима. Создать мастерские по производству костюмов» [265, л. 27 об]. То есть данное правительственное учреждение предпринимало меры по улучшению художественной работы театральных центров Симбирской губернии. Хозяйственной работой театров занимались Уполитпросветы. Они следили за техническим состоянием зданий – «закрытие Симбирского театра на летний сезон и произвести необходимый ремонт» [299, л. 93]. Они выделяли финансовые средства на хозяйственные нужды этих центров. Таким образом, в начале десятилетия произошло разграничение обязанностей между политпросветами на основании их административного деления по управлению развитием деятельности театральных организаций.

Неблагополучное социально-экономическое положение населения в 1922 г. (голод) отражалось на развитии культуры регионов. По этой причине Накркомпрос через ГубОНО контролировал материальное положение культработников, выделяя им бесплатные продуктовые пайки [266, л. 53-54 об], которые получали в том числе актеры и артисты, «представляющие

особую индивидуальную ценность и несущие агитационно-театральную работу по заданиям центральных государственных органов НКП» [266, л. 54 об].

С этого же года театральные сцены г. Симбирск стали местом проведения массово-просветительской работы. Во время антракта представителями пролетарской культуры устраивались чтения агитационного материала для зрителей и актеров. В 1922 г. администрация учреждений просвещения вместе с сотрудниками своих театральных кружков провели ряд мероприятий. Например, организовали «культурно-просветительские работы среди заключенных Симбирского концлагеря путем устройства спектаклей, лекций и т.п.» [290, л. 17]. Данный факт доказывает, что неблагоприятное социальное положение жителей региона не смогло разрушить основу формирования культурной жизни губернии.

В дальнейшем с 1923 г. активное участие в развитии драматургии в Симбирской губернии стали принимать исполкомы. Губисполком начал утверждать общий план строительства театральной и кинокультуры региона. Данный комитет контролировал деятельность политпросветов, а именно, следил за техническим состоянием помещений досуговых учреждений. На лето он закрыл здание городского театра на ремонт, но это не означало, что в городе прекращалась постановка спектаклей. Учитывая теплую летнюю погоду, в саду имени Свердлова местные органы власти организовали показ спектаклей. Вероятнее всего, что здесь выступала труппа Сызранского театра по причине организации его гастролей в крае. Следовательно, исполнительные комитеты предпринимали меры по формированию театрального искусства в провинции. Это доказывает следующий факт: губисполком направлял инспекторов для изучения деятельности уездных и волостных театральных центров. Ими было установлено, что для улучшения их художественной работы необходимо модернизировать многие костюмерные и бутафорские мастерские [299, л. 93].

В кинодеятельности губернский отдел народного образования приступил к контролированию всех показов фильмов в поселениях, например, в сельской местности он усилил кинофикацию деревни. Также деятельность отдела способствовала реорганизации работы развлекательных центров губернии. Доказательством являются организованные им летние цирковые выступления [299, л. 93 об]. Таким образом, с 1923 г. государственные органы управления начинают активно участвовать в организации художественной работы досуговых учреждений. Следовательно, можно предположить, что исполкомы были вынуждены заняться этой деятельностью по причине невозможности политпросветами исполнять свои обязанности.

Со второй половины 1920-х гг. (особенно в период НЭПа) взаимодействие театров и кинематографов с культурно-просветительскими учреждениями усилилось по причине улучшения просветительской работы в государстве и его регионах. Например, вместе с «Авиахимом» в 1925 г. устраивались двухдневные массовые народные гуляния в Ульяновске. Цель этого мероприятия – донести до мужского населения страны значение службы в отечественных вооруженных силах и активизировать ресурсы общества для финансирования потребностей воинских частей – «все вырученные деньги за литературу идут на усиление Красной Армии» [296, л. 35]. Таким образом, данное взаимодействие являлось одной из форм проведения социалистического воспитания граждан.

Улучшение экономического положения Ульяновской губернии позволило местной власти популяризовать деятельность актера в развитии общества. На массовых мероприятиях зрителям показывалась забота правительства о материальном и духовном благополучии представителей советской творческой интеллигенции. Об этом свидетельствует тот факт, что органы власти готовились к юбилейным торжествам деятелей искусства. «Герою труда – артистке ульяновского рабочего крестьянского театра А.И. Охотиной. Глубокоуважаемая Александра Ивановна, поздравляем с 45-

летним юбилеем Вашей сценической деятельности. Губернский исполнительный комитет приветствует Вас как славную поборницу искусства и предлагает скромный подарок – 200 рублей» [299, л. 139].

Ведь из-за дефицита в региональном бюджете в начале десятилетия такие мероприятия очень редко устраивались. Для его пополнения представители власти в губернии накладывали местный налог на прибыль с показа культурных зрелищ. Взимался процент надбавок к цене входного билета от 5% до 50% в зависимости от характера мероприятия. Освобождались только учреждения, персонал которых в своем творчестве пропагандировал социалистические идеи [291, л. 23]. При этом на каждое подобное выступление следовало отдельно получать освобождение от выплат у Губисполкома [295, л. 36]. «Выписка из протокола №2 заседания президиума Ульяновского губернского исполкома. В отношении общества “друзей беспризорного и больного ребенка” за освобождение от всех местных налогов спектакля устраиваемым обществом постановили: освободить» [293, л. 27].

По нашему мнению, 1925 г. являлся переходным этапом развития театров и киноцентров в культурной жизни общества. Театральные и кино объединения начали участвовать во всех сферах жизнедеятельности социума, при этом они пропагандировали определенные социалистические идеи в обществе, то есть принимали участие в работе по изменению сознания личности. Осуществление этой деятельности свидетельствует, что экономическое положение Ульяновской губернии улучшалось.

В 1926 г. в деятельности киноцентров наступили перемены. Губисполком принял к обязательному исполнению постановление «Об открытии, содержании, устройства кинематографов» [296, л. 10-23]. Кинотеатры, отвечающие новым техническим требованиям, стали такими досуговыми организациями, где посетители имели возможность спокойно удовлетворить свои духовные запросы, отдохнуть, попутно быть участником коротких просветительских и агитационных выступлений. После вступления

в силу этого указа не все киноцентры губернии отвечали данным требованиям, потому что в некоторых из них осуществлялись ремонтные работы. «Постановление от 16 января 1926 г. Закрыть кинотеатр «Экспресс» на капитальный ремонт и открыть после осмотра Губинженера» [294, л. 42]. Следовательно, советское правительство решилось кинотеатры сделать новыми учреждениями, на базе которых можно проводить и просветительскую, и досуговую деятельность.

Изучая работу театральных и киноцентров, местная власть понимала, что необходимо производить дальнейшие изменения деятельности этих заведений для получения более благоприятных результатов от их работы. Об этом доказывает анализ архивного документа – «краткий обзор положения художественной работы в городе Ульяновске». В нем указывается, что культурная жизнь населения развивалась непоследовательно – «зрелищный рынок в городе Ульяновске находится до настоящего времени в состоянии анархии» [320, л. 13]. Представители ГубОНО указывали на факт отсутствия учреждения, отвечающего за проведение зрительских представлений. Поэтому смысловая нагрузка развлекательных мероприятий не отвечала основным принципам идеологии правительства. Данная ситуация сложилась из-за того, что каждое учреждение культуры спасалось от разорения при помощи только своих усилий. В связи с этим театральные труппы не могли поставить выдержанные спектакли, а конкуренция между киноцентрами сводила к минимуму показ советских фильмов.

По выявленной причине для улучшения кино и театральной жизни Ульяновской губернии региональная власть учредила Управление Зрелищными Предприятиями (УЗП) и отдельно Управление Театром (УТ). На служащих этих управлений возлагалась обязанность осуществлять хозяйственное руководство культурно-досуговыми учреждениями [320, л. 18]. Политпросвет же продолжал оставаться организацией, занимающейся руководством их художественной работой [320, л. 12].

Таким образом, в 1926 г. местная власть провела мониторинг и изучение результатов работы театральных и киноцентров Ульяновской губернии. Ею выявлено множество проблем. Главная из них та, что существующая система управления этими учреждениями функционировала неудовлетворительно. Поэтому существовали как художественные, так и материальные трудности функционирования данных заведений. Поэтому губернский исполком изменил её путем организации УЗП и УТ, что позволило решить многие творческие и хозяйственные проблемы культурных заведений.

Принятие таких мер оживило массово-просветительскую работу в г. Ульяновск. Городской комитет ВЛКСМ этого города в школе имени Дзержинского организовал «закрытый экран для обслуживания молодежи и детей культурными надежными фильмами. Кино ставит своей задачей – обслуживать детские дома, пионерию и молодежь. ГорКом считает необходимым вести обслуживание детей и молодежи бесплатными зрелищами» [320, л. 19].

Вслед за этим культурно-просветительские организации начали удовлетворять духовные потребности граждан. Например, некоторые просветительские центры губернии (Куликовка, Дом младенца, Бутырка) стали показывать советские фильмы для своих посетителей по их просьбе [320, л. 1], то есть часть зрителей интересовало отечественное кино, а культурные учреждения имели ресурсы для киносеансов. Об этом нам доказывает следующий факт, на государственных праздниках рабочие клубы теперь устраивали бесплатный показ «выдержанных» кинокартин. Так, во время празднеств «Дня Красной Армии» в кинокружках население региона смотрело следующие кинопроизведения: «Красные дьяволята», «Красные партизаны», «Комбриг Иванов», «В тылу у белых», «Красный газ», «Наполеон», «А это П.К. 54», «Пахом в Доброхим», «Жена предревкома», «Палачи», «Сигнал», «На перевале», «За власть советов», «Остап Бендер» [240, д. 122, л. 3].

В конце 1926 г. в Ульяновске во многих культурно-образовательных центрах по примеру ГорКома ВЛКСМ стали для ребят устраивать бесплатные сеансы просмотра советского кино [46]. Для женщин просветительские заведения губернии стали организовывать показ выдержанных фильмов, в сюжете которых подчеркивалось, что «Октябрьская революция» сделала для улучшения быта женского населения страны [328]. Таким образом, активно поднимался культурно-просветительский уровень населения, особенно у детей и женщин.

Постепенно, начиная с 1927 г., региональная власть, в лице ГубОНО, приступила к контролированию деятельности самостоятельных киноцентров путем национализации их помещений. «Акт о передаче кинотеатра «Экспресс» в ведение ГубОНО. Передается кинотеатр, состоящий из одного помещения и двух складов» [320, л. 28]. То есть она становилась главным арендодателем в губернии и могла диктовать условия, какие фильмы должны показываться для граждан.

В конце 1920-х гг. организацию проведения массовых зрелищ учреждениями уже контролировал народный комиссар внутренних дел. «Обязательное постановление Губисполкома от 4 августа 1927 г. о порядке выдачи разрешения на устройство зрелищ и увеселений («Пролетарский путь» №196 – 1927 год) ввиду противоречий его инструкции НКВД от 28 октября 1927 г. отменить» [312, л. 44]. Следовательно, произошло изменение системы контроля над деятельностью театральных и киноцентров, с губернского исполкома снималась часть задач по этой функции. Они передавались в местные отделы НКВД, то есть произошло ужесточение в управлении культурными процессами социума.

Само же распределение обязанностей в культурной политике между Губполитпросветом и УЗП способствовало налаживанию кружковой деятельности в клубах. Понижилась стоимость билетов на развлекательные мероприятия, спектакли теперь проходили в удобное время для рабочих и служащих. Из актеров-добровольцев организовывались передвижные труппы

для постановки пьес в удаленных рабочих поселениях региона [321, л. 14]. Данный факт свидетельствует о том, что многие работники предприятий теперь имели возможность беспрепятственно духовно отдохнуть. Также по причине отсутствия во многих удаленных поселениях Ульяновской губернии просветительских и досуговых учреждений, городскими клубами расширялась сеть культурных передвижек.

В 1927 г. губернская власть заново проверила деятельность Ульяновского городского театра и других учреждений. Её представители выяснили, что множество проблем, которые существовали еще в 1926 г., не были решены. Например, художественное творчество актеров не развивало идеи социализма в обществе. Хотя искусство могло помочь в решении многих общественных задач в области просвещения. «Театр является в современных условиях одним из крупных средств по проведению массовой пропаганды. Благодаря сложившимся условиям зачастую перешел в средства насаждения мещанской идеологии» [321, л. 17].

Проблемы в деятельности культурных и развлекательных учреждений сохранялись из-за реализации постановления «Об организации фото-кино в РСФСР» от 1922 г., по нему заведения вынужденно участвовали в рыночных отношениях. «Производство базируется на привлечении частного и заграничного капитала, с предпочтением смешанного капитала, при участии государственных органов» [274, л. 51]. Конкуренция способствовала ухудшению качества работы досуговых центров, так как уменьшилась их финансовая самостоятельность. На это также указывал директор Ульяновского театра. В своей докладной записке он жаловался заведующему ГорОНО, что по причине борьбы за зрителя театр не смог достигнуть материальной независимости. Подтверждением тому является «оборотная ведомость операций большого рабоче-крестьянского театра за зимний сезон 1926/27 гг. ... Итого выручено 39001 рублей 35 копеек. Дефицит 21455 рублей 76 копеек. Всего 60457 рублей 11 копеек» [320, л. 6]. Поэтому органам власти пришлось в ближайшее время принять срочные меры по

исправлению ситуации в регионе, так как выявленные трудности в духовной жизни граждан ставили под угрозу проведение десятой годовщины Октябрьской революции в Ульяновской губернии. «К сожалению, за десять лет ульяновский городской театр никакими достижениями как в художественной работе, так и в нормальном состоянии здания не может порадовать» [320, л. 45].

Существующее обстоятельство повлияло на продолжение процесса создания из губернской администрации главного арендодателя в регионе, дабы улучшить финансовое положение культурных учреждений. Указанный процесс повлиял на согласованное взаимодействие между Губполитпросветом и УЗП, УТ. Об этом свидетельствует тот факт, что произошло налаживание хозяйственной и художественной работы центрального театра региона в конце 1920-х гг. Была организована выдача абонементов на зимний сезон 1927/28 гг. с указанием названий спектаклей: «Абонемент: 1) «Любовь Яровая», 2) «Шторм», 3) «Смерть Пушкина», 4) «Собор Парижской Богоматери», 5) «Доходное место», 6) «Вредный элемент», 7) «Того, чего не было», 8) «Принцесса Турандот – Гоцци», 9) «Ржавчина», 10) «Декабристы», 11) «Конец Криворыльска», 12) «Ремесло господина Кюро» [321, л. 53 об]. Под абонемент попадали премьеры нового сезона, например, «Декабристы».

УЗП устанавливал конкретные цены на билеты. «Расценка мест: цены обыкновенные с 1 рубля 60 копеек до 25 копеек, при абонементе с 90 копеек до 10 копеек, при абонементе на 15 спектаклей с 14 рублей 25 копеек до 1 рубля 50 копеек, взносы с 2 рублей 85 копеек до 30 копеек» [321, л. 54]. Учреждение контролировало выдачу пригласительных, запрещало беспорядочное распространение их. «Произошла разовая выдача 44 бесплатных билетов для посещения театра. В дальнейшем предлагает ГорОНО такую выдачу прекратить» [240, д. 125, л. 70]. Поэтому директора театра А.К. Гловатского «ГорОНО просит предоставить список лиц и учреждений, коим Вами выданы контрамарки для бесплатного прохода в

театр» [321, л. 64]. Указанный отдел продолжал освобождать данный центр от местных налогов, тем самым повысив его финансовую независимость – «Освобождение от местных налогов. Постановление от 29 сентября 1927 г.» [240, д. 125, л. 79]. Он же заботился о материальном благополучии работников культуры через поднятие им заработной платы – «ходатайство контролеров об отчислении в их пользу с каждой проданной программы 4 копейки – сообщается, что ГорОНО такое отчисление производить разрешает» [321, л. 69]. То есть УЗП стало контролировать все финансовые расходы театра [321, л. 127]. Таким образом, за 1927 г. указанная организация смогла нормализовать хозяйственную деятельность Ульяновского городского театра.

Успешная деятельность УЗП привела к тому, что главная городская театральная сцена прекратила быть убыточной. «В 1928 г. доход с учетом погашения задолженностей составил 10092 рубля 37 копеек. Сыграно 38 спектаклей. Расходы – 19637 рублей, из них зарплата – 11008 рублей» [321, л. 151]. Прибыль позволила создать две драматические труппы театра, начиная с зимнего сезона 1928/29 года. «На 1928/29 год содержание драматической труппы 4500 рублей, а оперетты – 5500 рублей. Драматическая труппа работает с 1928 года, а оперетта с 1929 года» [321, л. 139]. Популяризация театрального дела позволила в конце 1920-х гг. проводить бенефисы или юбилейные вечера актеров. «Сорокалетний юбилей актрисы М.А. Эмской. В день юбилея 11 января 1928 г. организовать спектакль “Холопы”. Дирекция выплачивает 50% с валового сбора за вычетом налогов и авторских» [321, л. 96]. Таким образом, налаживание финансирования работы городского театра позволило ему активно начать участвовать в художественной жизни г. Ульяновск.

Улучшение финансовой основы деятельности театра вызвало налаживание его художественной работы. Выявленный факт нам также доказывает предполагаемый «репертуарный план Ульяновского Большого Театра на зимний сезон 1927/28 г.» (смотри приложение №4) [321, л. 11].

Последние четыре спектакля являлись новыми собственными постановками драматургической труппы указанного учреждения, которые не ставились раньше на его сцене. Данный факт указывает на развитие режиссерской деятельности театра. Служащие ГорОНО считали, что вышеуказанный «репертуар удовлетворяет запросы широких трудовых масс» [321, л. 19], прилагали все возможные усилия по установлению более доступных цен на билеты для населения.

Анализ архивного документа подтверждает, что на сцене театра ставились популярные спектакли главных государственных драматургических арен страны. Доминировали московские постановки, но также включались в этот план пьесы других театральных центров. Данный факт свидетельствует, что художественная жизнь развивалась не только в Москве, но и в других крупных городах государства.

Наличие премьер в репертуаре театра заверяет нас, что Ульяновский театральный центр обладал достаточно хорошо подготовленной труппой. Она состояла на октябрь 1927 г. из двенадцати актрис, четырнадцати актеров, пяти режиссеров, одного декоратора, одного звукорежиссера и пятнадцати человек вспомогательного состава [321, л. 53]. Если же сравнивать художественную работу Ульяновского театра с другими губернскими сценическими сценами, то в Ульяновске духовная жизнь граждан развивалась намного лучше, так как в художественной работе актеров присутствовали собственные постановки. То есть местные спектакли ставились не повсеместно по стране. Об этом свидетельствует репертуар 1927/28 гг. театра имени Волкова города Ярославля (смотри приложения №5) [321, л. 41].

В 1927 г. всем культурным заведениям, которые участвовали в строительстве художественной жизни Ульяновской губернии, работники ГубОНО разослали списки желательных постановок некоторых режиссеров. Одним из них являлся товарищ Мирский (смотри приложение №6) [321, л. 42]. Из рекомендованного списка спектаклей на сцене Ульяновского театра

ставились три постановки. Наличие вообще таких рекомендаций свидетельствует о начале складывания цензуры над художественной жизнью общества. Однако говорить о тотальном контроле над развитием творчества еще не приходится, так как на сцене театра игрались только три спектакля из тридцати семи.

В дальнейшем произведенный комплекс мер местной властью позволил капитально отремонтировать помещения Ульяновского городского театра, в результате чего в нем стали проводиться разнообразные развлекательные мероприятия, например, «вечера, посвященные годовщине Красной Армии» [321, л. 9]. На этих представлениях часто происходило чтение лекций коллективом живой газеты, гимнастическое выступление спортсменов, ставились показы творческой самодеятельности граждан. Указанные мероприятия доказывают, что в конце 20-х гг. XX в. театральная деятельность досуговых заведений Ульяновской губернии вписывалась в программу проведения массово-просветительской работы в обществе.

Таким образом, большевики понимали, что для распространения социалистических идей через отдых населения необходимо построить новую правовую базу функционирования культурно-досуговых заведений, создание которой позволило правительству организовать новые виды театральных и киноцентров: революционные и агитационные театры, кинопередвижки и др. В дальнейшем сохранившиеся дореволюционные классические театры и кинематографы поэтапно включались в проведение просветительских мероприятий в обществе, что вызывало изменение системы управления театральной деятельностью и киноцентров на протяжении 20-х гг. XX в.

Изначально за проведение политики в этой сфере культуры отвечали Политпросветы и Наркомпрос. Регулировали развитие художественной работы театральных и киноцентров губернские и уездные политпросветы, а хозяйственную работу отделы народного образования. Видя отрицательные тенденции развития досуговых организаций в регионе, Ульяновский губисполком, видимо, с разрешения Совета Народных Комиссаров,

реорганизовал систему управления в этой отрасли культуры. Им были учреждены Управление Зрелищными Предприятиями (УЗП) и Управление Театром (УТ), отвечающие за хозяйственное положение учреждений в области досуга населения. Политпросветы же продолжали заведовать развитием художественного творчества деятелей искусства. ГубОНО теперь начал рассылать списки желательных «надежных», «выдержанных» театральных спектаклей и кинокартин.

Экономический кризис в стране в начале 1920-х гг. отрицательно отразился на развитии кино и театрального творчества. Правительству из-за дефицита бюджета государства пришлось прекратить финансирование данных развлекательных центров и произвести частичную их приватизацию. Об этом свидетельствует постановление «Об организации фото-кино в РСФСР» от 1922 г., теперь допускалась жесткая конкуренция между развлекательными учреждениями, из-за этого они были на грани разорения, что ухудшало качество их художественной работы.

Сложившаяся негативная ситуация в кино и театральном искусстве требовала от советской власти принять комплекс мер для её ликвидации. Вследствие этого, во-первых, были организованы УЗП и УТ, которые следили за финансовыми поступлениями в театральные и киноучреждения; во-вторых, ГубОНО становился главным арендодателем помещений для этих заведений, это позволило установить контроль над стоимостью аренды; в-третьих, ответственным органом за хозяйственное развитие указанных центров назначался Народный Комитет Внутренних Дел. В итоге в конце 1920-х гг. материальное положение досуговых организаций улучшилось.

Преодоление экономических трудностей способствовало налаживанию художественной работы театральных и киноцентров в конце 1920-х гг. Об этом свидетельствует следующий факт. В Ульяновском городском театре выступали две труппы: одна – по драматургии, другая – по оперетте. Местные режиссеры могли ставить собственные постановки, что не было характерно для других губернских театральных сцен. Все же в

репертуарах досуговых центров в основном доминировали по настоящему желанию правительства выдержанные советские постановки, что содействовало изменению сознания граждан, в том числе и представителей творческой интеллигенции. Однако говорить о существовании жесткой цензуры над художественной работой представителей искусств в Симбирской (Ульяновской) губернии пока приходить не приходится, хотя в конце десятилетия партийный контроль усилился над их деятельностью.

2.4 Спортивное движение в крае

Знание истории формирования физической культуры в 20-е гг. XX в. дает возможность осуществить прогнозирование развития спортивного движения уже в современной России. Предпосылки формирования отечественного спорта заложены на начальном этапе строительства советского государства. Первые годы данного этапа являлись периодом, когда правительство только приступило к трансформации спортивной жизни населения страны. Поэтому исследовать поднятую тему необходимо для проведения изменений в жизнедеятельности сегодняшнего российского общества.

Большинство ученых (Б.Р. Голощапов, Т.В. Сарычева, О.М. Цуканова и др.) сходятся во мнении, что одним из российских феноменов начала XX в. являлось зарождение советской физической культуры. Это определяется тем, что многие спортсмены, врачи, активисты спорта не покинули страну в 1920-х гг., например, тяжелоатлеты – питерские братья Пендер, М.М. Рассо-Ермолов, борец А.В. Северов, легкоатлеты – М.Л. Бархаш, Н. Владимиров, Б. Котов, Н.А. Хорьков, метатель диска – Сукатнек, лыжники – М.М. Гостев, А.И. Немухин, теннисист – А. Аленицын. Они пережили трудное время, связанное с войнами и революциями, и продолжали

после трагических событий принимать участие в спортивной жизни государства.

Участие их в спортивной жизни общества вызвал спор о методах и формах развития физической культуры населения. Представители государственной идеологии указывали на элитарность спортивного движения в стране, это, по их мнению, мешало создать пролетарскую физическую культуру общества. Сведения из архивных документов по работе с молодежью указывают, что «главная задача и цель пролетарской физической культуры: всестороннее воспитание личности, подготовка к труду и обороне, развитие необходимых гигиенических навыков и желательное особое развитие физкультуры среди пионеров...» [318, л. 10]. Поэтому обсуждалась тема о сохранении таких спортивных игр, как теннис, футбол, баскетбол по причине присутствия в них процессов состязания и соревнования. Через формирование физической культуры планировалось подготовить защитников социалистического отечества, строителей советского будущего, а достижения в развитии спорта являлись доказательством преимущества социализма над капитализмом, то есть спортивное движение являлось средством изменения сознания граждан.

Сложившаяся ситуация в стране требовала принятия законодательных актов для начала формирования массового спортивного движения в стране. Правительство решило провести «1-й Всероссийский Съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке», который проходил в Москве 3-8 апреля 1919 г. Инициатива его проведения исходила от наркома по военному делу Л. В. Троцкого, он видел потенциал физической культуры для решения многих задач государства. Мероприятие собрало 116 делегатов. При открытии его главным инспектором Всеобуча Е.И. Островским было зачитано заочное приветствие от Троцкого. Во время проведения съезда приняли активное участие такие доктора и деятели спорта, как И.Л. Дзевялтовский, Г.А. Дюперрон, В.Е. Игнатъев, В.С. Казанский, М.Я. Пейсин, В.Н. Песков, А.А. Переселенцев, Е.П. Радин, Д.М. Ребрик,

М.Г. Собецкий, Шифман. Перед закрытием его участники направили резолюцию Совету Народных Комиссаров, в которой указывался регулятор организации устройств спортивных мероприятий. На основе её СНК 20 октября 1920 г. учредил высший и местный совет физической культуры (ВСФК И МСФК) [137]. Таким образом, к началу 1920-х гг. государственные деятели создали правовую базу функционирования учреждений спорта и физической культуры.

Председателем ВСФК РСФСР был назначен нарком здравоохранения Н.А. Семашко, данное учреждение руководило организацией мероприятий по развитию физической культуры. Служащие МСФК координировали деятельность всех заведений, которые хоть как-то, но участвовали в процессе формирования физкультуры в регионах. Администрация же данного совета вместе с докторами создавали методику проведения спортивных занятий [271, л. 1]. Кроме этого, в Симбирской губернии на МСФК возлагалась обязанность следить за состоянием здоровья работников местных органов управления. «В губернский совет физкультуры. На Ваш запрос №329 от 24 ноября 1922 г. сообщается, что обследование работы по физической культуре Вам разрешается произвести в ГубОНО и ГубЗдраве, что же касается Губкома КСМ и ГСПС, то таковые не являются под ведомством ГИК, и за разрешением о производстве обследования Вам надлежит обращаться к ним непосредственно» [304, л. 64]. Следовательно, начало деятельности указанных советов систематизировало строительство физической культуры в стране и его регионах.

ВСФК устраивал на протяжении всего десятилетия всеобщие спартакиады. Они освещались повсеместно в стране периодическими изданиями, в том числе и в Симбирской губернии: «Всеобуч и спорт» (1922-1923), «Спорт» (1922-1923), «Физическая культура» (1922-1923), «Известия спорта» (1923), «Известия физической культуры» (1924-1927) и др. Это популяризовало физкультуру среди граждан, что способствовало повышению доверия населения советскому правительству. В организации спортивного

движения в государстве того периода приняли участие такие педагоги, врачи, журналисты и общественные деятели, как Г.К. Бирзина, Л. Геркан, Г.А. Дюперрон, В.К. Крамаренко и др [201], которые были известны в царской России своими организационными успехами по проведению выступлений атлетов. Данный факт доказывает о неотстраненности интеллигенции в развитии определенных отраслей культуры России.

Изучение архивных документов доказывает, что МСФК Симбирской (Ульяновской) губернии взаимодействовал с местным отделением Всеобуча, который изучил итоги формирования физической культуры в Симбирском уезде на 1 июля 1922 г. [304, л. 40-40 об]. По причине лучшего понимания сложившейся ситуации в уезде, отчет разделен на отдельные темы: трудовые процессы, гимнастика, спортивные состязания, спортивные игры и духовные процессы.

Служащие всеобуча установили, что спорт являлся одним из методов трансформации экономической базы в уезде. Учитывая природные условия края, более быстрые темпы развития могли бы получить такие отрасли, как рыболовство и лесное хозяйство. Однако из-за плохого управления трудовыми процессами они не развивались. В занятиях физической культуры населения доминировала гимнастика, по причине малой потребности в тренажерах. Исключением являлась аппаратная гимнастика. Спортивные игры организовывались по причине оздоровления молодежи, так как состояние здоровья молодого поколения являлось неудовлетворительным. Например, устраивались соревнования по легкой и тяжелой атлетике, в том числе и мероприятия по самообороне. Они способствовали формированию допризывной подготовки у юношей. Ведь на эти состязания направлялись в обязательном порядке призывники, добровольно их посещали девушки [304, л. 81].

Для полномасштабного влияния спорта на общественную жизнь провинции организовывались спортивные кружки, что повлияло на сохранение проведения игр соревновательного характера в спортивном

движении. Ведь через гимнастические коллективные упражнения воспитывалась дисциплина у граждан, а для всестороннего развития человека необходим игровой процесс. Ведь свободные движения в процессе состязания развивали у участников личностные качества, как творчество, мышление, память, физические особенности людей. Поэтому в проведении будущих подобных мероприятий планировалось соединить в единое целое физическое и духовное воспитание, дабы создать здоровую обстановку для населения. Для дальнейшего развития физической культуры населения устраивался анкетный опрос граждан об их спортивных увлечениях и интересах [304, л. 81 об].

Таким образом, на примере Симбирского уезда можно установить общие черты развития спорта в губернии на начало 1920-х гг. Итак, физическая культура являлась средством развития промышленности региона. Однако из-за плохого руководства трудовыми процессами достигнуть определенных результатов не получалось. Данная деятельность осложнялась экономическим кризисом в губернии. Он оказывал негативное влияние на формирование спортивной жизни населения, не хватало финансирования на покупку спортивного инвентаря. Все же местная власть понимала роль спортивных мероприятий в изменении общества, поэтому она находила средства на проведение коллективных и индивидуальных состязаний, так как они были залогом успешного всестороннего развития человека. Это понимали девушки, они активно посещали их. В дальнейшем планировалось связать физическую и духовную культуру социума в единое целое.

В дальнейшем Высший Совет Физической Культуры большое внимание уделял развитию спорта в школах. Из-за этого в систему образования, в том числе в Симбирской (Ульяновской) губернии, приказом от 31 октября 1921 г. встраивались территориально-окружные школьные комиссии [271, л. 8]. В них входили грамотно подобранные педагоги по физкультуре. Работа указанных организаций в начале 1920-х гг. начинала только формироваться. В основном их сотрудники стали осуществлять

контроль над физическим воспитанием детей и следить за состоянием спортивного инвентаря в заведениях [238, д. 231, л. 4].

Для регулирования работы этих комиссий ВСФК выслал инструкцию их работникам. В ней указывалось, что «помимо общих задач, которые стоят перед представителями наробраза в школьном комитете, а именно, возможное планомерное проведение физкультуры в 1 и 2 ступенях школах. На педагогах лежит ответственность за педагогическое проведение физкультуры, при котором физическая культура является не только средством физического воспитания, но и действовала на психику ребенка, развивала в нем внимание, память, активность и прочие душевные способности» [271, л. 18]. То есть, учителя теперь начинали следить за соответствием физических упражнений с возрастом школьника. Они не давали свыше максимальной физической нагрузки на учащегося, при которой не происходило его переутомление, дабы не замедлить развитие детского творчества. Все устраиваемые состязания носили коллективный характер из-за приобщения к совместной трудовой деятельности. Таким образом, создание школьных комиссий нормализовало проведение занятий по физкультуре в учебных заведениях.

В свою очередь, нестабильная международная обстановка повлияла на характер проведения занятий по физической культуре в советских школах. Указанный предмет занятий включал в себя военные элементы физических упражнений в старших классах. Кроме военной подготовки на уроках физкультуры, в школах проводилась военизация. «Элементы военной подготовки должны пронизывать весь быт школы, не столько как усвоение военных знаний, а сколько в смысле воспитания в учащейся молодежи психологических и физических качеств, нужных для обороны. Война требует от человека, принимающего участие в ней, крайних напряжений его физических и психологических сил, высокого состояния психологических и физических качеств. В интересах обороны страны недостаточно заботиться лишь о привитии военных знаний. Вместе с этим нужно воспитать личность

так, чтоб безболезненно и без ущерба для себя переносить все тяготы походной службы, воспитать в ней нужные в бою моральные качества. Поэтому к вопросу о военизации школы нужно подходить, прежде всего, со стороны воспитания. Обучить легко – воспитать трудно, но, тем не менее, нужно. Предварительная физическая подготовка должна быть закончена к моменту вступления в армию. Эту работу должна выполнить школа...» [318, л. 12].

Военизация в школе включала в себя раскрытие военных тем на уроках. Главная задача, стоящая перед ней, – сформировать у граждан такие физические и психологические качества, которые необходимы в обороне государства. Всестороннее развитие учащегося позволяло сохранить ему жизнь в критической общественной обстановке. Итог военно-патриотического воспитания личности – подготовка такого молодого человека, который способен нести военную службу в любых условиях. Для этого необходимо было изменить его сознание и развить в нем патриотизм.

С постепенным налаживанием дипломатических отношений советского государства с другими странами военизация в школах и общественной жизни населения становилась второстепенной. В это же время в стране начинала проводиться новая экономическая политика, которая потребовала пересмотреть взгляды на развитие спорта. В связи с этим в 1924 г. был принят декрет о физкультуре. В проекте, которого пленум ВСФК указывал на «роль физической культуры в социалистическом строительстве страны» [292, л. 49]. Органы власти, участвующие в процессе формирования спортивной жизни общества, обязывались руководствоваться данным постановлением. Это вызвало расширение количества ведомств, которые теперь обязывались проводить различные активные общественные мероприятия.

О необходимости изменения направления развития спортивного движения указывалось на съезде ВСФК в 1925 г., во время его проведения обсуждались «практические мероприятия, обеспечивающие успешное

развитие физической культуры» в советской республике [292, л. 49]. К ним относились и школьные олимпиады в губерниях. Например, такое подобное мероприятие было проведено в Ульяновске с 14 по 15 июня 1925 г., начиная с 3 часов дня и заканчивая в 9 часов вечера. Участники делились на две категории: профессионалы и любители. В командных соревнованиях состязались у мужчин 5 человек, у женщин – 3 человека. «Программа для мужчин 1-ой и 2-ой категории: шестиборье, 1000-метровый бег, метание диска, толкание ядра, прыжки в высоту и в длину с разбега, эстафета по 5х100 метров; для женщин: бег 100 метров, бег 500 метров, метание диска, прыжок с разбега в высоту, эстафета 3х60 метров. Индивидуальные выступления пройдут после коллективных. В первый день – бег, во второй день – все остальное. Подобрать спортсменов для городской олимпиады, мужчин 10 человек и женщин 5 человек с организации...» [314, л. 23].

В этом мероприятии принимали участие следующие заведения: школа №1, школа №2, школа №3, школа №4, школа №6, школа №7, школа РСПС, школа МХЖД, школа КНМ, Орловская школа, строительный техникум, землеустроительный техникум, РабФак. На соревнования также отправили своих атлетов Патронный завод и ГубОНО.

Перед открытием школьной олимпиады у мужчин добавились еще несколько коллективных состязаний: забег на 5 и 10 км. Расстояния внушительные. Включение таких забегов в соревнования свидетельствует о положительных тенденциях развития легкой атлетики. Каждое учреждение, участвующее в кроссах, выдвигало по 5 человек. Шестиборье было заменено на фехтование, где лучшие результаты были у представителей ГубОНО. То есть программа местной спартакиады изменялась включительно до дня открытия её, что доказывает о несогласованности местных органов управления в организации данного мероприятия.

Служащие ГубОНО участвовали в индивидуальных прыжках с разбега среди мужчин. Самый лучший результат был у спортсмена Иванова – 9 м 62 см, за ним следовали спортсмены Долганов – 9 м 50 см и Семин – 9 м

45 см. Различие в результатах являлось минимальным, что свидетельствует о культивировании этого вида спорта у населения. Дополнительно прошли индивидуальные соревнования по тяжелой атлетике. В протоколах по этому состязанию не значилась категория тяжелого веса. Данное обстоятельство подтверждает, что им только начинали интересоваться граждане, но достижения уже имелись. Максимальный жим двумя руками составил 199 кг, а минимальный – 134 кг.

Изменение места женщины в обществе отразилось на проведении данного спортивного мероприятия. Девушки активно участвовали в нем, устраивались коллективные и индивидуальные женские соревнования. Однако акцент был сделан на коллективных состязаниях, что свидетельствует о воспитании коллективизма в обществе. Спортсменки показывали довольно хорошие результаты, которые приведены в таблице. Данные свидетельствуют о развитии физической культуры среди женского населения (смотри приложение №7 и №8).

В женских коллективных соревнованиях состязались учащиеся школ №3 и №7. В индивидуальных состязаниях принимали участие служащие ГубОНО. Они активно себя проявили в метании диска и в забеге на 100 метров, а школьницы – забег на 100 метров и 500 метров, эстафета, метание диска и прыжки в высоту. Наилучший результат в беге на 100 метров – 13,77 с., 500 метров – 1,3 мин., эстафете – 27,7 с., прыжках в высоту – 1,20 метров, метании диска – 17,38 метров [314, л. 5-53].

Результаты соревнований доказывают, что центром подготовки спортсменок в Ульяновске являлись только эти заведения (ГубОНО, школы №3 и №7). Сложившиеся обстоятельства свидетельствуют, что спорт среди девушек не был развит повсеместно. Однако девушки могли при желании спокойно участвовать в развитии физической культуры города, губернии, то есть создавалось равноправие социального положения женщины и мужчины.

После городской олимпиады последовало другое знаменательное событие – баскетбольный чемпионат г. Ульяновска.

В этом чемпионате принимали участие все существующие на то время баскетбольные команды города. Наилучшие – это КиСи и УтКом. Интересно, что вначале планировалось провести футбол. В протоколах у арбитров значился футбольный матч, который был исправлен на баскетбольный. В этих же документах указывалось состояние поля [314, л. 58-68]. Поэтому, возможно, игра проходила на улице. То есть строились спортивные площадки для массового развития спорта.

Для понимания тенденции развития спорта в Симбирске (Ульяновске) была составлена таблица статистических данных о физкультурных мероприятиях на основе сохранившихся сведений из региональной советской прессы (смотри приложение №9).

Проведенный анализ определил, что развитие спорта в Симбирске (Ульяновске) напрямую было связано с социальной обстановкой горожан. В процессе установления советской власти в регионах страны после гражданской войны ресурсы для проведения различных спортивных мероприятий отсутствовали. Доминировали турниры по шахматам и шашкам в общественной жизни граждан, так как они требовали относительно небольших материальных затрат при подготовке. Только в 1923 г. стали появляться общие соревнования. С этого года устраивались спортивные выступления при просветительских учреждениях, что свидетельствует о создании спортивных кружков, но специализированный клуб еще не функционировал. Изменения начались в 1924 г., стали проводиться не только отдельные выступления, но и губернские чемпионаты по летним видам спорта. В этом же году открылось спортивное клубное учреждение [347]. Постепенно развивались чемпионаты по футболу, баскетболу, появлялось все больше команд. Состязания затрагивали все население края. Они организовывались при заводах. Даже были внутрипартийные подобные мероприятия, например, при ВЛКСМ. Формировался женский спорт, на это указывают частые выступления атлетов во время праздников.

Интересен тот факт, что на протяжении десятилетия соревновались команды железнодорожников и сборная г. Ульяновска [340]. Эти соревнования доказывают, что железнодорожники активно занимались спортивной деятельностью. В 1925 г. окончательно сформулировались внутригубернские чемпионаты по футболу и баскетболу, получили массовое развитие уже новые виды спорта, как борьба, хандбол. Начинали устраивать межгубернские спортивные мероприятия, например, футбольный матч городов Казань – Ульяновск [339]. Дополнительно в газете «Пролетарский путь» публиковались лекции докторов, посвященные развитию физической культуры с учетом биологических особенностей человека.

Начиная с 1926 г., стали проводиться медицинские медосмотры у атлетов. В этом же году устраивались всегубернские зимние соревнования, где доминировал лыжный спорт. В 1928 г. состоялся лыжный забег на 80 км [345]. Дистанция внушительная, что свидетельствует популяризации этого вида спорта у населения края. Продолжал развиваться водный [327], конный [333] и велоспорт [324]. Функционировали тир [348]. Организация таких мероприятий подтверждает, что улучшалось финансирование спортивных состязаний. Данный факт способствовал открытию новых площадок (водная станция [350] и стадион [249]). Проведение государственных празднеств уже не мыслилось без массовых выступлений представителей спортивных кружков и клубов [336]. Таким образом, в конце десятилетия спорт был полностью включен в культурную жизнь горожан.

В 1927 г. была создана методика проведения занятий по физкультуре в учебных заведениях. В её подготовке принимали участие доктора Ульяновской губернии. Одна из таких методических рекомендаций составлялась господином Сталесковым. Он разделил школьников по возрасту и в каждой возрастной группе выделил биологические особенности в отношении занятия спортом.

В общей части рекомендаций доктор подчеркивал, что спорт необходим для духовного и физического развития человека. Физкультура

являлась на тот исторический момент, по его мнению, особым составляющим в социалистическом воспитании детей. Поэтому занятия по физической культуре в школах обязательны, но необходимо учитывать состояние здоровья школьников. Вследствие этого ребят со слабым здоровьем объединяли в специальные группы, что происходит и по сей день. Метод проведения занятий являлся простым и понятным для учащихся, но прежде педагогу рекомендовалось определиться, какой цели он хочет достигнуть в физическом развитии ребенка.

В медицинских исследованиях врач указывал, что в младшем возрасте у ребенка здоровье очень слабое. В этом возрастном периоде у учащегося могут возникнуть проблемы с искривлением позвоночника. Поэтому на уроках физкультуры занятия начинались с укрепления организма школьника через амплитудные движения, закаливание и дыхательную гимнастику. Для этого устраивались простейшие игры с пением на воздухе, гимнастические упражнения с элементами равновесия. Для духовного развития рекомендовалось соединить в единое целое изобразительные и гимнастические упражнения.

В возрасте ребенка от 9 до 12 лет врач советовал учителям на занятиях по физкультуре следующий факт – организм учащегося в этом возрасте начинает быстро изменяться. Могут возникнуть проблемы с кровообращением, которые напрямую влияли на работу мозга ребенка. Вследствие этого здоровье школьника укреплялось через развитие мускулатуры, плавание и проведение занятий на улице зимой. По этой причине доктор рекомендовал проводить занятия на льду, по скалолазанию и плаванию, в том числе забег на лыжах, гимнастические упражнения на снарядах, а также проведение более сложных коллективных игр. Для духовного воспитания следует устраивать экскурсии по культурным значимым местам региона, так как в этот возрастной период у человека начинает развиваться биографическая память.

В последней части медицинских рекомендаций профессор рекомендовал ознакомиться с особенностями переходного периода, который ярко выражался у девочек, и учитывать их при проведении занятий по физкультуре. Для успешной социализации учащегося происходили изменения в образовательной школьной программе. Школьники начинали участвовать в сложных играх на публике для воспитания подрастающего поколения в духе коллективизма. Усложнялись гимнастические упражнения, добавлялись новые занятия по легкой атлетике, по плаванию. В этом возрасте ученики начинали увлекаться тяжелой атлетикой. Данный интерес способствовал развитию военной подготовки на уроках физкультуры, которая выражалась в верховой езде, стрельбе и шестиборье. Поскольку влияние физической культуры на здоровье ученика в то время научно не полностью было исследовано, то на педагогов советская власть возлагала ответственность за наблюдение биологических изменений подрастающего поколения и передачу выявленных сведений на анализ ученым [318, л.7-8 об].

Дальнейшее изучение архивных дел характеризуется последовательным развитием спортивной жизни Ульяновской губернии, которая постепенно усложнялась. Изменения отражались на деятельности местного совета физкультуры. Ярким примером является план работы Ульяновского Губернского Совета Физической Культуры «на январь – февраль 1927 г.» [304, л. 162].

В документе указывается, что местная власть организовывала освещение вопросов физкультуры для жителей, чтобы они знали информацию о жизни в данной сфере населения. По причине соответствия развития физической культуры губернии с общегосударственной служащие волостных комитетов и администрация спортивных кружков выписывали всесоюзную периодику. После её изучения они устраивали тематические вечера для молодежи, то есть создавались все условия для добровольного участия граждан в спортивной жизни региона. Примером данного факта

является увеличение количества выступлений спортсменов, что способствовало улучшению дисциплины атлетов. Налаживание работы спортивных кружков позволило советской власти донести значение женского спорта до деревень, так как МСФК создавал для этого разнообразные программы выступлений спортсменок.

В конце 20-х гг. XX в. государственные лидеры физическую культуру использовали для социалистического строительства общества повсеместно, но особенно в сельской местности. Обследовались множество поселений в регионах страны правительством, им установлены неудовлетворительные результаты от деятельности общественных организаций. Поэтому для исправления ситуации в деревне в 1927 г. всем местным исполкомам направлялось инструкционное письмо. Оно было получено и Ульяновским губернским исполкомом. В архивном источнике указывалось: «если раньше, в силу объективных условий, физкультура стояла на заднем плане, то теперь положению вещей должен быть положен конец. УОНО и учительство должны вплотную подойти к задачам физкультурного воспитания. С этой целью необходимо, прежде всего, используя учителей, участковых врачей, ячейки ВЛКСМ, путем лекций, показательных выступлений поставить этот вопрос перед населением и общественными органами. Осветить со всех точек зрения и выявить его важность» [318, л. 1]. Таким образом, развитие спорта в селах главным образом стало происходить через учебные центры. То есть школа продолжала являться центром просвещения в поселениях, но не единственным. Об этом мы узнаем дальше, изучая данное письмо.

Попутно увеличивалось количество партийных и спортивных кружков при избах-читальнях, совхозах, фабзавучах и других учреждениях. Крестьяне хотели увидеть воочию осуществление лозунга «лицом к деревне». Вследствие этого вся работа культработников постепенно стала отвечать интересам жителей сельской местности, в том числе и по отношению к спорту. Они воспринимали участие в спортивных состязаниях как новый

способ отдохнуть [318, л. 2]. Таким образом, советская власть задействовала все новые ресурсы для успешного социалистического строительства деревни.

Данная работа, особенно в сельской местности, была необходима. Требовалось срочно предпринимать меры по улучшению здоровья населения и эпидемиологической ситуации в Симбирской (Ульяновской) губернии, которую относили к регионам, где население голодало. Советская власть с 1923 г. выделила ряд территорий, где существовала такая проблема: «Саратовская губерния, Царицынская губерния, Уральская губерния, Челябинская губерния, Симбирская губерния – в Симбирском и Ардатовском уездах собрано 195 миллионов единиц налогообложения, остальных сведений нет; Немецкая коммуна в городе Марксшадте проводит частичное самообложение. В уездах в связи с голодом самообложения нет: Киргизская республика, Марийская область, Вятская губерния» [274, л. 21].

Сам голод присутствовал на протяжении всех 20-х гг. XX в., об этом свидетельствуют сведения из архивных дел, характеризующие здоровье школьников. «По данным обследования с 15 января по 16 февраля 1928 года губздравики состояние здоровья детей представлено в следующем виде. Здоровых – 39%, больных – 61% (вместо 69% по прошлому году). Из них страдающих малокровием 26,5%. В прошлом году тиф перенесли 60% школьников. Теснота помещений, наличие всех неблагоприятных условий, недостаточное медицинское наблюдение, занятие физкультурой в антигигиенических условиях – все это неблагоприятно влияет на состояние здоровья детей...» [319, л. 26]. Последствия недоедания ярко выражались на детском здоровье. Из архивных данных видно, что 26,5% школьников болели малокровием, а эта болезнь вызывалась голодом. Множество же других недугов появлялись из-за плохих санитарных условий в учебных заведениях. Для исправления ситуации применялись комплексные меры, где важное место занимали занятия по физической культуре. То есть развитие спортивной жизни общества способствовало улучшению социального, культурного, экономического положения регионов страны.

Таким образом, в процессе изучения данной темы установлено, что социально-культурная значимость спортивного движения в Симбирской (Ульяновской) губернии в 20-е гг. XX в. определялась как единый вид общественной деятельности, которая была направлена на формирование психологического и физического потенциала жителей края. Региональная власть понимала значимость спорта и использовала его для удовлетворения культурных потребностей населения, а также через его популяризацию обеспечивала здоровье и трудовую активность граждан, всестороннее развитие личности. С целью регулирования процесса формирования внутреннего мира человека происходило изучение физического и духовного его развития. Поэтому в конце 1920-х гг. органы власти для сотрудников спортивных учреждений подготовили разнообразные рекомендации по построению их работы.

Для проведения плановой политики правительством в области физической культуры населения требовалось создать правовую базу функционирования объединений, представляющих спортивное движение в стране. Однако создание её осложнялось непониманием советской властью, каких результатов она хочет добиться в социуме от формирования физкультуры, так как имелся спор среди интеллигенции о соотношении игр состязательного характера с идеями пролетарской культуры. Поэтому для решения этого вопроса пришлось вмешаться государственным лидерам страны. Для регулирования развития спортивного движения они учредили Высший и Местные Советы Физической Культуры. Эти советы сотрудничали со многими общественными и государственными организациями. В Симбирской (Ульяновской) губернии МСФК взаимодействовал с Всеобучем с целью заинтересовать людей развивать физическую культуру региона. В дальнейшем в систему образования края встраивались специализированные школьные комиссии. Их деятельность позволила исполкомам систематизировать физическое воспитание учащихся. Подготовленные рекомендации региональной властью при сотрудничестве с интеллигенцией

позволяли организовывать новые массовые мероприятия по различным видам спорта. В крае проходили соревнования по легкой и тяжелой атлетике, по конному, водному и велоспорту, по самообороне, спортивные олимпиады, чемпионаты по футболу и баскетболу, шахматные и шашечные турниры.

Видоизменение физической культуры помогло большевикам воспитывать защитников социалистического отечества, проводить оздоровление населения. На состязания в обязательном порядке направлялись призывники, активно привлекались девушки. Центром развития женского спорта являлись школы №3 и №7. Их учащиеся участвовали в городских соревнованиях, тем самым показывалась гражданам значимость женщин в жизни общества. С решением многих внутренних проблем в конце 1920-х гг., мешающих нормальному функционированию спортивных кружков и клубов, позволило большевикам государственную идеологию донести до крестьян. В первую очередь в устройстве подобных мероприятий отличились работники Патронного завода г. Ульяновска и Железной дороги. Они на протяжении 10 лет активно развивали спортивное движение в поселениях губернии.

Во время проведения спортивных выступлений культработники закрепляли в обществе важные темы: в начале 1920-х гг. – военно-патриотическое воспитание граждан, во второй половине десятилетия – политическое просвещение людей. Достижения в спорте являлись подтверждением преимущества социализма над капитализмом, то есть происходило изменение сознания и мышления человека. Однако труднее всего данная деятельность осуществлялась в сельской местности из-за патриархального уклада жизни крестьян. Поэтому в конце 20-х гг. XX в. расширилось количество спортивных кружков при общественных организациях, деятельность которых охватывала фактически все деревни и села Симбирской (Ульяновской) губернии. К началу 1930-х гг. в регионе действовали новые спортивные площадки, водная станция и стадион.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в настоящей работе изучение процессов формирования культурной жизни 20-х гг. XX в. на территории Симбирской (Ульяновской) губернии свидетельствует как об общегосударственном характере их развития, так и о наличии региональных особенностей социокультурного строительства выбранного региона.

Произошедшие социально-экономические перемены в России в результате Октябрьской революции 1917 г. содействовали началу новому этапу развития духовного мира общества. Основным тезисом культурной политики советского правительства в 1920-е гг. стало уничтожение старой «царской» культуры и строительство новой, «пролетарской».

Осуществление установленной идеи было невозможно без управления и координации деятельности всех культурных, досуговых, просветительских и других учреждений страны. В ходе реализации образовательно-просветительских программ появился ряд трудностей, который стал причиной создания новой системы управления политики в сфере культуры государства.

Процесс развития культурной жизни населения Симбирско-Ульяновского Поволжья в данный исторический период можно разделить на два этапа: первый (1921-1924 гг.) – становление советской власти в губернии и сохранение в определенной степени свободы творчества деятелей искусства; второй (1925-1930 гг.) – утверждение центральных принципов функционирования культурной политики советского государства и постепенное создание контроля над процессами в обществе.

Каждый этап имеет свои отличительные особенности развития указанного региона. Первый этап характеризуется существованием в определенной степени самостоятельности в деятельности служащих местной власти по формированию культурного облика населения. Отсутствие унифицированной системы управления в советском государстве в начале

1920-х гг. давало возможность ГубОНО, ГорОНО, УОНО и ВолОНО действовать независимо от Наркомпроса при решении некоторых проблем. Сложившаяся ситуация повлияла на возникновение недопонимания во взаимодействии между военными комитетами, региональными ячейками, партией РКП (б) и губернским исполкомом. Вследствие этого, сложилась парадоксальная ситуация в крае, когда различные институционально-отраслевые формы культуры находились в ведении сразу нескольких автономных по отношению друг к другу ведомств.

На процессе культурного строительства Симбирской (Ульяновской) губернии в начале десятилетия сказывались последствия гражданской войны и социально-экономические изменения в общественных отношениях граждан. Поэтому региональные отделения РКП (б) и военные комитеты опосредованно принимали участие в проведении культурно-массовых мероприятий в регионе. Если они и участвовали в организации их, то это проявлялось в проведении советской агитации во время государственных праздников, так как власть в первую очередь занималась восстановлением экономической основы функционирования провинции и попутно устранением правонарушений из социума.

По указанной причине изменилась финансовая обеспеченность деятельности досуговых учреждений губернии. Они перешли на самоокупаемость. Художественные коллективы из-за боязни банкротства устраивали популярные западноевропейские зрелища. В то же время центральная власть от них требовала устраивать развлекательные мероприятия с идеологически выдержанной программой, но деньги на это не выделяла. Это затрудняло распространение социалистической идеи через художественное творчество культработников просветительских учреждений.

В региональных этнокультурных и религиозных процессах также не существовало конкретной цели, которой местная власть должна была достигнуть. Сложившаяся ситуация затрудняла работу местных исполкомов. У коренных народов «восточной культуры» существовала свобода в

национальном творчестве, а в общественной жизни этносов «христианской культуры» присутствовала цензура над творческой самостоятельностью. Поэтому, чтобы устранить недопонимание между представителями разных национальностей на бытовом уровне, проводились массовые общекультурные мероприятия, которые бы объединяли людей.

Проведенный анализ формирования культурной жизни губернии 1921-24 гг. свидетельствует о том, что региональная власть имела определенную независимость в выборе приоритетных направлений по изменению провинциальной культуры. Однако развитие свободы в деятельности местных органов управления в дальнейшем постепенно устранялось советским правительством.

В художественной работе досуговых учреждений до середины 1920-х гг. выявлены противоречия. С одной стороны, действовали различные творческие коллективы и развивались разные направления в искусстве. С другой стороны, происходил процесс формирования цензуры над деятельностью работников культуры. К середине десятилетия все больше появлялось художественных постановок, которые отвечали идеям социализма. Чем больше советское правительство ощущало поддержку граждан, тем меньше свободы оно допускало в культурных процессах социума.

Второй этап развития культуры Симбирской (Ульяновской) губернии характеризуется стремлением преодолеть советским правительством негативной реакции населения на его деятельность. Поэтому стал осуществляться переход к новой экономической политике. Тогда же местная власть предпринимала все имеющиеся ресурсы для привлечения людей к посещению просветительских и досуговых центров. Работники культурных организаций теперь действовали по единому плану, сначала заинтересовывали посетителей социалистическими идеями, а затем приобщали людей к воплощению их. Вследствие этого выстраивался выдержанный с идеологической стороны репертуар постановок учреждений.

Этому частично способствовало создание нового календаря государственных праздников.

Во время массово-зрелищных мероприятий происходила широкомасштабная агитация посещающих их лиц. Где-то в процессе организации этих мероприятий предпринимались авторитарные действия, которые выражались в установлении жесткой цензуры над художественной работой заведений. Об этом нам доказывает тот факт, что на проведение любых развлекательных и просветительских представлений следовало получить разрешение от ГубОНО, позже – от НКВД.

К середине 1920-х гг. в губернии сформировалась система управления духовными процессами в социуме. Произошла унификация функционирования местных органов управления в регионе. Местные ОНО теперь являлись проводниками установления социалистической идеи в общественном сознании людей в процессе воспитания и обучения их в образовательных учреждениях. Произошло усиление роли отделений ВКП (б) в организации культурно-просветительской деятельности заведений. Властные полномочия частично были переданы парткомам. Об этом доказывает реорганизация деятельности агитационно-пропагандистских отделов при партийных комитетах всех уровней. Теперь именно они отвечали за регулирование художественной работы культурных центров.

В конце десятилетия советской власти удалось частично реформировать общественные отношения в стране и её регионах. Однако новый уклад жизни не воспринимался населением как единый для всех граждан. Люди только начали знакомиться с массовой культурой в её элементарных формах. Однако труднее всего усвоение «пролетарской» культуры происходило в деревне, особенно в тех поселениях, где большой процент из проживавших составляли представители нацменьшинств. Государственные органы власти здесь столкнулись с упорным сопротивлением местных жителей по изменению сознания. Поэтому

ставилась задача перед работниками просветительских учреждений – устранение культурных границ между селом и городом.

К началу 30-х гг. XX в. государственные деятели в России достигли весьма существенных результатов проведения культурной политики. Велась плодотворная работа по ликвидации неграмотности среди граждан, расширялась сеть учреждений массовой культуры, устранялись негативные последствия социальных явлений (беспризорность и неграмотность). Однако, несмотря на усилия многих просветительских, образовательных, досуговых и других центров, окончательно преодолеть существующие проблемы в социокультурном строительстве Симбирско-Ульяновского Поволжья советская власть не смогла. Хотя созданная система руководства по видоизменению культурного облика населения крайне результативно обеспечивала решение основополагающей задачи – распространение и закрепление в общественном сознании людей социалистической идеологии. Данная деятельность способствовала становлению авторитарного контроля над развитием всех аспектов жизнедеятельности целого общества и отдельного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абитов, Р. З. Взаимоотношения крестьянского самоуправления и власти в Симбирской губернии в период изменения социально-экономического уклада в революционное и послереволюционное время : февраль 1917 – 1928 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Р. З. Абитов. – Саранск, 2010. – 23 с.
2. Абрамов, К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917–1920 [Текст] / К. И. Абрамов. – М. : Книга, 1974. – 264 с.
3. Абрамова, Л. В. Семиотика иконы [Текст] / Л. В. Абрамова. – Саранск : МорГУ, 2006 – 167 с. – ISBN 5710314080. – ISBN 9785710314081.
4. Абросенко, К. П. Рост культуры советского общества [Текст] / К. П. Абросенко. – М. : Сов. Россия, 1958 – 220 с.
5. Аверин, М. Б. Государственное управление национальными окраинами Российской империи с середины 60-х годов XIX века до 1914 года [Текст] : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / М. Б. Аверин. – Ульяновск, 1999. – 383 с.
6. Агапов, М. Г. Истоки советско-израильских отношений : «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е – 1930-е гг. [Текст] / М. Г. Агапов. – Тюмень : Вектор Бук, 2011. – 322 с. – ISBN 978-5-91409-2.
7. Агеев, А. В. Развитие физической культуры и спорта на Ставрополье в первой половине XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Агеев. – Ставрополь, 2005. – 24 с.
8. Айвазова, С. Г. Свобода и равенство советских женщин [Текст] / С. Г. Айвазова // Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). – М. : РИК Русланова, 1998. – С. 66-99. – ISBN 5-87414-124-3.
9. Аксенов, В. С. Организация массовых праздников трудящихся (1918-1920) [Текст] / В. С. Аксенов. – Л. : [Б. и.], 1974. – 76 с.

- 10.** Александрова, Е. В. Становление и развитие советской культуры в Российской Федерации, октябрь 1917 – 1927 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Александрова. – М., 2000. – 216 с.
- 11.** Алексеева, Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923 гг.) [Текст] / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1968. – 300 с.
- 12.** Алексеев, П. В. Революция и научная интеллигенция [Текст] / П. В. Алексеев. – М. : Политиздат, 1987. – 272 с.
- 13.** Алешина, А. В. Деятельность клубных учреждений Среднего Поволжья в 30-е годы XX века [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Алешина. – Самара, 2005. – 277 с.
- 14.** Алешкин, П. Ф. Крестьянское протестное движение в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918-1922 гг.) [Текст] : дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / П. Ф. Алешкин. – М., 2012. – 663 с.
- 15.** Алферова, И. В. «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!» : трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917-1927 гг.) [Текст] / И. В. Алферова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 4(10). В 3 ч. Ч. 2. – С. 10-15. – ISSN 1997-292X.
- 16.** Анохина, И. А. Состояние образования среди нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX - начале XX века [Текст] / И. А. Анохина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 39. – С. 239-241. – ISSN 1992-6464.
- 17.** Антонова, М. В. Использование активных форм работы по патриотическому воспитанию студентов при обучении французскому языку [Текст] / М. В. Антонова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2008. – № 11. – С. 107-110. – ISSN 1999-7116.
- 18.** Аншакова, Ю. Ю. Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918-1920 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. Ю. Аншакова. – Самара, 1998. – 19 с.

- 19.** Ариарский, М. А. Прикладная культурология [Текст] / М. А. Ариарский. – СПб. : Эго, 2001. – 288 с. – ISBN 5-8276-0063-6.
- 20.** Арнольдов, А. И. Введение в культурологию [Текст] / А. И. Арнольдов. – М. : НАКиОЦ, 1993. – 349 с. – ISBN 87416-021-3.
- 21.** Арутюнов, С. А. Народы и культуры [Текст] : развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – 250 с. – ISBN 5-02-00-99-23-6.
- 22.** Асабин, И. Ю. Общественно-политическое, экономическое и социокультурное развитие Мордовии середины 1960-х - первой половины 1980-х гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / И. Ю. Асабин. – Саранск, 2009. – 22 с.
- 23.** Астафьева, О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов : возможности и пределы [Текст] / О. Н. Астафьева. – М. : МГИДА, 2002. – 326 с. – ISBN 5-94102-008-2.
- 24.** Афанасьева, Н. В. Становление и развитие лыжного спорта в Чувашии [Текст] / Н. В. Афанасьева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 2. – С. 12-15. – ISSN 1992-6464.
- 25.** Баева, О. В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Баева. – Ростов н/Д, 2007. – 34 с.
- 26.** Баланцев, А. В. Комсомол и русская православная церковь : начало противостояния [Текст] / А. В. Баланцев // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 7. – С. 10-12. – ISSN 1993-5552.
- 27.** Бахмутов, С. Б. Монастыри Мордовии [Текст] / С. Б. Бахмутов. – Саранск : Мордовское кн. изд-во, 2000. – 975 с. – ISBN 5-7595-1439-3.
- 28.** Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1965. – 543 с.

- 29.** Баюра, Л. П. Художественные коллекции Симбирского края. Собиратели. Мастера. Хронисты : конец XVIII - первая треть XX века [Текст] : дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09 / Л. П. Баюра. – М., 2005. – 354 с.
- 30.** Безденежных, А. Ю. Проблема просвещения в деревне в середине 1920-х гг. В контексте крестьянских писем из уральской области [Текст] / А. Ю. Безденежных // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 4. – С. 102-105. – ISSN 2079-8717.
- 31.** Беломоева, О. Г. Универсализм культуры : опыт культурологического анализа [Текст] : дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / О. Г. Беломоева. – Саранск, 2005. – 279 с.
- 32.** Белькович, Н. Н. Социально-культурное строительство в РСФСР [Текст] / Н. Н. Белькович. – М. : Власть советов, 1938. – 32 с.
- 33.** Бердяев, Н. А. Философия Свободы. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
- 34.** Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура [Текст] / В. С. Библер. – М. : Прогресс : Гнозис, 1991. – 176 с. – ISBN 5-01-00-3633-9.
- 35.** Билим, Н. Н. Формирование государственной системы охраны труда и здоровья советской молодежи в 1920-1930-е гг. [Текст] / Н. Н. Билим // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 2(16). В 2 ч. Ч. 1. – С. 41-44. – ISSN 1997-292X.
- 36.** Богатырова, Л. А. Культурное развитие Дагестана в 20-е годы XX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. А. Богатырова. – М., 2009. – 29 с.
- 37.** Богданов, К. А. Фольклорные жанры советской культуры [Текст] / К. А. Богданов. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 363 с. – ISBN 978-5-86793-671-6.

- 38.** Борецкая, Е. В. Библиотеки Карелии. XX век [Текст] / Е. В. Борецкая, С. В. Бреслер, Л. А. Бурмистрова. – Петрозаводск : Периодика, 2008. – 1016 с. – ISBN 978-5-88170-187-1.
- 39.** Борчина, М. А. Культурное развитие в Вятской губернии в 1917-1920 годы [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. А. Борчина. – Киров, 2005. – 18 с.
- 40.** Боффа, Дж. История Советского Союза : пер. с итал. В 2 т. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917-1941 / Дж. Боффа. – 2-е изд. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 628 с. – ISBN 5-7133-0544-9.
- 41.** Бурнаев, А. Г. Культурная модель мордовского танца [Текст] / А. Г. Бурнаев ; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева". – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2007. – 203 с. – ISBN 978-5-7103-1658-0.
- 42.** Булавка, Л. А. Феномен советской культуры [Текст] / Л. А. Булавка. – М. : Культурная революция, 2008. – 288 с. – ISBN 978-5-250-06021-9.
- 43.** Бравина, М. А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны : 1917-1922 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. А. Бравина. – Чебоксары, 2008. – 226 с.
- 44.** Бромлей, Ю. В. Этнографическое изучение функций культуры [Текст] / Ю. В. Бромлей // Традиции в современном обществе : исследование этнокультурных процессов. – М. : Наука, 1990. – С. 5-17. – ISBN 5-02-009963-5.
- 45.** Васильев, Н. Л. Село Рузаевка Пензенской губернии как феномен русской провинциальной культуры XVIII-XIX столетий [Текст] / Н. Л. Васильев // Отечественная культура и развитие краеведения : материалы IV Всерос. науч. конф. – Пенза : Департамент культуры Пензенской области, 2001. – С. 56-87.

46. Васильченко, О. А. Социально-правовое положение семей на советском Дальнем Востоке в 20-30-х годах XX века [Текст] / О. А. Васильченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 2(16). В 2 ч. Ч. 2. – С. 35-37. – ISSN 1997-292X.
47. Верт, Н. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт. – М. : Прогресс-Академия, 1995. – 543 с. – ISBN 5-85864-080-X.
48. Виноградов, А. А. Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья середины XIX - первой трети XX вв. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Виноградов. – Ижевск, 2008. – 26 с.
49. Власов, М. В. Социально-экономические и политические отношения в Симбирской деревне в нэповский период [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Власов. – Ульяновск, 2006. – 237 с.
50. Ворожко, Ю. В. История спортивной науки в новейшей российской историографии : особенности и проблемы развития [Текст] / Ю. В. Ворожко, Е. А. Парыгина // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 321. – С. 154-158. – ISSN 1561-803X.
51. Войнаровская, Ю. В. Население малых городов Поволжья в 1921-1936 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. В. Войнаровская. – Самара, 2009. – 19 с.
52. Волконский, С. М. Мои воспоминания [Текст] / С. М. Волконский. – М. : Искусство, 1992. – 296 с. – ISBN 5-210-02335-2.
53. Воронина, Н. И. Города и люди : культурная идентичность [Текст] / Н. И. Воронина. – Саранск : Красный Октябрь, 2008. – 100 с.
54. Воронина, Н. И. Уникальные ценности провинциальной культуры [Текст] / Н. И. Воронина, Е. А. Николаева. – М. : Центр творчества, 1999. – 107 с.
55. Гаврилова, Т. В. Театральное творчество в Пензенском крае в 1920 – 1930-е гг. [Текст] / Т. В. Гаврилова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 362-367. – ISSN 1999-7116.

- 56.** Гаврилова, Т. В. Художественная интеллигенция и художественная культура Пензенского края в 1920-е - 1930-е гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. В. Гаврилова. – Пенза, 2007. – 266 с.
- 57.** Галин, С. А. В. И. Ленин о культурной революции [Текст] / С. А. Галин. – М. : Политиздат, 1980. – 96 с.
- 58.** Гатауллина, И. А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики : социально-экономические процессы и повседневность [Текст] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. А. Гатауллина. – Казань, 2009. – 40 с.
- 59.** Генкин, Д. М. Массовые праздники [Текст] / Д. М. Генкин. – М. : Просвещение, 1975. – 140 с.
- 60.** Гизатулин, Ш. Т. Преступность в российской провинции и борьба с ней в октябре 1917 – 1922 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ш. Т. Гизатулин. – Казань, 2008. – 27 с.
- 61.** Глухова, Т. В. Творческая интеллигенция и власть в период 1920 – 1930-х годов в Среднем Поволжье [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. В. Глухова. – Самара, 2005. – 20 с.
- 62.** Голощапов, Б. Р. История физической культуры и спорта в вопросах и ответах [Текст] / Б. Р. Голощапов. – М. : Академия, 2008. – 312 с. – ISBN 978-5-7695-8001-7.
- 63.** Гончарова, С. В. Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. В. Гончарова. – Чебоксары, 2012. – 23 с.
- 64.** Госткин, И. П. Социально-экономическое развитие Саранска и Саранского уезда Пензенской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. П. Госткин. – Саранск, 2004. – 24 с.

- 65.** Горбунов, В. В. Развитие В. И. Лениным марксистской теории культуры : (советский период) [Текст] / В. В. Горбунов. – М. : Искусство, 1985. – 176 с.
- 66.** Грабарь, Т. Ф. Культурная революция в СССР – составная часть ленинского плана построения социализма (1917-1937 гг.) [Текст] / Т. Ф. Грабарь. – М. : Высш. шк., 1968. – 94 с.
- 67.** Даль, В. И. Словарь живого великого русского языка [Текст] / В. И. Даль. – М. : Вече, 1975. – 3104 с.
- 68.** Данилевский, Н. Я. Россия и Европа [Текст] : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М. : Ин-т русской цивилизации : Благословение, 2011. – 812 с. – ISBN 978-5-902725-73-2.
- 69.** Дегтярев, А. В. Интеллигенция и власть : феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти [Текст] / А. В. Дегтярев, В. К. Егоров. – М. : Новая слобода, 1993. – 87 с. – ISBN 5-86395-065-X.
- 70.** Деканова, М. К. Трансформация Российской праздничной культуры в конце в конце XIX – в первой трети XX века : центр и провинция [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / М. К. Декановна. – Самара, 2009. – 19 с.
- 71.** Демидов, С. М. Г. И. Карпов - историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана [Текст] / С. М. Демидов // Вестник Евразии. – 2001. – № 3. – С. 47-85. – ISSN 1727-1770.
- 72.** Демидова, Т. В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов [Текст] / Т. В. Демидова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 4(18). В 2 ч. Ч. 1. – С. 50 - 52. – ISSN 1997-292X.

- 73.** Денисова, М. А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы [Текст] : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / М. А. Денисова. – Курск, 2010. – 193 с.
- 74.** Дерябина, А. Л. Развитие физической культуры и спорта в Читинской области: 1941-1956 гг. [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / А. Л. Дерябина. – Чита, 2005. – 191 с.
- 75.** Дзанаева, С. Ф. Формирование советского досуга населения Северной Осетии в 1920-х годах [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / С. Ф. Дзанаева. – Владикавказ, 2008. – 17 с.
- 76.** Дик, А. А. Сельская молодежь 1920-х гг.: учеба, досуг, военная служба [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. А. Дик. – Тамбов, 2008. – 26 с.
- 77.** Добрейцина, Л. Е. Художественная жизнь Нижнего Тагила в первой половине XX века [Текст] : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Л. Е. Добрейцина. – Екатеринбург, 2002. – 281 с.
- 78.** Дунаева, Н. А. Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907-1917 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н. А. Дунаева. – Саранск, 2009. – 23 с.
- 79.** Дытынко, Ф. В. Национально-государственное строительство в СССР в 1920-1930-е годы [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ф. В. Дытынко. – М., 2006. – 32 с.
- 80.** Дягилева, Л. А. Несколько страниц из истории развития культуры в Ульяновске и в Ульяновском районе в 20-30-е годы XX века. Библиопоход 1929 год [Текст] / Л. А. Дягилева // Страницы культурной жизни Симбирской губернии – Ульяновской области : сб. материалов межрегион. научно-практич. конф. – Ульяновск : ИП Васильева М. Н., 2012. – С. 144-150.
- 81.** Ерасов, Б. С. Социальная культурология [Текст] : пособ. для студ. высш. учеб. завед. / Б. С. Ерасов – 3-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 591 с. – ISBN 5-7567-0132-X.

- 82.** Еремеева, А. Н. Художественная жизнь Юга России в условиях противостояния, 1917-1920 гг. : содержание и тенденции развития [Текст] : дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / А. Н. Еремеева. – Краснодар, 1999. – 469 с.
- 83.** Завьялова, С. В. Восстание в Поветлужье как часть крестьянской войны 1918 года [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / С. В. Завьялова. – Нижний Новгород, 2012. – 30 с.
- 84.** Зеткина, И. А. Становление и развитие национального просветительства в Поволжье [Текст] : автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / И. А. Зеткина. – Саранск, 2005. – 40 с.
- 85.** Иванова, Г. А. Профессиональное образование библиотекарей как специалистов по работе с детьми : становление и тенденции развития [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук: 05.25.03 / Г. А. Иванова. – М., 2002. – 282 с.
- 86.** Игишева, Е. А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии [Текст] : дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.09 / Е. А. Игишева. – Екатеринбург, 2010. – 588 с.
- 87.** Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура : природа, типология, феномены [Текст] : дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Н. М. Инюшкин. – Саранск, 2005. – 325 с.
- 88.** Иманакова, Е. Г. Художественная жизнь Восточного Забайкалья как явление культуры второй половины XIX – первой четверти XX вв. [Текст] : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Е. Г. Иманакова. – Улан-Удэ, 2002. – 229 с.
- 89.** Исмагилова, Г. Ш. Школы и культурно-просветительные учреждения Зауралья Башкирской АССР в 1917 – 1985 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Г. Ш. Исмагилова. – Уфа, 2007. – 25 с.
- 90.** История советской архитектуры. 1917-1958 [Текст] : [учеб. пособие для архитектурных вузов и фак.] / Акад. строительства и архитектуры СССР, Ин-т теории и истории архитектуры и строит. техн. – М. : Госстройиздат, 1962. – 347 с.

91. Какурин, Н. Е. Гражданская война, 1918-1921 [Текст] / Н. Е. Какурин, И. И. Вацетис ; под ред. А. С. Бубнова [и др.]. – СПб. : Полигон, 2002. – 672 с. – (Великие противостояния). – ISBN 5-89173-150-9.
92. Калачева, О. В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника [Текст] : (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периода) : автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / О. В. Калачева. – М., 2003. – 22 с.
93. Калл, В. В. Geschichte Евангелической лютеранской конгрегации в Советском Союзе, 1917-1938. [Текст] / В. В. Калл. – М. : Готика, 2002. – 580 с.
94. Кананерова, Е. Н. К вопросу об основных этапах и направлениях развития советской аграрной историографии [Текст] / Е. Н. Кананерова // Вестник Астраханского гос. техн. ун-та. – 2009. – № 1(48). – С. 127-130. – ISSN 1812-9498.
95. Карпов, Г. Г. Партия и культурная революция в СССР [Текст] / Г. Г. Карпов. – М. : Госполитиздат, 1957. – 72 с.
96. Карпова, Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений [Текст] : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Г. Г. Карпова. – Саратов, 2001. – 157 с.
97. Кассирер, Э. Философия символических форм [Текст] = Philosophie der symbolischen formen / Э. Кассирер ; [пер. с нем. А. М. Руткевича]. – М. : Академический проект, 2011–. – (Философские технологии). – Т. 1. Язык = Die Sprache / [пер. с нем. С. А. Ромашко]. – 2011. – 270 с. – ISBN 978-5-8291-1338-4.
98. Квакин, А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа, 1921-1927 [Текст] / А. В. Квакин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 176 с. – ISBN 5-292-00204-6.
99. Кильдюшкина, Т. И. Социокультурное развитие Мордовского края в конце XIX – начале XX вв. : [Текст] дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Т. И. Кильдюшкина. – Саранск, 2006. – 247 с.

- 100.** Ким, М. П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР [Текст] / М. П. Ким. – М. : Госполитиздат. 1955. – 340 с.
- 101.** Кобзев, А. В. Мусульмане Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] : (этноконфессиональный аспект) : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07 / А. В. Кобзев. – Ульяновск, 2002. – 428 с.
- 102.** Козлов, Ф. Н. Место религии и атеизма в жизни чувашей XIX – XX столетий – 1920-х годов: к постановке вопроса [Текст] / Ф. Н. Козлов // Страницы культурной жизни Симбирской губернии – Ульяновской области : сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. – Ульяновск : ИП Васильева М. Н., 2012. – С. 29-34.
- 103.** Козлов, Ф. Н. Голод 1921-1922 годов в Чувашском и Марийском краях в конспекте государственно-церковных отношений [Текст] / Ф. Н. Козлов // PolitBook. – 2012. – № 2. – С. 142-156. – ISSN 2227-1538.
- 104.** Комплеева, Л. Ю. Культура потребления алкоголя в средневолжской деревне в период НЭПа [Текст] / Л. Ю. Комплеева // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27 – С. 722-724. – ISSN 1999-7116.
- 105.** Константинова, Д. Г. Демографические и морально-нравственные изменения в России в период 1917-1922 гг. [Текст] / Д. Г. Константинова // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 7. В 2-х ч. Ч 1. – С. 87-89. – ISSN 1993-5552.
- 106.** Коротин, Ю. Н. К вопросу о просвещении коренных народов Среднего Поволжья в начале 1920-х гг. [Текст] : (на примере мордовской народности) / Ю. Н. Коротин // XXI век : итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. акад., 2013. – №11(15). – Т. 1. – С. 43-48. – ISSN 2221-951X.
- 107.** Королева-Конопляная, Г. И. Теория этногенеза Л. Н. Гумилева [Текст] / Г. И. Королева-Конопляная // Социально-политический журнал. – 1994. – № 7/8. – С. 121-125. – ISSN 0132-1625.

- 108.** Корольков, О. Л. Национально-культурное строительство в Приенисейском крае в 1920-е гг. [Текст] : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / О. Л. Корольков. – Кемерово, 2010. – 231 с.
- 109.** Коротков, В. А. Реализация политики «социального нивелирования» населения России в первые годы Советской власти, 1918-1920 гг. [Текст] : (на материалах Среднего Поволжья / В. А. Коротков, И. А. Чуканов, А. И. Чуканова // Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2011. – № 1(3). – С. 53-66. – ISSN 2224-1620.
- 110.** Косенкова, Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. [Текст] : от творческих поисков к практике строительства / Ю. Л. Косенкова. – М. : Либроком, 2009. – 440 с. – ISSN 2224-1620.
- 111.** Костикова, Е. А. Советская политика ликвидации неграмотности в 20-е – сер. 30-х гг. XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Е. А. Костикова. – Саратов, 2005. – 24 с.
- 112.** Котляров, С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии [Текст] : автореф. дис. ... истор. наук: 07.00.02 / С. Б. Котляров. – Саранск, 2005. – 24 с.
- 113.** Кочepasова, Т. Ю. Развитие культуры в Среднем Поволжье (1921-1925 гг.) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. Ю. Кочepasова. – Самара, 1997. – 18 с.
- 114.** Красовицкая, Т. Ю. Власть и культура [Текст] : ист. опыт орг. гос. руководства нац.-культ. стр-вом / Т. Ю. Красовицкая ; Рос. АН, Ин-т рос. истории, М-во образования РФ, Ин-т нац. пробл. образования. – М. : Наука, 1992. – 300 с. – ISBN 5-02-008697-5.
- 115.** Кривенький, А. И. Комсомол в борьбе за единство своих рядов: 1921 – 1932 гг. [Текст] : учеб. пособие / А. И. Кривенький ; под ред. А. П. Зиновьева. – М. : ВКШ, 1980. – 114 с.
- 116.** Кубанцева, И. А. Становление системы распространения печатных изданий в 1918-1921 гг. [Текст] / И. А. Кубанцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 6(20). В 2 ч. Ч. 1. – С. 124-128. – ISSN 1997-292X.

117. Культурология : учеб. пособие [Текст] / Г. В. Драч [и др.] ; под ред. Г. В. Драча. – М. : [Альфа-М], 2003. – 432 с. – ISBN 5-98281-003-7.

118. Купцова, И. А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации [Текст] : дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / И. А. Купцова. – М., 2011. – 377 с.

119. Латыпов, Р. Т. Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов [Текст] : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Р. Т. Латыпов. – Екатеринбург, 2001. – 250 с.

120. Лебина, Н. Б. За последней чертой [Текст] / Н. Б. Лебина // Родина. – 1994. – № 8. – С. 69-81. – ISSN 0235-7089.

121. Ленин, В. И. Культурная революция. Хроника событий (1917-1923 гг.) [Текст] / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1972. – 314 с.

122. Лившин, А. Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / А. Я. Лившин. – М., 2004. – 48 с.

123. Лекарева, В.А. Роль физической культуры в укреплении социальной стабильности государства 1917-1928 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / В. А. Лекарева. – Самара, 1998. – 17 с.

124. Лесных, А. В. Отношение крестьян к советской власти в воронежской губернии (1917-1921 гг.) [Текст] / А. В. Лесных // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – № 54 – С. 124-132. – ISSN 1992-6464.

125. Липатова, Н. В. Власть и общество: советская сельскохозяйственная коммуна как социальный эксперимент [Текст] / Н. В. Липатова // Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2011. – № 3(5). – С. 13-16. – ISSN 2224-1620.

- 126.** Лиценбергер, О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI –XX вв.) [Текст] / О. А. Лиценбергер. – Минск : Принткорп, 2003. – 544 с.
- 127.** Лиценбергер, О. А. Римско-католическая и евангелическо-лютеранская церкви в России : сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. А. Лиценбергер. – Саратов, 2005. – 53 с.
- 128.** Лопатин, П. И. Город настоящего и будущего [Текст] / П. И. Лопатин. – М. : Новая Москва, 1925. – 72 с.
- 129.** Лошаковская, З. К. История библиотечного дела в Дагестане [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / З. К. Лошаковская. – Махачкала, 2007. – 25 с.
- 130.** Лузгин, А. С. Промыслы Мордовии [Текст] / А. С. Лузгин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 144 с. – ISBN 5-7595-0290-5.
- 131.** Мавлюдов, И. Н. Татарская деревня в 1920-е гг. [Текст] : историография проблемы (по материалам Саратовской и Пензенской губернии) / И. Н. Мавлюдов // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 789-794. – ISSN 1999-7116.
- 132.** Мазаев, А. И. Праздник как социально-художественное явление [Текст] : монография / А. И. Мазаев. – М. : Наука, 1978. – 391 с.
- 133.** Масяйкина, Е. А. Материалы Всесоюзной библиотечной переписи 1934 г. как источник изучения деятельности сельских библиотек [Текст] / Е. А. Масяйкина // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – Томск, 2011. – № 4. – С. 87-97. – ISSN 2222-0836.
- 134.** Марков, А. П. Основы социокультурного проектирования [Текст] / А. П. Марков, Г. М. Бирженюк. – СПб. : СПб. Гуманит. Ун-т Профсоюзов, 1997 – 270 с.
- 135.** Матвеева, Н. В. Социально-демографическое развитие немцев СССР в 1920 – 1950-х годах [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Н. В. Матвеева. – Екатеринбург, 2011. – 29 с.

- 136.** Мельникова, Т. А. Ключевые задачи ВКП(б) и советского правительства в аграрной сфере в конце 1920-х - начале 1930-х гг. [Текст] / Т. А. Мельникова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – Т. 5, № 3. — С. 59-68. – ISSN 2075-9908.
- 137.** Мильштейн, О. А. Физическая культура и спорт на службе охраны и укрепления здоровья советского народа в период строительства и победы социализма (1917-1937 г.) [Текст] / О. А. Мильштейн // Очерки по истории физической культуры. – М. : [Б. и.], 1967. – С. 5-39.
- 138.** Милютин, Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов [Текст] / Н. А. Милютин. – М. ; Л. : ГИЗ, 1930. – 90 с.
- 139.** Михеева, Г. В. Научно-информационная библиография по историческим наукам в России в первое послереволюционное пятилетие (1917–1921 гг.) [Текст]. Ч. 2 / Г. В. Михеева // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств – СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2012. – № 4 (13) – С. 122-130.
- 140.** Многообразие культурных миров : научная школа профессора Н. И. Ворониной [Текст] / под. общ. ред. проф. Н. И. Ворониной. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 272 с.
- 141.** Наумов, Н. В. Был ли «режим личной власти»? [Текст] / Н. В. Наумов // Режим личной власти Сталина : к истории формирования : [материалы семинара, 1988 г.] / под ред. Ю. С. Кукушкина ; [предисл. В. М. Селунской]. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – С. 114–116. – ISBN 5-211-01259-X.
- 142.** Нечаев, М. Г. Библиотечный бум на Урале в конце XIX – начале XX в. [Текст] / М. Г. Нечаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 8(22). В 2-х ч. Ч. 1. – С. 141-147. – ISSN 1997-292X.
- 143.** Новикова, Н. Л. Повседневность как феномен культуры [Текст] / Н. Л. Новикова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 119 с. – ISBN 5-7103-0861-7.

- 144.** Озуф, М. Революционный праздник [Текст] / М. Озуф. – М. : Прогресс, 1981. – 416 с.
- 145.** Орлов, О. Л. Российский праздник как феномен культуры [Текст] / О. Л. Орлов // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 1. – С. 32-41. – ISSN 2220-3044.
- 146.** Охитович, М. А. Заметки по теории расселения [Текст] / М. А. Охитович // Советская архитектура. – 1930. – № 1/2. – С. 7-16.
- 147.** Очиров, У. Б. Калмыкия в период революции и Гражданской войны [Текст] : 1917-1920 гг. : дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / У. Б. Очиров. – М., 2007, – 450 с.
- 148.** Павлова, В. В. Государственной регулирование иммиграции рабочей силы в СССР в 1920-е гг. [Текст] / В. В. Павлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 12(26). В 3-х ч. Ч 1. – С. 184-188. – ISSN 1997-292X.
- 149.** Панкратова, Е. В. Национальные школы Среднего Поволжья в 1930-х – начале 1940-х гг. [Текст] / Е. В. Панкратова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 545-548. – ISSN 1999-7116.
- 150.** Паренчук, Т. Н. Праздничная культура современной России в контексте урбанизации [Текст] : дис. ... канд. культур: 24.00.01. / Т. Н. Паренчук. – Кемерово, 2008. – 230 с.
- 151.** Паудяль, Н. Ю. Динамика социальных функций исторических музеев России, 1921 – 1934 гг. [Текст] : дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Н. Ю. Паудяль. – М., 2001. – 123 с.
- 152.** Пиналов, С. А. История культурно-просветительной работы в СССР : учеб. пособие для ин-тов культуры [Текст] / С. А. Пиналов. – Киев: Вища школа, 1983. – 262 с.
- 153.** Пищулин, В. И. Государственная власть и творческая интеллигенция Советской России в 1920-1930 гг. [Текст] : дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / В. И. Пищулин. – М., 2011. – 340 с.

- 154.** Плюцинский, С. С. Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья [Текст]. 1917-1929 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / С. С. Плюцинский. – Волгоград, 2010. – 23 с.
- 155.** Поздняков, Н. Н. Культура российского провинциального города XVIII – начала XX вв. [Текст] : пространство и образ : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Н. Н. Поздняков. – Саранск, 2006. – 24 с.
- 156.** Поливина, М. А. Повседневная жизнь населения Северного Кавказа в годы гражданской войны 1917 – 1920 гг. [Текст] : (по материалам региональной периодики) : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / М. А. Поливина. – М., 2008. – 194 с.
- 157.** Полутина, Е. В. Социокультурная жизнь провинциального города на рубеже XIX-XX веков [Текст] : дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Е. В. Полутина. – Саранск, 2006. – 219 с.
- 158.** Поляков, А. Г. Методологические аспекты исследования церковно-государственных отношений и внутрицерковных процессов в контексте модернизации государства в конце 1920-х гг. [Текст] / А. Г. Поляков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 4(10). В 2 ч. Ч. 2. – С. 138-145. – ISSN 1997-292X.
- 159.** Полянская, Л. Ю. Политика Советского государства по формированию нового социокультурного облика крестьянства в период нэпа [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Л. Ю. Полянская. – Пенза, 2009. – 23 с.
- 160.** Беляев, О. (протоиерей). Храмы и монастыри города Симбирска : история, архитектура, святыни [Текст] : автореф. дис. ... канд. богословских наук: 09.00.13 / протоиерей О. Беляев. – Сергиев Посад (Троице-Сергиева Лавра), 2008. – 21 с.
- 161.** Прокофьева, Е. Ю. Проблемы регулирования труда и заработной платы рабочих государственных промышленных предприятий в 1920-е гг. [Текст] : (по материалам центрального Черноземья) / Е. Ю. Прокофьева //

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 12(26). В 3-х ч. Ч 2. – С. 151-158. – ISSN 1997-292X.

162. Пряженникова, М. В. Пропаганда безбожия в Восточном Забайкалье в 1920-1930-х гг. [Текст] / М. В. Пряженникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 12(26). В 3-х ч. Ч. 2. – С. 158-162. – ISSN 1997-292X.

163. Пушкарёв, В. Г. Фольклорный театр как особая форма зрелищная форма в культуре России [Текст] / В. Г. Пушкарёв // Общество. Среда. Развитие. (Terra Humana). – 2010. – № 3. – С. 133-139. – ISSN 1997-5996.

164. Ракитянская, А. И. Феномен праздника и его место в русской духовной культуре [Текст] : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / А. И. Ракитянская. – СПб., 2006. – 24 с.

165. Ракова, О. А. Институционально-отраслевой аспект регионального культурогенеза 1920 – 1980-х годов на территории Николаевского района Хабаровского края [Текст] : дис. ... канд. культ.: 24.00.01 / Ракова Ольга Алексеевна – Хабаровск, 2010. – 190 с.

166. Режим личной власти Сталина: к истории формирования [Текст] : [материалы семинара] / под ред. Ю. С. Кукушкина. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 158 с. – ISBN 5-211-01259-X.

167. Резенова, В. М. Предпринимательская деятельность купечества России в историко-культурном контексте XVIII – начала XX вв. [Текст] : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / В. М. Резенова. – Саранск, 2005. – 20 с.

168. Ремизова, Т. А. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921-1925 гг.) [Текст] / Т. А. Ремизова. – М. : Наука, 1962. – 256 с.

169. Рогач, А. А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918-1920 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. А. Рогач. – Самара, 2009. – 20 с.

- 170.** Ростов, И. В. Шахматный отдел [Текст] / И. В. Ростов // Пролетарский путь. – 1926. – № 244. – 26 октября – С. 4.
- 171.** Ростова, Н. В. К особенностям отечественной режиссуры в театре и кинематографе на начальном этапе ее становления (на рубеже XIX-XX вв.) [Текст] / Н. В. Ростова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 83-91. – ISSN 1609-624X.
- 172.** Рочева, И. В. Библиотеки Коми АССР в 1918-1941 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / И. В. Рочева. – Сыктывкар, 2005. – 20 с.
- 173.** Румянцева, Н. М. Дореволюционная периодическая печать о деятельности органов городского самоуправления [Текст] / Н. М. Румянцева // Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2012. – № 4(10). – С. 48-52. – ISSN 2224-1620.
- 174.** Рыбаков, Р. М. Роль комсомола в регулировании трудовой деятельности несовершеннолетних в 20-е гг. XX в. [Текст] / Р. М. Рыбаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 7(21). В 3-х ч. Ч. 3. – С. 164-168. – ISSN 1997-292X.
- 175.** Рябцев, Ю. С. Хрестоматия по истории русской культуры [Текст] : первая половина XX в. / Ю. С. Рябцев. – М. : Владос, 2003. – 383 с. – ISBN 5-691-01007-7.
- 176.** Саблин, В. А. Крестьянский двор на Европейском Севере России в 1917 – 1920-е гг. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / В. А. Саблин. – Вологда, 2006. – 52 с.
- 177.** Сабсович, Л. М. Города будущего и организация социалистического быта [Текст] / Л. М. Сабсович. – М. : Гос. тех. изд-во, 1929. – 63 с.
- 178.** Савичева, Т. С. Московский Художественный театр в общественной и культурной жизни России конца XIX – начала XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Т. С. Савичева. – М., 2009. – 29 с.
- 179.** Самолыга, И. А. Союзы потребительской кооперации и их роль в развитии товарообмена города и деревни в 20-30-е годы XX века [Текст] :

дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / И. А. Самолыга. – Кострома, 2011. – 252 с.

180. Сарычева, Т. В. Развитие учебно-спортивной работы в вузах г.Томска в послевоенный период (1945-1955 гг.) [Текст] / Т. В. Сарычева, Ю. Т. Ревякин // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 19-23. – ISSN 1609-624X.

181. Святогорова, В. С. Инверсия традиционного костюма в этнической моде республики Мордовия [Текст] / В. С. Святогорова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 2(6). – С. 1502-1505. – ISSN 1990-5378.

182. Семенов, М. Ю. Проблема исторического исследования феномена городской культуры. Театр и театральная жизнь Курска в конце XIX - начале XX веков как часть городской культуры [Текст] / М. Ю. Семеновна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – Т. 19, № 16. – С. 128-136. – ISSN 1990-5327.

183. Сенектутова, И. М. Политика Советского государства в области культуры в период новой экономической политики 1921-1929 гг. : на материалах Нижнего Поволжья [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. М. Сенектутова. – Астрахань, 2007. – 205 с.

184. Силантьева, Е. Л. Художественная жизнь Симбирска на рубеже XIX-XX веков [Текст] : автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Е. Л. Силантьева. – М., 2005. – 30 с.

185. Сеницын, Ф. Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной Войне (1941-1945) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ф. Л. Сеницын. – М., 2009. – 29 с.

186. Скаковская, Л. Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века [Текст] : дис. ... д-ра филолог. наук: 10.01.01 / Л. Н. Скаковская. – Тверь, 2004. – 348 с.

- 187.** Скоропад, А. Э. Включение комсомола в систему политического контроля [Текст] : теоретическая основа / А. Э. Скоропад // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 1(27). В 2 ч. Ч. 2. – С. 163-165. – ISSN 1997-292X.
- 188.** Скульмовская, Л. Г. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях [Текст] : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06 / Л. Г. Скульмовская. – Екатеринбург, 2005. – 346 с.
- 189.** Слезин, А. А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи в начале 1920-х годов [Текст] / А. А. Слезин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 2(3). – С. 92-98. – ISSN 1997-292X.
- 190.** Смирнов, И. С. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г. – лето 1918 г.) [Текст] / И. С. Смирнов. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 448 с.
- 191.** Смирнов, П. И. Слово о России. Беседы о российской цивилизации [Текст] / П. И. Смирнов. – СПб. : Химиздат, 2004. – 324 с. – ISBN 5-93808-085-1.
- 192.** Соловьев, В. С. Сочинения [Текст]. В 2 т. Т. 1 / В. С. Соловьев – М. : Мысль, 1988. – 894 с. – ISBN 5-244-00192-2.
- 193.** Сологуб, Н. Н. Ликвидация неграмотности в Среднем Поволжье в 1917-1930-х годах [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Н. Сологуб. – Пенза, 2004. – 275 с.
- 194.** Сорокин, П. А. Социология революции [Текст] / П. А. Сорокин. – М. : РОССПЭН, 2010. – 551 с. – ISBN 978-5-8243-1215-7.
- 195.** Сорокин, П. В. Ведущие направления деятельности окружных органов власти Сибири 1925-1930 гг. [Текст] / С. П. Сорокун, В. Г. Дорохов // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – №1(7). – С. 175-178. – ISSN 1997-292X.

196. Сорокина, А. Ю. История развития народного творчества Ставрополья и Кубани. 1945-1985 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Ю. Сорокина. – Ставрополь, 2003. – 230 с.

197. Сотникова, Е. В. Музыкальное и театральное образование и просвещение в советской Сибири 1920-х – начала 1930-х гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Е. В. Сотникова. – Новосибирск, 2009. – 33 с.

198. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос [Текст] / И. В. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1946. – 84 с.

199. Старцев, В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава [Текст] / В. И. Старцев. – М. : Наука, 1980. – 260 с.

200. Стрекалова, Е. Н. Национальная интеллигенция Северного Кавказа в контексте государственной политик в 20-е гг. XX в. [Текст] / Е. Н. Стрекалова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 11(25). В 2 ч. Ч. 2. – С. 177-181. – ISSN 1997-292X.

201. Суник, А. Б. Размышление о физкультурно-спортивном движении в постреволюционную эпоху (20-е годы) [Текст] / А. Б. Суник // Теория и практика физической культуры. – 2005. – № 5. – С. 2-13. – ISSN 0040-3601.

202. Сурина, М. В. Этнодемографическое развитие Урала во второй половине XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Сурина. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

203. Сухова, О. А. Гендерные аспекты крестьянского сопротивления в российской истории XX в. : к постановке проблемы [Текст] / О. А. Сухова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 584-588. – ISSN 1999-7116.

- 204.** Теоретическая культурология [Текст] / А. В. Ахутин [и др.]. – М. : Академ. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2005. – 623 с. – ISBN 5-8291-0491-1.
- 205.** Тихонова, А. Ю. Региональная культура : образовательный аспект [Текст] / А. Ю. Тихонова. – Ульяновск : УИПКПРО, 2006. – 271 с. – ISBN 5-7432-0595-7.
- 206.** Тихонова, А. Ю. Уникальность региональной культуры Среднего Поволжья в культурологическом измерении [Текст] : автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / А. Ю. Тихонова. – Саранск, 2007. – 36 с.
- 207.** Толерантность и культура межнационального общения [Текст] / А. А. Акулова [и др.] ; под ред. Е. А. Журавлевой, В. В. Шалина. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2009. – 307 с. – ISBN 978-5-93491-267-4.
- 208.** Толковый словарь русского языка [Текст]. В 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель, 2000. – 528 с.
- 209.** Точеный, Д. С. В поисках крыши над головой: ульяновцы в клещах жилищного кризиса в конце 30-х годов XX века [Текст] / Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная // Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2013. – № 2(13). – С. 40-49. – ISSN 2224-1620.
- 210.** Трофимова, А. С. Развитие физкультурно-спортивного движения в Кузбассе : середина 60-80-х гг. XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. С. Трофимова. – Кемерово, 2007. – 28 с.
- 211.** Тузова, О. В. Музыкально-театральная практика Среднего Поволжья в период второй мировой войны 1939-1945 гг. [Текст] / О. В. Тузова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 1(15). В 2-х ч. Ч. 1. – С. 187-194. – ISSN 1997-292X.
- 212.** Туманова, Л. В. Культурно-просветительная деятельность кооперации на селе в период НЭПа [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. В. Туманова. – Саратов, 2004. – 28 с.

- 213.** Тяжельникова, В. С. Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х годов [Текст] / В. С. Тяжельникова // Россия в XX веке : люди, идеи, власть. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 194-219. – ISBN 5-8243-0295-2.
- 214.** Уразова, С. А. Особенности работы профсоюзов на частных предприятиях в годы НЭПа [Текст] / С. А. Уразова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 6(20). В 2-х ч. Ч. 1. – С. 193-196. – ISSN 1997-292X.
- 215.** Ураева, И. В. Библиотечное дело в процессе культурной модернизации российской провинции. 1917-1941 гг. : на материалах Тамбовского региона [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Ураева. – Тамбов, 2011. – 26 с.
- 216.** Фельдт, И. Н. Культурная жизнь Архангельска в конце XIX - начале XX в. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Н. Фельдт. – Ярославль, 2002. – 132 с.
- 217.** Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Форма государственного единства в отечественной истории XX века [Текст] / сост. О. И. Чистяков, Г. А. Кутьина. – М. : Юрайт, 2010. – 698 с. – ISBN 978-5-9916-0695-0.
- 218.** Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995 гг.) [Текст] / Моск. пед. гос. ун-т ; [сост. В. П. Попов и др.] ; под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М. : Гуманитар. изд. центр "ВЛАДОС", 1996. – 605 с. – ISBN 5-87065-076-3.
- 219.** Хорошего держитесь : церкви и религиозные объединения в Российской державе, Советском Союзе и независимых государствах, возникших после его распада / под ред. Г. Чёрнера и др. ; пер. с нем. Ю. А. Голубкина. – Харьков : Майдан : Фолио, 1999. – 480 с. – ISBN 966-7077-64-0.
- 220.** Хохлов, В. А. Заграничные гастроли московских театров и эмигрантский зритель в 20-е гг. [Текст] / В. А. Хохлов // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2 – С. 1-7. – ISSN 2072-9286.

- 221.** Цуканова, О. М. Становление и развитие физической культуры и спорта в Курском крае [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. М. Цуканова. – Курск, 2012. – 28 с.
- 222.** Чепурная, О. В. Майк О'Махоуни. Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура [Текст] / О. В. Чепурная // *Laboratorium* : журнал социальных исследований. – 2011. – № 3. – С. 177-180. – (Рец. на кн.: О'Махоуни, М. Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура / М. О'Махоуни ; пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишмана. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с. – ISBN 978-5-8679-3815-4.)
- 223.** Чванов, И. В. Российская провинция как социокультурный феномен [Текст] : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / И. В. Чванов. – Саранск, 1995. – 156 с.
- 224.** Черкесова, Е. В. Симбирская губернская ученая комиссия. Ее роль в археологическом изучении нашего края [Текст] / Е. В. Черкесова // *Россия и Мир : история культура, регионоведение : материалы Всерос. науч. конф.* – Ульяновск : УлГТУ, 2008. – С. 266-274. – ISBN 978-5-9795-0268-7.
- 225.** Чимитова, Д. К. Государственное управление в сфере культурного строительства в Бурятии в 1920-е годы [Текст] / Д. К. Чимитова, В. В. Номогоева // *Экономический журнал.* – 2010. – № 2. – С. 101-107. – ISSN 2072-8220.
- 226.** Чуканов, И. А. Денежная политика в годы НЭП [Текст] / И. А. Чуканов, А. И. Чуканова // *Симбирский научный вестник.* – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2011. – № 2(4). – С. 56-68. – ISSN 2224-1620.
- 227.** Чуканов, И. А. Роль и место политики продразверстки в насаждении Советской власти в российской глубинке (1918-начало 1919 года) [Текст] / И. А. Чуканов, А. И. Чуканова // *Власть.* – 2011. – № 3. – С. 160-162. – ISSN 2071-5358.
- 228.** Чуканов, И. А. Особенности февральской революции в средневолжской деревне (март-октябрь 1917 года) [Текст] / И. А. Чуканов, Л. А. Шайпак //

Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2012. – № 3(9). – С. 65-79. – ISSN 2224-1620.

229. Чумак, Е. Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. [Текст] / Е. Г. Чумак // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 8. – С. 109-114. – ISSN 1811-7465.

230. Чупрынников, С. А. Профсоюзы в советском культурном строительстве в 20-е – начале 30-х годов XX века. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С. А. Чупрынников. – Краснодар, 2004. – 44 с.

231. Шакирзянов, М. А. Национальная художественная интеллигенция и власть в Татарстане : проблемы взаимоотношений в 20-30-е годы [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 23.00.03 / М. А. Шакирзянов. – Казань, 1999. – 20 с.

232. Шаповалов, С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918-1930-е гг. [Текст] / С. Н. Шаповалов. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2012. – 125 с.

233. Шайдуллин, Р. В. Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала жителей татарской деревни [Текст] / Р. В. Шайдуллин, Р. А. Мухамедов // Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2012. – № 4(10). – С. 77-80. – ISSN 2224-1620.

234. Шалыгин, А. А. Национальная политика Советского государства в 1917-1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Шалыгин. – Саратов, 2010. – 26 с.

235. Шаповалова, Я. А. Политика большевиков в отношении семьи впервые годы советской власти [Текст] / Я. А. Шаповалова // Общество : политика, экономика, право. – 2010. – № 1. – С. 105-107. – ISSN 2071-9701.

236. Шаповалов, С. Н. Историческая трансформация Российских (Советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. : на материалах Краснодарского края и Ростовской области [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Н. Шаповалов. – Краснодар, 2011. – 27 с.

- 237.** Шаров, А. В. Военные комиссариаты – органы военного управления и воспитания красноармейцев [Текст] / А. В. Шаров // Симбирский научный вестник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2010. – № 2(2). – С. 71-77. – ISSN 2224-1620.
- 238.** Шарошкин, Н. А. Развитие спортивной работы в Поволжье 1920-е годы [Текст] / Н. А. Шарошкин, Т. Н. Кузьмина // Известия Пензенского гос. пед ун-та им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 19. – С. 120-123. – ISSN 1999-7116.
- 239.** Шелаева, С. С. Социокультурное развитие саратовской деревни в двадцатые годы XX в. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. С. Шелаева. – Саратов, 2003. – 174 с.
- 240.** Шдер, А. Л. Библиография [Текст] / А. Л. Шдер // Пролетарский путь. – 1926. – 30 дек. (№ 299). – С. 3.
- 241.** Ширшиков, А. Г. История становления и развития физической культуры и спорта в Приангарье 1923-1941 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Г. Ширшиков. – Иркутск, 2002. – 30 с.
- 242.** Шулепова, Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия [Текст] / Э. А. Шулепова // Культура памяти : сб. науч. ст. – М. : Древлехранилище, 2003. – С. 11-26. – ISBN 5-93647-056-8.
- 243.** Шульгин, В. С. Культура России, IX-XX вв. [Текст] : учеб. пособие / В. С. Шульгин, Л. В. Кошман, М. Р. Зезина. – М. : Простор, 1996. – 392 с. – ISBN 5-900451-17-8.
- 244.** Шульман, М. Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет Советской власти : октябрь 1917-1920 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. Г. Шульман. – Калуга, 2004. – 24 с.
- 245.** Щербакова, Н. А. Крестьянский протест в 1918-1920 гг. : истоки, формы, динамика [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Щербакова. – Калуга, 2009. – 24 с.
- 246.** Щербинин, А. И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени России [Текст] / А. И. Щербинин //

Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 2. – С. 52-69. – ISSN 1998-863X.

247. Щупленков, Н. О. Военно-патриотическая периодика Российского зарубежья (1920-1930 гг.) [Текст] / Н. О. Щупленков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 7(21). В 3-х ч. Ч. 3. – С. 220-222. – ISSN 1997-292X.

248. Юсупов, Р. Р. Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х – 1930-е гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Р. Р. Юсупов. – Саранск, 2009. – 23 с.

249. Яковенко, И. Г. Национальные интересы как социокультурный феномен : теоретический анализ на примере России [Текст] : дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / И. Г. Яковенко. – М., 2000. – 362 с.

250. Ялозина, Е. А. Перестройка органов управления народным образованием в 1920-е гг. : содержание, методы, результаты [Текст] / Е. А. Ялозина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 6(20). В 2 ч. Ч 1. – С. 221-223. – ISSN 1997-292X.

251. Geldern, J. Bolshevik festival, 1917-1920 [Text] / J. Geldern. – Berkeley : University of California Press, 1993. – 316 p. – ISBN 0520076907. – ISBN 9780520076907.

252. Figes, O. Natasha's dance, a cultural history of Russia [Text] / O. Figes. – N. Y. : Metropolis books Henry Holt and Company, 2002. – 728 p. – ISBN 0805057838. – ISBN 9780805057836.

253. Kort, M. A brief history of Russia [Text] / M. Kort. – N. Y. : Facts On File, 2008. – 310 p. – ISBN 9780816071128; ISBN 0816071128.

Нормативные акты, справочники, статистические издания, опубликованные материалы официального делопроизводства

- 254.** Всероссийская перепись населения 1920 года. Симбирская губерния. – Симбирск : Изд-во Симб. губ. статбюро, 1923. – 125 с.
- 255.** Всесоюзная перепись населения 1926 года. Средне-Волжский район. – М. : Изд-во Планхозгида, 1930. – 250 с.
- 256.** О централизации библиотечного дела в РСФСР : декрет Совета Народных Комиссаров от 3 ноября 1920 г. // Известия ВЦИК Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. – 1920. – № 249(1096). – 6 ноября. – С. 4.
- 257.** Декреты Советской власти [Текст]. В 16 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Госполитиздат, 1957. – 624 с.
- 258.** Декреты Советской власти [Текст]. В 16 т. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Госполитиздат, 1959. – 686 с.
- 259.** Декреты Советской власти [Текст]. В 16 т. Т. 3. 1 июля – 9 ноября 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. – М. : Политиздат, 1964. – 664 с.
- 260.** О национализации запасов книг и иных печатных произведений [Текст] : декрет Совета Народных Комиссаров от 20 апр. 1920 г. // В. И. Ленин и библиотечное дело / сост. К. И. Абрамов; ГБЛ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книга, 1977. – С. 268-269.
- 261.** О числе жителей по вероисповеданию за 1906 г. [Текст]. – Симбирск : Изд-во Симб. губ. стат. комитета, 1906. – 46 с.
- 262.** Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [Текст] / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1–89. – [Санкт-Петербург], 1899-1905. – 27. Симбирская губерния. – 1904. – [4], X, 177 с.

263. Среднее Поволжье в цифрах [Текст] : стат. справ. – Самара : Гос. изд-во. Сред.-Волж. обл. отд., 1929. – 232 с.

264. СССР. Законы и постановления. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. [Текст] / Упр. делами Совнаркома СССР. – М. : [Б. и.], 1942. – 1483 с.

Архивные материалы

Государственный архив Ульяновской области

265. Р. – 190 Оп. 1. Д. 175. Информационно-инструкторский подотдел. Протоколы заседаний коллегий Алатырского, Буинского и Сенгилеевского уездных отделов. Народного образования и Алатырского уездного делегатского съезда членов работников просвещения. 10 февраля 1920 г. – 8 марта 1922 г. 97 лл.

266. Р. – 190 Оп. 1. Д. 212. Материалы о работе губпрофобра, циркуляры, протоколы, положения. 18 июня 1920 г. – 13 декабря 1921 г. 118 лл.

267. Р. – 190 Оп. 1. Д. 225. Протоколы заседаний подотдела национальных меньшинств и коллегии при нем. 22 февраля 1920 г. – 3 февраля 1922 г. 48 лл.

268. Р. – 190 Оп. 1. Д. 226. Доклады зав. и инструкторов Мордовской секции ГубОНО и деятельности подотдела нацменьшинств при уездных отделах народного образования и о культурно-просветительской работе среди мордовского населения в уездах. 1 июня 1920 г. – 25 сентября 1921 г. 42 лл.

269. Р. – 190 Оп. 1. Д. 228. Сведения по чувашской секции подотдела просвещения нацмен и переписка ГубОНО по этому вопросу. 15 января 1920 г. – 5 ноября 1922 г. 30 лл.

270. Р. – 190 Оп. 1. Д. 230. переписка с губполитпросветотделом и другими отделам ГубОНО по вопросам открытия и работе татарского клуба, театра, тат. библиотеки и об организации 3-х месячных курсов культпросветработников. Сентябрь 1920 г. – 5 октября 1921 г. 44 лл.

- 271.** Р. – 190 Оп. 1. Д. 231. Материалы о состоянии физической культуры в учреждениях народного образования Симбирской губернии. /Протоколы приказы, инструкции, положения, анкеты и т.д. / 27 февраля 1920 г. – 5 января 1923 г. 82 лл.
- 272.** Р. – 190 Оп. 1. Д. 399. Положения о совете просвещения, книжном складе губернского отдела национальных меньшинств. Инструкция по проведению «Недели помощи детям». Схема информационной отчетности о состоянии сети учреждений по народному образованию. 20 мая 1921 г. – 31 декабря 1923 г. 86 лл.
- 273.** Р. – 190 Оп. 1. Д. 418. Сведения о школьных и культпросвет учреждениях губернии, о количественном составе учителей и учащихся за 1921-1925 год. 113 лл.
- 274.** Р. – 190 Оп. 1. Д. 498. Журнал «Народное просвещение» за 1922 г. 20 января 1922 г. – 25 сентября 1922 г. 64 лл.
- 275.** Р. – 190 Оп. 1. Д. 660. Отчеты о работе детской библиотеки. 19 марта 1923 г. – май 1924 г. 35 лл.
- 276.** Р. – 200. Оп. 2 Д. 512. Протоколы комитета по проведению недели ребенка в городе Симбирске и губернии. 19 ноября 1919 г. – 16 ноября 1920 г. 28 лл.
- 277.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 531. Протоколы заседаний комитета по проведению недели ребенка в губернии, переписка с уездными исполнительными комитетами по этому же вопросу. 15 ноября 1920 г. – 23 декабря 1920 г. 24 лл.
- 278.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 537. Протоколы, инструкция Ардамовской уездной комиссии по проведению «Недели ребенка» в уезде. 30 октября г. – 22 ноября 1920 г. 23 лл.
- 279.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 550. Списки членов волостных исполнительных комитетов Симбирской губернии. 5 февраля 1920 г. – 24 февраля 1920 г. 41 лл.

- 280.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 575. Протокол заседания комиссии ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования X-летия Октябрьской революции. Протоколы комиссий и план работы по проведению подготовительных работ Хлетию Октябрьской революции. 15 января 1921 г. – 14 июля 1927 г. 261 лл.
- 281.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 587. Личные карточки членов Симбирского губернского исполнительного комитета. 4 октября 1920 г. – 7 октября 1920 г. 39 лл.
- 282.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 633. Протоколы заседания комиссии по проведению «недели ребенка», доклад члена губкомитета об итогах проведения «недели ребенка» в Алатырском и Ардатовском уездах и т.д. 20 ноября 1920 г. – 17 января 1921 г. 116 лл.
- 283.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 683. Переписка с губернским и уездными отделами народными образованиями, губсобесом о высылке полугодовых отчетов, о запрещении самовольных раскопок в губернии, о оказании материальной и лечебной помощи О.А. Серовой, вдове знаменитого композитора Серова А. и матери талантливейшего русского художника Серова В.А. 15 октября 1920 г. – 30 марта 1921 г. 38 лл.
- 284.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 692. Приказы Симбирского исполнительного комитета. 31 июля 1921 г. – 16 мая 1921 г. 75 лл.
- 285.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1013. Переписка с губернским отделом народного образования, Симбирском государственным университетом по вопросам родного языка, размещении студентов и т.д. Том 1. 237 лл.
- 286.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1085. Материалы по изъятию церковных ценностей в волостях Симбирской губернии. 23 февраля 1923 г. – 1923 г. февраля 1923 г. 13 лл.
- 287.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1095. Обязательные постановления президиума Ульяновского губернского исполнительного комитета. 18 ноября 1925 г. – 29 декабря 1925 г. 53 лл.

- 288.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1097. Приказы Симбирского губернского управления. 25 января 1922 г. – 24 июня 1922 г. 128 лл.
- 289.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1295. Месячные отчеты о деятельности губернских и уездных учреждений за 1922 год. 1 января 1922 г. – 31 декабря 1922 г. 264 лл.
- 290.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1310. Отчеты о деятельности губернского отдела управления и его подотделов за март, апрель, май, июнь, сентябрь 1922 года. март 1922 г. – сентябрь 1922 г. 50 лл.
- 291.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1570. Обязательные постановления губернского исполнительного комитета. 8 мая 1923 г. – 9 марта 1925 г. 192 лл.
- 292.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1634. Отчеты о деятельности губернского планового, статистического отделов, отдела народного образования, здравоохранения за II квартал 1925-1926 операционного года. I января 1926 г. – I апреля 1926 г. 80 лл.
- 293.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1652. Выписки из протоколов заседаний президиума губернского исполнительного комитета, переписка с губернским отделом народного образования по вопросам просвещения. 17 марта 1925 г. – 5 мая 1925 г. 66 лл.
- 294.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1679. Выписки из протоколов заседаний президиума губернского исполнительного комитета, переписка с губернским отделом народного образования, с губернским архивом о перевозке из Усолья архива графа Орлова-Давыдова 3 января 1925 г. – 6 апреля 1925 г. 146 лл.
- 295.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1693. Переписка с Центральными комитетами добровольных обществ /Спасания на водах, Авиакима, Красного Креста/ об их деятельности. 10 января 1925 г. – 30 декабря 1925 г. 70 лл.
- 296.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1720. Обязательные постановления губернского исполнительного комитета. 9 января 1926 г. – 3 сентября 1926 г. 130 лл.
- 297.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1722. Постановления Всероссийского Центрального и Совета Народных Комиссаров РСФСР. 4 января 1926 г. – 8 марта 1926 г. 61 лл.

- 298.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1732. Переписка с уездными исполнительными комитетами об улучшении медицинского и культурного обслуживания национальных меньшинств. 19 февраля 1926 г. – 10 августа 1926 г. 107 лл.
- 299.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1734. Переписка с губернским отделом народного образования, с Дворцом Книги по вопросам народного образования, культурном обслуживании населения, по финансовым и т.д. 31 декабря 1925 г. – 12 марта 1926 г. 152 лл.
- 300.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1808. Докладные записки уполномоченного по делам национальных меньшинств товарища Жуклина об утверждении смет и планов / сметы и производственные планы на март-ноябрь 1926 г. 1926 г. 22 лл.
- 301.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1825. Доклады и отчеты заведующего губполитпросветотделом о полит-массовой работе в губернии. 1926 г. 115 лл.
- 302.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1843. Отчеты и планы местного комитета на 1926 год. 31 лл.
- 303.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1845. Переписка ВЦИК РСФСР и материалы по работе среди национальных меньшинств в губернии. 8 ноября 1926 г. – 14 марта 1927 г. 29 лл.
- 304.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1865. Переписка с школами, учебными заведениями по вопросу о финансовых и бюджете учреждений народного образования. 8 октября 1926 г. – 31 мая 1927 г. 499 лл.
- 305.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1870. Циркуляры Всероссийского Исполнительного комитета РСФСР Центральным исполнительным комитетам автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам . 23 февраля 1927 г. – 26 ноября 1927 г. 13 лл.
- 306.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1871. Директивы центра и губернии по вопросам изобразительной компании Советов. 1927 г. 51 лл.
- 307.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1875. Циркуляры Ульяновского губернского исполнительного комитета. 1927 г. 48 лл.

- 308.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1877. Циркуляры, инструкции и распоряжения ВЦИК РСФСР и обязательные постановления губернского исполнительного комитета и городского Совета. 23 августа 1926 г. – 13 октября 1927 г. 99 лл.
- 309.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1878. Циркулярные распоряжения всем отделам губернского исполнительного комитета и о проведении 10-летия Октябрьской революции. 1927 г. 31 лл.
- 310.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1913. Протоколы заседаний экономической комиссии и именной список сотрудников Ульяновского губернского исполнительного комитета. 1926 г. – 4 января 1928 г. 243 лл.
- 311.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 1914. Протокол пленума губернской комиссии по подготовке к празднованию 10-й годовщины Октябрьской революции. Протоколы заседаний коллегии Симбирского губотдела труда. 14 сентября 1923 г. – 21 октября 1927 г. 243 лл.
- 312.** Р. – 200. Оп. 2. Д. 2010. Обязательные постановления Ульяновского губернского исполнительного комитета. 23 января 1928 г. – 9 марта 1928 г. 142 лл.
- 313.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 41. О работе Красных уголков и клубов. 15 февраля 1925 г. – 5 марта 1926 г. 76 лл.
- 314.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 44. Сборник протоколов по физической культуре (соревнования). 1 января 1926 г. – 16 ноября 1926 г. 145 лл.
- 315.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 52. Планы проведения культурно-просветительных работ среди населения. 26 октября 1926 г. – июль 1927 г. 43 лл.
- 316.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 62. О библиографической работе. 15 ноября 1926 г. – 22 августа 1927 г. 54 лл.
- 317.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 63. О работе изб-читален и ведение политико-просветительской работы на окраинах. 30 мая 1926 г. – 28 июля 1927 г. 64 лл.
- 318.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 64. О работе кружков физического воспитания. 10 сентября 1926 г. – 22 октября 1922 г. 49 лл.
- 319.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 118. Планы методической работы, спектаклей и повышения квалификации. 12 ноября 1927 г. – 5 мая 1928 г. 56 лл.

- 320.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 122. О кино работе и художественной работе. февраль 1927 г. – апрель 1927 г. 45 лл.
- 321.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 125. Городской театр. 22 сентября 1927 г. – 24 марта 1928 г. 68 лл.
- 322.** Р. – 521 Оп. 1. Д. 129. Куликовская изба-читальня. 27 февраля 1927 г. – 20 июня 1928 г. 57 лл.

Периодика Симбирской (Ульяновской) губернии

- 323.** Булаты, И. Н. Под святым покрывалом. [Текст] / И. Н. Булаты // Пролетарский путь. – 1925. – № 71(28 марта). – С. 3
- 324.** Велопробег. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 123(2 июня). – С. 4
- 325.** Дневник календарь. [Текст] // Волстатистика и добровольного корресподента Ульяновской губернии – Ульяновск: Из-ние Ульяновского ГубСтатБюро, 1926.
- 326.** Елистратов, М. Е. Безбожники, не божитесь. [Текст] / М. Е. Елистратов // Пролетарский путь. – 1924. – № 283(18 декабря). – С. 3
- 327.** За водный спорт. // Пролетарский путь. – 1927. – № 144(29 июня). – С. 2
- 328.** Кино. Победы женщины. [Текст] // Пролетарский путь – 1927. – № 132(15 июня). – С. 3
- 329.** Кино и Школа. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 143(28 июня). – С. 3
- 330.** Клуб развивается. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 132(25 июня). – С. 3
- 331.** Книгу к 18 марту. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 66(18 марта). – С. 2
- 332.** Лопухин, Р. Н. Бой богам. [Текст] / Р. Н. Лопухин // Пролетарский путь. – 1924 . – № 123(31 мая). – С. 2

- 333.** На бегах. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 141(25 июня). – С. 4
- 334.** Нужно уметь бороться с религией. [Текст] / Савелов // Пролетарский путь. – 1927. – № 143(28 июня). – С. 2
- 335.** Октябрьские торжества в Ульяновске. Интернациональный вечер нацменьшинств. [Текст] // Пролетарский путь. – 1928. – № 262(11 ноября). – С. 7
- 336.** Орлов, С. О. Симбирск – Ленинск [Текст] / С. О. Орлов // Пролетарский путь – 1924. – № 5(31 января). – С. 3
- 337.** Праздник физкультуры. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – №117(26 мая). – С. 4
- 338.** Профсоюзная работа студенчества [Текст] // Пролетарский путь. – 1926. – № 133. – 15 июля – С. 2
- 339.** Спорт. Выезд футболистов в Казань. [Текст] // Пролетарский путь. – 1926. – № 173 (1 августа). – С. 4
- 340.** Спорт. Последний матч. [Текст] // Пролетарский путь. 1924. – № 245(8 октября). – С. 4
- 341.** «Сын мадам Сан Жен» («красная звезда»). [Текст] // Пролетарский путь. – 1926. № 225(3 октября) – С. 3
- 342.** Театра и музыка. За океаном. [Текст] // Пролетарский путь. – 1926. – № 268(18 декабря). – С. 4
- 343.** Усилим борьбу с сектантством. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 143(28 июня). – С. 2
- 344.** Успехи культработы. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 145(30 июня). – С. 3
- 345.** Физкультура. Лучше руководителя. [Текст] // Пролетарский путь. – 1928. – № 23(30 января). – С. 4
- 346.** Физкультура. Местные новости. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 143(28 июня). – С. 3

- 347.** Физкультура. Открыт спорт. Клуб. [Текст] // Пролетарский путь. – 1924. – № 267(16 ноября). – С. 4
- 348.** Физкультура. Открытие стрелкового тира. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 70(29 марта). – С. 4
- 349.** Физкультура. Постройка стадиона. [Текст] // Пролетарский путь. – 1927. – № 114(22 мая). – С. 4
- 350.** Физкультура и Спорт. [Текст] // Пролетарский путь. – 1930. – №231(4 октября). – С. 6
- 351.** Чуваши и Октябрьская революция. [Текст] // Ульяновский вестник. Сентябрь – № 17 – С. 36-37
- 352.** Чурбашкин, С. С. Симбирск в трауре. [Текст] / С. С. Чурбашкин // Пролетарский путь – 1924. – № 4(28 января). С. 4
- 353.** Школьная жизнь. Творчество чувашской школы. [Текст] // Пролетарский путь – 1927. - № 124(4 июня). – С. 3

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Личные карточки сотрудников губернского исполкома Симбирской губернии на 1920 г..

ФИО сотрудника Губисполкома	Образовательный уровень
Гольман Михаил Борисович	Не окончил учебу в Казанском университете
Гафуреев Сибустум Сежнович	Окончил 2-х классное училище
Захаров Троцкий Григорьевич	Окончил 4-х классное училище
Замник Иосиф Михайлович	Окончил низшую школу (работал токарем)
Малоховский Борис Яковлевич	Окончил киевский коммерческий институт
Пружников Андрей Григорьевич	Окончил Александровское техническое училище
Комаров Петр Харитонович	Учился в Московском Архитектурном университете с 1 по 3 курс
Френмак Василий Николаевич	Окончил учебу в Казанском университете
Рвачев Федр Федорович	Окончил 2-х классное училище
Дьяков Петр Михайлович	Окончил учебу в Симбирском горном училище
Соколов Василий Михайлович	Прошел курсы Ликбеза
Гимов Михаил Сергеевич	Окончил Юридические курсы

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 200. Оп. 2. Д. 587, Л. 13-55

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Национальные школы в Ульяновской губернии 1924/25 г.

Школа	Количество школ			Народ	Количество учащихся начало 1925 года		Количество учащихся конец 1925 года	
	1924 г	1925 г начало	1925 г конец		М	Ж	М	Ж
1 ступень	103	104	110	Мордва	1707	636	4739	873
1 ступень	30	30	33	Чуваши	1826	549	2048	563
1 ступень семилетка	15 3	15 3	27	Татары	1344	544	2817	
1 ступень	3	3	2	Эстонцы	33	24	31	28
1 ступень	2	2	3	Латыши	31	28	33	24
1 ступень	2	2	2	Украинцы	54	31	54	31

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 190. Оп. 1. Д. 418, Л. 19, 25

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Культурно-просветительские учреждения в 1925 г. в г. Ульяновска

№	КЛУБ	КРАСНЫЕ УГОЛКИ	СОЮЗЫ
1	Клуб им. Ильича – станция Ульяновская	Красный уголок Совторгслужащих	Союз Бани
2	Клуб им. Фрунзе	Красный уголок при РКИ	Союз Страхкасы
3	Клуб «красного транспортника» – ярмарочная площадь	Красный уголок при ГубСуде	Союз Бывший дом Н. Заборина
4	«Работник Связи» - улица Карла Маркса Почта	Красный уголок Отдела труда	Союз Кирпичный завод
5	«Карамзинская колония»	Красный уголок при Гимза	Союз Пищевиков
6	«Губзу» - Покровская 12	Красный уголок при ГПУ	Союз Завод симбирского пива
7	Культбазы водников – пристынь	Красный уголок при ГАО	Союз Спиртоводочный завод №5
8	Клуб «1-мая» патронного завода им. Володарского	Красный уголок при ГубФо	Союз Винозавод №2
9	Межсоюзный рабочий клуба железнодорожников в им. В.И. Ленина	Красный уголок при УИК-а	Союз Райкомвод местком
10		Красный уголок при Хлебопродукта	Союз Гормельница
11		Красный уголок при Губстрахе	Союз Текстильщиков
12		Красный уголок при Государственном банке	Союз Местком Ульсукно
13		Красный уголок при ЦРК-а	Союз Водников
14		Красный уголок при Рабфаке	Союз Транспортников
15		Красный уголок «Рабочий труд за Волгой»	Союз Месткомепод парой «печатники»

16		Красный уголок при Страхкассе	Союз Типография
17		Красный уголок ГИК-а	Союз строителей
18		Красный уголок при бане №2	
19		Красный уголок при Пожарниках	
20		Красный уголок «Асобазе»	
21		Красный уголок при «Горводопроводе»	
22		Красный уголок при горкоммунотделе О.М.Х.А.	
23		Красный уголок Дом охраны материнства (младенчества)	
24		Красный уголок при Поликлинике	
25		Красный уголок Аптечное дело	

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 521. Оп. 1. Д. 41, Л. 1-2

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Репертуар Ульяновского городского театра 1927-28 г.

Название спектакля	Театр, который инициирует постановку спектакля
Шторм	Театр М.Т.С.П.С.
Константин	Театр М.Т.С.П.С.
Любовь	Театр М.Т.С.П.С.
Любовь Яровая	Московский малый театр
Лево руля	Московский малый театр
Конец	Московский малый театр
Конец Криворыльска	Театр Революции
Любовь под вязами	Московский Камерный театр
Смерть Пушкина	Московский малый театр
Собор Парижской Богоматери	Московский малый театр
Вредный элемент	Московский малый театр
Медвежья свадьба	Московский малый театр
Пурга (человек класс и зверь)	Большой Ленинградский театр
Озеро «Любовь»	Театр Революции
Ремесло Г. Кюро	Театр Корма
Отцы и дети	Бакинский рабочий театр
Игуменья Митрофания	Бакинский рабочий театр
Кинороман	Студия малого театра
Торговцы славой	Московский художественный театр
Вирения	Третья Московская студия
Париж	Театр М.Т.С.П.С.
Любовь сила	Театр Корма
То чего не было	Ульяновский городской театр
Декабристы	Ульяновский городской театр
Каримская Старина	Ульяновский городской театр
Доходное место	Ульяновский городской театр
Обрыв	Ульяновский городской театр

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 521. Оп. 1. Д. 125, Л. 11

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Репертуар Ярославского городского театра 1927-28 г.

Название спектакля	Театр, который инициирует постановку спектакля
Любовь Яровая	Московский малый театр
Ржавчина	М.Т.С.П.С.
Лево руля	Московский малый театр
Конец Криворыльска	Театр Революции
Смерть Пушкина	Московский малый театр
Предельный элемент	Московский малый театр
Любовь под вязами	Московский Камерный театр
Собор парижской Богоматери	Московский малый театр
Маркидантка Сигарет	Московский малый театр
Щдеса в решете	Московский Камерный театр
Ремесло господина Кюро	Театр Корма
Аракчеевщина	Московский малый театр
Игумения Митрофания	Бакинский рабочий театр
Овод	М.Т.С.П.С.
Шторм	М.Т.С.П.С.
Убийство Судейкина	Московский малый театр
Смертельный поцелуй	Московский малый театр

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 521. Оп. 1. Д. 125, Л. 41

ПРИОЛОЖЕНИЕ №6

Список постановок режиссера т. Мирского

Репертуар Драмы режиссера Мирского: «Мандант», «Озеро-моль», «Конец Криворыльска», «Трат Наркома», «Король Уголь», «Любовь Яровая», «Кто виноват?», «Овод», «Аракчеевщина», «Игуменья Митрофания», «Отель», «Лес», «Гроза», «Пучина», «Дети Цитомина», «Воздушный пирог», «Любовь Жанны», «Бунт Малыша», «Блудливый директор», «Сэди», «Атлантида», «Убийство Судейкина», «Проститутка», «Цемент», «Царь Федр Иванович», «Собор Парижской Богоматери», «Зойкина квартира», «Гибель детства», «Маркитантка Сигарет», «Фальшивая Монета», «Мадам Сан Жен», «1881», «Заговор Императрицы», «Казнь», «Генрих VI», «За Океаном», «Двести тысяч»

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 521. Оп. 1. Д. 125, Л. 42

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Школьная олимпиада с 14 до 15 июня 1925 г. в г. Ульяновск.
Коллективные соревнования среди женщин.

Фамилия участника	Организация участника	100 м/с.	500 м/мин	Эстафета 3х60 м/с	Прыжок в высоту	Метания диска / метры
Костина	3 школа	14,3	2,3	27,7	1,15 м.	13,00
Орлова		14,5	1,53		1,12 м.	17,21
Шелавителева		14,1	1,41		1,15 м.	14,33
Назарева	3 школа	14,4	1,46	29,5	1,12 м.	15,70
Пакоржова		14,6	1,51		1,06 м.	9,05
Кузнецова		15	1,3		1,20 м.	15,05
Панорама	7 школа	14,5	-	29,1	1,12 м.	17,38
Слапошкина		14,6	1,49		0,99 м.	12,86
Козловская		15,2	1,45		1,06 м.	11,95

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 521. Оп. 1. Д. 44, Л. 5-53

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Школьная олимпиада с 14 до 15 июня 1925 г. в г. Ульяновск.
Индивидуальные соревнования среди женщин

Фамилия участника	Организация участника	Метания диска / метры	100 метров / секунды
Шелавительева	Губоно	15,00	15,0
Костина		14,70	15,3
Орлова		14,65	15,2
Понамарева		13,77	16,3
Казарова		14,30	16,1
Кузнецова		14,20	17,3
Панормова		13,47	17,4

Составлено по сведениям ГА УО ФР. – 521. Оп. 1. Д. 44, Л. 5-53

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Крупные спортивные мероприятия в Симбирске (Ульяновске).

Год	Количество мероприятий
1921	4
1922	2
1923	7
1924	17
1925	23
1926	24
1927	25
1928	27
1929	29
1930	31

Составлено по сведениям региональной советской печати